Сергѣй Нилусъ

НА БЕРЕГУ БОЖЬЕЙ РЕКИ

ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ
ТОМ 1

Подготовлено по изданиям 1916 — 1917 гг.

МОСКВА * САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«Лествица»
Северо-западный Центр православной литературы
«Диоптра»
1999

2000 ЛЕТ
РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

По благословению
Архиепископа Пермского и Соликамского
АФАНАСИЯ

ББК 84.Р1
Н 66

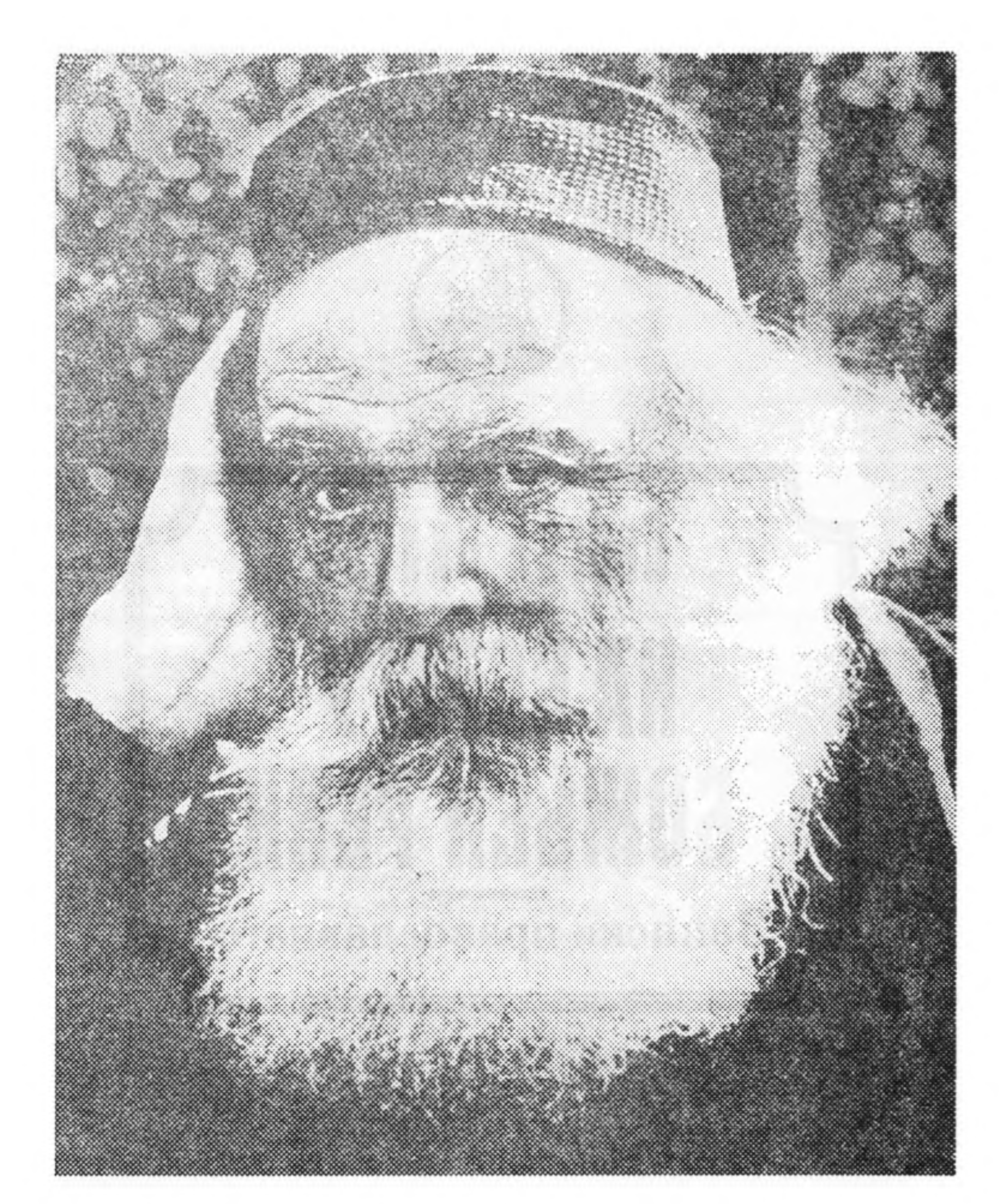
ISBN 5-85325-030-2

Сергѣй Нилусъ

НА БЕРЕГУ БОЖЬЕЙ РЕКИ

Записки православнаго

ЗАПИСКИ ПРАВОСЛАВНОГО

Назначение и цель христианского писателя — быть служителем Слова, способствовать раскрытию в Нем заключенной единой истины в ее бесконечно разнообразных проявлениях в земной жизни христианина и тем вести христианскую душу по пути Православия от жизни временной в жизнь вечную во Христе Иисусе Господе нашем.

С Покрова 1907 года[1] по день Св. Духа 1912 года Богу угодно было поселить меня со всей моей семьей на благословенной земле святой Оптиной пустыни. Отвели мне старцы усадьбу около монастырской ограды, с домом, со всеми угодьями, и сказали:

— Живи с Богом, до времени. Если соберемся издавать Оптинские листки и книжки, ты нам в этом поможешь; а пока живи себе с Богом около нас: у нас хорошо, тихо!..

---

[1] С Покрова 1917 года началось наше житье в Линовице под покровом храма в честь Покрова Пресвятыя Богородицы. Храм, правда, освящен был не на Покров, а ранее, 10 августа, 7 — 27 июля, но посвящение его именно этому празднику Богоматери. Он сооружен был покровской игумениею Софиею.

И зажили мы, с благословения старцев, тихою, пустынною жизнью, надеясь и кости свои сложить около угодников Оптинских.

Господь судил иначе. Слава Богу за все!..

Велика и несравненно прекрасна река Божья — святая Оптина! Течет река эта из источников жизни временной в море вечнорадостного бесконечного жития в царстве незаходимого Света, и несет на себе она ладьи и своих пустынножителей, и многих других многоскорбных, измученных, страдальческих душ, обретших правду жизни у ног великих Оптинских старцев. Каких чудес, каких знамений милости Божией, а также и праведного Его гнева, не таят в себе прозрачно-глубокие, живительные воды этой величаво-прекрасной, таинственно-чудной реки! Сколько раз с живописного берега ее, покрытого шатром пышно-зеленых сосен и елей, обвеянного прохладой кудрявых дубов, кружевом берез, осин и кленов заповедного монастырского леса, спускался мой невод в чистые, как горный хрусталь, бездонные ее глубины, и — не тщетно...

О благословенная Оптина!..

До новолетия 1909 года я был занят разбором старых скитских рукописей, ознакомлением с духом и строем жизни моих богоданных соседей, насельников святой обители. Плодом этого времени была книга моя “Святыня под спудом” и несколько меньших по объему очерков, нашедших себе приют в изданиях Троице-Сергиевой Лавры. С 1 января 1909 года я поло-

жил себе за правило вести ежедневные, по возможности, записки своего пребывания в Оптиной, занося в них все, что в моей совместной с нею жизни представлялось мне выдающимся и достойным внимания.

Чего только не повидал я, чего не передумал, не переслушал я за все те незабвенные для меня годы, чего не перечувствовал! Всего не перескажешь, да многого и нельзя рассказать до времени, по разным причинам слишком интимного свойства. Но многое само просится под перо, чтобы быть поведанным во славу Божию и на пользу душе христианской, братской мне по крови и по вере православной.

Откроем же, читатель дорогой, тетради дневников моих и проследим с тобою вместе, что занесло на их страницы благоговейно-внимательное мое воспоминание.

1909 ГОД

1 января

Встреча Нового года. Бабаевский блаженный Василий Александрович. Пр. Елеазар Анзерский

Вот уже и год прошел, да еще с прибавками в три месяца, как мы живем под покровом Царицы Небесной в Ее обители Оптинской. Не видали, как пролетело это время.

Новорожденного младенца семьи вечности — 1909 год — встретили всенощным бдением в Казанской церкви благословенной Оптиной. Ходили всей семейкой, разросшейся, благодарение Богу, до одиннадцати душ. Отстояли всенощную до величания великого Святителя Василия, приложились после Евангелия к его образу и после четвертой песни канона, около 10 часов вечера, пошли домой. Служба началась в половине седьмого, а конца первого часа и отпуста ранее половины одиннадцатого не дождаться: не всем моим под силу выстаивать до конца такие бдения, да и самому мне грех похвалиться выносливостью к монастырским стояниям, кроме тех, увы, редких случаев, когда, нежданная-негаданная, посетит нечувст-

венное. окаменелое сердце небесная гостья — молитвенная благодать Духа Святаго, “немощная врачующая, оскудевающая восполняющая”. Ну, тогда стой хоть веки!..

К 11 часам вечера пришел к нам иеромонах, о. Самуил с двумя клиросными, перекусили коечего с нами, выпили чайку и начали в моленной новогодний молебен. Была полночь, а в моленной мы и певчие пели “Бог Господь и явися нам”...

Идеальная встреча Нового года! Как благодарить за нее Господа!

— Крестообразно! — сказал мне как-то, года три назад, в Николо-Бабаевском монастыре на подобный же вопрос один полублаженный, а может быть, и блаженный, некто Василий Александрович, проживавший в холодной, трепаной одежонке и лето и зиму в омете соломы около монастырского молотильного сарая.

— Как? — переспросил я.

— Да так, очень просто, — ответил Василий Александрович и осенил себя крестным знамением. — Так и благодарите! — добавил он с милой, детски-наивной улыбочкой.

Верстах в пяти от монастыря у Василия Александровича было что-то вроде поместья — дом, надельная и наследственная, родителями благоприобретенная земля, — но он, как говорили мне, до этого не касался, предоставив все во владение семейному своему брату; сам же он был бобыль и довольствовался, как жилищем, монастырским ометом. В омет этот он уединялся, там и ночевывал, не обращая внимания ни

на какую погоду. Изредка, когда костромские морозы переваливали за 30 градусов, Василий Александрович забегал в монастырскую гостиницу погреться у гостинника и попить у него чайку... Когда-то он был послушником в Николо-Бабаевском монастыре, а затем, кажется, вторым регентом в Троице-Сергиевой Лавре. Лет двадцать назад, сказывали мне, у него был чудный голос — тенор, которым, бывало, заслушивались любители пения. Во времена моего с ним знакомства у него уже почти не оставалось голоса, но слух был на редкость верный, и мы с женой певали иногда с ним священные песнопения, поздним вечером, на крылечке монастырской гостиницы. Странный он был человек! Придет он, бывало, ко бдению в величественный Бабаевский собор, станет где попало и как попало, иногда даже полуоборотом к алтарю, поднимет голову кверху, воззрится в соборный расписной купол, да так и простоит, как изумленный, все бдение, не сходя с места и не пошевельнув ни одним мускулом. Внешней молитвенной настроенности в нем заметно не было. Была ли внутренняя — Бог весть; но по жизни своей, смиренной и скромной, исполненной всякой скудости и полнейшего нестяжания, он все-таки был человек не из здешних.

На том, видно, свете только и узнаем, кем был в очах Божиих бабаевский Василий Александрович.

Приходил поздравить нас с новым годом наш духовный друг, о. Нектарий, и сообщил

из жития анзерского отшельника, преподобного Елеазара, драгоценное сказание о том, как надо благодарить Господа.

— Преподобный-то был родом из наших краев, — поведал нам о. Нектарий, — из мещан он происходил козельских[1]. Богоугодными подвигами своими он достиг непрестанного благодатного умиления и дара слез. Вот и вышел он как-то раз — не то летнею, не то зимнею ночью, — на крыльцо своей кельи, глянул на красоту и безмолвие окружающей Анзерский скит природы, умилился до слез, и вырвался у него из растворенного божественною любовью сердца молитвенный вздох:

— О Господи, что за красота создания Твоего! И чем мне, и как, червю презренному, благодарить Тебя за все Твои великие и богатые ко мне милости?

И от силы молитвенного вздоха преподобного разверзлись небеса, и духовному его взору явились сонмы светоносных Ангелов, и пели они дивное славословие ангельское:

— Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение!

И голос незримый поведал преподобному:

— Этими словами и ты, Елеазар, благодари твоего Творца и Искупителя!

Осеним же и мы себя крестным знамением и возблагодарим Бога славословием ангельским: "Слава в вышних Богу!"

---

[1] Уездный город Калужской губернии, Козельск от Оптиной отстоит всего в трех верстах.

Но не остается, по-видимому, на земле мира; по всему видно, что и благоволение отнимается от забывших Бога человеков.

Что-то будет, что-то будет?

Хорошо в Оптиной, тихо!.. Надолго ли?

2 января

Друг из Елабуги. Дар "на память" из рук почившего о. Иоанна Кронштадтского. "Память" от Пр. Иоанна Многострадального. Значение о. Иоанна. Мессина и С.-Пьер. Пророчества исполняются. Угрозы будущего

Есть у нас в Елабуге сердечный друг, близкий нам по духу и вере человек, скромная учительница церковно-приходского училища Глафира Николаевна Любовикова. Близка она была любовию своею и верою к великому молитвеннику земли русской, о. Иоанну Кронштадтскому. Не потому близка она была ему, что жила под одною с ним кровлею — она и виделась-то с батюшкой на всем своем веку раза два-три, не более, — а по вере своей, по которой она имела от него, наверно, больше многих из тех, кто неотступно следовал за батюшкой в его всероссийских странствованиях. С этой рабой Божией наше знакомство долгое время было заочным, по переписке, вызванной интересом ее к моим книгам. Минувшим летом она из далекой своей Елабуги приехала на богомолье в Оптину, и здесь мы с нею и познакомились. Последним ее этапом перед Оптиной был Вауловский скит, недалеко от Ярославля, где в то лето начинала уже угасать святая жизнь великого кронштад-

ского молитвенника. Из Оптиной, по пути в Елабугу, она хотела опять заехать в Ваулов к батюшке.

— Будете у батюшки, — сказал я ей, — кланяйтесь ему от всех нас в ножки и попросите у него мне чего-нибудь из его вещей или из старой его одежды на память и благословение.

Какое имел для души моей значение кронштадтский пастырь, видно из книги моей "Великое в малом". Елабужскому другу просьба моя была понятна.

10 июня прошлого лета я получил от нее письмо, в котором она, между прочим, пишет так:

"Здравствуйте, мои дорогие! Спешу поделиться своею радостью и вкупе вашею. 1 июня, в 8 часов утра, пароход, на котором я уехала домой, не заставши батюшки в Ваулове, подошел к конторке. Я выхожу и узнаю, что о.Иоанн на Святом Ключе, в имении Стахеевых, в 17 верстах от Елабуги. Я сейчас же сдала багаж конторщику, а сама побежала на другую конторку, где стахеевский пароход ожидал гостей, которые были приглашены... Там все были рады, что я подоспела и еще увижу батюшку. К обедне мы уже не успели — батюшка уже отслужил. Когда меня батюшка благословил, то я ему под ухо говорю, что С.А.Нилус вам шлет земной поклон и просит вашего благословения. Батюшка говорит:

— Передай ему, что я глубоко-глубоко уважаю его, люблю его любовью брата о Христе.

Я говорю ему:

— Батюшка! Ему что-нибудь хочется получить от вас на память.

Он ответил:

— К сожалению, ничего у меня нет здесь"...

"Так и не пришлось мне, — пишет наш друг, — исполнить желание ваше, несмотря на видимое к вам расположение батюшки".

Сегодня — день памяти Преподобного Серафима Саровского. Мы с женой вдвоем ходили и к утрени, и к обедне. В этот знаменательный и любимый наш день мы получили из Петербурга от одного близкого родственника жены письмо и в нем небольшую веточку "буксуса" с несколькими листочками: во время заупокойного бдения, накануне погребения о.Иоанна, веточка эта была вложена в руку покойного и в ней лежала все время, пока шло бдение.

При жизни своей у батюшки не нашлось под руками что прислать мне на память, а по смерти эту "память" он прислал мне из собственных своих ручек, да еще через такое лицо, которое и знать-то ничего не могло о моем желании.

Еще замечательное совпадение: книга моя "Великое в малом", посвященная о. Иоанну Кронштадтскому, так много говорит о Преподобном Серафиме Саровском, что повествованием о нем, можно сказать, наполнена едва ли не четвертая часть ее первого тома. И вот в день Преподобного шлется мне зеленая ветвь на память от того, кому с такою любовию и верою был посвящен мой первый опыт посильного делания на пожелтевшей уже и близкой к жатве ниве Христовой. Я не признавал никогда и не

признаю случайного во внешнем, видимом мире, тем менее — в мире духовном, где для внимательного и верующего все так целесообразно и стройно. Не отнесу и этого важного для меня события к нелепой и несуществующей области случайного.

Да не будет!

И, на подкрепу моей вере, из уходящего в вечность моего прошлого приходит мне на память случай, подобный этому, но, пожалуй, еще более поразительный.

Года за два или за три до прекращения моей деятельности в качестве помещика Орловской губернии я в летнюю пору, по окончании покоса, до начала жатвы, отправился на своих лошадях к о. Егору Чекряковскому[1]. На душе накипело, сердце черстветь стало: надо было дать душе встряхнуться.

Приехал я к батюшке; вижу — его "правая рука" по детскому приюту, княжна Ольга Евгениевна Оболенская, собирается в путь.

— Куда это вы? — спрашиваю.

— Батюшка благословил отдохнуть, съездить к угодникам Киево-Печерским. Завтра еду. Не будет ли от вас какого поручения к святыням Киевским?

Вынул я из кармана кошелек, достал двугривенный и говорю:

— Когда будете в пещерах, помяните мое имя у Преподобного Иоанна Многострадаль-

---

[1] О нем см. "Великое в малом", изд. 3-е, ч. 1., стр. 239 — 274.

ного и на его святые мощи положите, как дар моего к нему усердия, этот двугривенный.

Почему тогда у меня явилось усердие именно к этому Божию угоднику из всего сонма остальных преподобных отцов Киево-Печерских, я до сих пор не знаю... Должно быть, так нужно было.

Княжна уехала; вернулся и я к рабочей поре в свое имение.

Прошло лето, настала осень: покончили с озимым посевом: управились с молотьбой... Пришла к нам на зимовку странница Матренушка — она года два зимовать к нам приходила. Нанесла она мне в дар всякой святыни из разных святых мест, а из Киева — иконочку Преподобного Иоанна Многострадального и шапочку с его святых мощей.

Очень мне это было трогательно, но особого внимания на этот дар между другими, ему равноценными, я не обратил.

В конце октября или начале ноября того же года приехал ко мне на денек со своей матушкой отец Егор Чекряковский. За беседой я, между прочим, спросил, хорошо ли съездила в Киев княжна.

— Хорошо-то хорошо, — ответил мне батюшка, — только не без горя: у нее в пещерах на первый же день вытащили из кармана кошелек, а в кошельке был золотой да ваш двугривенный. О золотом-то и о кошельке она и не скорбела, а вот что двугривенного вашего не донесла до мощей Преподобного, то ей в скорбь было великую; хотя она и заменила его своим,

да это по ней все не то — вышло, будто она ваше поручение неверно исполнила.

Меня точно молнией озарило.

— Нет, не так думает, — с живостью возразил я. — Донесен мой двугривенный до Преподобного...

И я показал, что получил из Киева от странницы Матрены. Призвал ее при батюшке и спрашиваю:

— Почему ты мне из Киева принесла святыню от Иоанна Многострадального? Почему ты его выбрала?

— Да я, — отвечает, — и не выбирала. У нас, у странников, в обычае, как придет время уходить из Киева, мы и собираем вскладчину заказать обедню о здравии и за упокой своих благодетелей в пещерской церкви. Так и этот раз было. После обедни служивший иеромонах стал нас оделять разной святыней: мне достались иконочка и шапочка с Преподобного, а я их вам и отдала за хлеб да за соль ваши. А другого чего у меня и в уме не было.

До сих пор бережется у меня эта святыня.

Не то же ли произошло и с веточкой о. Иоанна Кронштадтского? По моей вере — то же.

Смерть о. Иоанна Кронштадтского, на убогий мой разум, представляется мне тоже знамением сокровенного и грозного значения: от земли живых отъят всероссийский молитвенник и утешитель, мало того — чудотворец, да еще в такое время, когда на горизонте русской жизни все темнее и гуще собираются тучи... и одной ли только русской жизни? Не мировой ли?

Правда, “несть человек, иже поживет и не узрит смерти”; о. Иоанн болел долго, хотя почти до самой кончины своей был на ногах и служил Божественную Литургию дней за двенадцать до перехода в вечность. Смерть его не была неожиданностью — к ней готовились верующие. Но за кого теперь миловать грешную землю? Кому за нее с такою силой и властью умолять Судию Праведного? “Седмь тысящ, не подклонивших выи Ваалу”, быть может, и соблюдает Себе Господь, но не для того ли, чтобы сказать этой последней Своей на земле Церкви, этому малому Своему стаду:

— Изыди отселе, народ Мой!

Наше время и плоды его похожи на то, что совершилось в Иерусалиме перед осадой его и разрушением. На Рождестве не погибла ли так же ужасно цветущая Мессина, во мгновение ока похоронив под своими развалинами более 200000 человек? Даже кладбище Мессины, устоящее при первом землетрясении, спустя несколько дней после катастрофы новым подземным толчком было сметено с лица земли, так что и камня на камне не осталось от его пышных надмогильных памятников.

Не башня ли это Силоамская? Не грозит ли и нам Бог гибелью, если не покаемся? А покаяния не только не видно, но люди, несмотря на тяжкие язвы, на них налагаемые, только еще более хулят имя Божие. Максим Горький, например, выходец из недр русского народа, когда-то бывшего богоносцем, — что пишет он, несчастный безумец, по поводу мессинской ка-

тастрофы! "Такие страшные события, — вещает этот божок российской анархии, — могут еще иметь ме-сто, но только пока силы человечества растрачиваются на борьбу человека с человеком. Наступает время окончания этой борьбы, и тогда-то мы одолеем и самые стихии и принудим их подчиниться человеку"...

Что это, как не восстание на Бога падшего Денницы? Разве богохульными устами этого жалкого пошляка и кощунника не говорит апокалипсический зверь, которого еще нет, но чью близость уже предчувствует объятое трепетною жутью сердце человеческое: одних, и притом немногих, — как антихриста, близ грядущего в мире, других же, и их большинство, — как "сверхчеловека", мирового гения, который должен прийти и устроить все, "перековав мечи на орала и копия на серпы"...

На все мировые, современные нашему веку события мой ум и сердце отказываются смотреть иначе, как с точки зрения совершенного исполнения пророчеств Св. Писания, и в частности апокалипсических. Пятнадцать месяцев, проведенных мною в непрестанном общении с оптинскими преданиями, как письменными, так и устными, совершенно убедили меня, что я не ошибаюсь в своей уверенности: только с этой точки зрения все бестолковое, безумное, взимающееся на Бога, что творится во всем мире и что заразило уже Россию, может найти себе объяснение и не довести верующего сердца до пределов крайнего отчаяния, за которыми — смерть души вечная. И до чего люди, отвергшиеся ду-

ха Писания, слепы! И оком видят, и ухом слышат, и — не разумеют. Возьму на выдержку из газетных сообщений факты из того же мессинского события. Сообщается, например, что в числе отрытых нашими моряками жертв землетрясения была одна женщина, найденная под развалинами совершенно здоровой, только истощенной от голодовки и пережитого ужаса. В момент землетрясения она с мужем своим спала на одной кровати. Когда провалилась их спальня и их засыпало обломками, то мужа около нее не оказалось. Она еще некоторое время слышала его голос из-за разделившей их груды мусора; стоило, казалось, протянуть ей руку и коснуться мужа, но это было невозможно. И вот мужнин голос, вначале громкий, стал затихать и, наконец, совсем замер.

Умер муж, а жена осталась.

Разве это не точное исполнение слов Спасителя: "Сказываю вам: в ту ночь будут двое на одной постели: один возьмется, другой оставится"?[1]

В той же Мессине, по словам тех же газет, от всеобщего разрушения сохранены были только два здания, и были эти здания — тюрьма и дом сумасшедших. Уцелели, стало быть, только осужденные и отверженные миром, а осудивший, отвергнувший их мир погиб.

Это ли не знамение Промысла Божия?! Имеющий уши слышати да слышит!..

Всего знаменательнее, что такие подробности катастрофы, явно свидетельствующие исти-

---

[1] Лк., XVII, 34.

ну и непререкаемость Божьего слова, исходят со столбцов таких органов печати и от таких людей, которых в клерикализме заподозрить отнюдь никто не может.

Когда на острове Мартиника разразилась над городом С.-Пьером подобная же, если не еще более ужасная катастрофа, то там изо всего города в живых остался только один негр, заключенный в подземную темницу. На утро следующего дня он должен был преданным быть казни, а казнь свершилась над осудившими его.

Все это — знамения! Но кто им внимает?

3 января

Два знаменательных события в Оптиной пустыни. Их значение как знамения для православного мира. Голый человек на престоле Введенского храма. Что это знаменовало?

Немало знамений является и в нашей, пока еще богоспасаемой пустыни!

В самый день Рождества Христова в ней совершилось два крупных по своему внутреннему значению события: во время торжественной литургии, совершаемой соборно самим о. архимандритом, в самый момент великого входа, загорелся и сгорел до основания монастырский черепичный завод.

Это — событие первое.

В пятом часу того же дня, когда в храме началось чтением 9-го часа повечерие, в келье своей от разрыва сердца внезапно скончался мо-

настырский благочинный о. Илиодор, человек не старый и на вид еще совсем бодрый.

Это — событие второе.

Таким образом, начало нового христианского года, который логично должен начинаться со дня Рождества Христова, ознаменовалось пожаром и смертью. Сгорел кровельный завод; умер благочинный. Не прообраз ли это от частного к общему того, что и в миру, по имени христианском, новый год откроется также пожаром (духовным — мы должны рассуждать обо всем духовно), который коснется чего-то покровного (не веры ли, подобной дереву, выросшему из горчичного семени?), и что в наступающем году наступит внезапный конец благочинию (церковному)? Касаясь самой Оптиной пустыни, где явлены были эти знамения, они не могут не отразиться и на всем православном мире. Оптина пустынь не есть какой-нибудь безвестный, затерявшийся на путях и распутиях мира уголок — она, со смертью о. Иоанна Кронштадтского, стала едва ли не важнейшим центром православно-русского духа: совершающееся в ней, как в центре, неминуемо должно отозваться так или иначе как на периферии, так на всем организме русского, а с ним и вселенского Православия. Сейсмические инструменты Пулковской обсерватории не показывают ли землетрясений, происходящих даже в другом полушарии?..

Последим за событиями: они укажут, правильна ли или нет эта точка зрения.

Перед всероссийским разгромом 1905 года, в августе 1904 года в той же Оптиной произошло событие, важность которого была по достоинству оценена внимательными.

Дело было так.

В начале каникул лета того года в Оптину пустынь к настоятелю и старцам явился некий студент одной из Духовных академий, кандидат прав университета[1]. Привез он с собою от своего ректора письмо, в котором, рекомендуя подателя, о. ректор (преосвященный) просит начальство пустыни дать ему возможность и указания к деятельному прохождению монашеского послушания во все его каникулярное время.

Аспирант монашеского подвига был принят по-оптински — радушно и ласково. Отвели ему номерок в гостинице, где страннопри-имная, а послушание дали то, через которое, как чрез начальный искус, Оптинские старцы проводят всякого, кто бы ни пришел поступать к ним в обитель, какого бы звания или образования он ни был: на кухне чистить картошку и мыть посуду. Так как у нового добровольца-послушника оказался голос и некоторое умение петь, то ему было дано и еще послушание — петь на правом клиросе. Оптинские церковные службы очень продолжительны, и круг ежедневного монастырского богослужения обнимает

[1] Сергей Яковлевич Смарагдов. Впоследствии след его отыскался: он оказался священником Сухумского собора. Ему принадлежит сомнительная честь разгрома Иверско-Алексиевской женской общины о. Софрония близ Туапсе.

собою и утро, и полдень, и вечер, и большую часть ночи[1]: чистить картошку и посещать клиросное послушание — это такой труд, добросовестное исполнение которого под силу только молодому, крепкому организму и хорошо дисциплинированной воле, одушевленной к тому же ревностью служения и любви к Богу. Но этого труда ученому послушнику показалось недостаточно, и он самовольно (по-монастырски — самочинно) наложил на себя сугубый молитвенный подвиг: стал молиться по ночам в такое время, которое даже и совершенным положено для отдохновения утружденной плоти. Это было замечено гостинником той гостиницы, где была отведена келья академисту; пришел он к настоятелю и говорит:

— Академист-то что-то больно в подвиг ударился: по ночам не спит, все молится; а теперь так стал молиться, что послушать — страшно становится: охает, вздыхает, об пол лбом колотится, в грудь себя бьет.

Призвали старцы академиста, говорят:

— Так нельзя самочинничать: этак и повредиться можно, в прелесть впасть вражескую. Исполняй, что тебе благословлено, а на большее не простирайся.

---

[1] Утреня начинается в час ночи, оканчивается в начале пятого утра; ранняя обедня от половины шестого до семи утра; поздняя — от половины девятого до половины одиннадцатого в будни, в праздники — до половины двенадцатого; вечерня — от пяти до половины восьмого вечера; правило — от восьми до половины девятого вечера. Таково приблизительно ежедневное распределение оптинских служб.

Но усердного не по разуму подвижника, да еще ученого, остановить уже было нельзя: что, мол, понимает монашеская серость? Я все лучше их знаю!

И, действительно, узнал, — дошел до таких степеней, до каких еще никто не доходил из коренных подвижников Оптинских!..

Вскоре после старческого увещания певчими правого клироса была замечена явная ненормальность поведения академиста: он что-то совершил во время церковного пения, такое, что его с клироса отправили в монастырскую больницу; а в больнице у него сразу обнаружилось буйное умопомешательство. Пришлось его связать и посадить в особое помещение, чтобы не мог повредить ни себе, ни людям. За железной решеткой в небольшом окне, за крепкой дверью и запором и заключили до времени помешанного, а тем временем дали о нем знать в его академию.

Событие это произошло 1 августа 1904 года, а 2 августа оно разрешилось такой катастрофой, о какой не только Оптина пустынь, но и Церковь русская не слыхивала, кажется, от дней своего основания.

Во Введенском храме (летний оптинский собор) шла утреня. Служил иеромонах о. Палладий, человек лет средних, высокой духовной настроенности и богатырской физической силы. На клиросах пели "Честнейшую Херувим"; о. Палладий ходил с каждением по церкви и находился в самом отдаленном от алтаря месте храма. Алтарь был пуст, даже очередной пономарь, и тот

куда-то вышел. В церкви народу было много, так как большая часть братии говела, да было немало говельщиков и из мирских богомольцев... Вдруг в раскрытые западные врата храма степенно и важно вошел некто совершенно голый. У самой входной двери этой, с левой стороны, стоит ктиторский ящик, и за ним находилось двое или трое полных силы молодых монахов; в трапезной — монахи и мирские; то же — и в самом храме. На всех нашел такой столбняк, что никто, как прикованный, не мог сдвинуться с места... Так же важно, той же величественною походкой голый человек прошел мимо всех богомольцев, подошел к иконе Казанской Божией Матери, что за правым клиросом, истово перекрестился, сделал перед нею поклон, направо и налево, по-монашески, отвесил поклоны молящимся и вступил на правый клирос.

И во все это время, занявшее не менее двух-трех минут, показавшихся очевидцам, вероятно, вечностью, никто в храме не пошевельнулся, точно силой какой удержанные на месте.

Не то было на клиросе, когда на него вступил голый: как осенние сухие листья под порывом вихря, клирошане — все взрослые монахи — рассыпались в разные стороны, один даже под скамейку забился, — гонимые паническим страхом. И тут во мгновение ока голый человек подскочил к царским вратам, сильным ударом распахнул обе их половинки, одним прыжком вскочил на престол, схватил с него крест и Евангелие, сбросил их на пол далеко в сторону и встал во весь рост на престоле, лицом к мо-

лящимся, подняв кверху обе руки, как некто, кто "в храме Божием сядет, как Бог, выдавая себя за Бога..."[1].

Мудрые из Оптинских подвижников так это и поняли.

Этот голый человек был тот самый академист, что, вопреки воле старцев и без их благословения, затеял самовольно подвижничать и впал в состояние омрачения души, которое духовно именуется прелестию...

Тут сразу как точно кандалы спали с монахов — все разом бросились на новоявленного бога, и не прошло секунды, как уже он лежал у подножия престола, связанный по рукам и ногам, с окровавленными руками от порезов стеклом, когда он выламывал железную решетку и стеклянную раму своего заключения, и с такой сатанинской, иронически злой усмешкой на устах, что нельзя было на него смотреть без тайного ужаса.

Одного монаха он чуть было не убил, хватив его по виску тяжелым крестом со мощами; но Господь отвел удар, и он только поверхностно скользнул, как контузия, по покрову височной кости. Он ударил того же монаха вторично кулаком по ребрам, и след этого удара, в виде углубления в боку, у монаха этого остался виден и доселе.

Когда прельщенного академиста вновь водворили в его келью, где, казалось, он был так

---

[1] 2 Сол. 2, 4.

крепко заперт, он сразу пришел в себя, заговорил, как здоровый...

— Что было с вами? — спросили его. — Помните ли, что вы наделали?

— Помню, — ответил он, — все хорошо помню. Мне это надо было сделать: я слышал голос, который повелевал мне это совершить, и горе было бы мне, если бы я не повиновался этому повелению... Когда, разломав раму и решетку в своем заключении и скинув с себя белье, я, нагой, как новый Адам, уже не стыдящийся наготы своей, шел исполнить послушание "невидимому", я вновь услыхал тот же голос, мне говорящий: "Иди скорее, торопись, а то будет поздно!" Я исполнил только долг свой перед пославшим меня.

Так объяснил свое деяние новейший Адам, сотворивший волю пославшего его отца лжи и духовной гордости.

Отправили прельщенного в Калугу, в Хлюстинку — больницу для душевнобольных, а оттуда его вскоре взял на свое попечение кто-то из его ближайших родственников. Дальнейшая судьба его в точности не известна. Слышно было, что он окончательно выздоровел, духовную академию оставил и служит где-то по судебному ведомству[1].

---

[1] Из "Прибавления к церковным ведомостям" № 43

В настоящее время в Крестовой церкви в Екатеринбурге при архиерейских служениях большею частью проповедником выступает о. И. Сторожев, а в числе богомольцев стало нередкостью видеть прежних товарищей его — людей, большею частью давно отбившихся от церкви и богослужения. Через несколько дней после товарищ о. И. Сторожева, также екатеринбургский присяж-

Когда произошло это страшное событие, повлекшее за собою временное закрытие соборного Оптинского Введенского[1] храма и малое

ный поверенный, С.Я.Смарагдов был рукоположен в священный сан преосвященнейшим Андреем Сухумским. В г. Екатеринбурге, да и в епархии знали присяжного поверенного Сергея Яковлевича Смарагдова как честного защитника, хорошего оратора и скромного человека. Но едва ли многие знали его как христианина. Едва ли многие из обращавших внимание на его скромность знали истинную основу ее. Да и кто мог подумать, что скромность этого подававшего такие большие надежды адвоката истекала из его христианской настроенности. А между тем это было так. Адвокат продолжал всегда быть христианином и верным сыном Святой Православной Церкви. Адвокатская практика не выработала из него себялюбивого "дельца", не загасила горевший в нем пламень веры. Среди своих занятий С.Я. находил время для изучения Священного Писания и чтения святоотеческих писаний. За несколько лет он, можно сказать, изучил всю библиотеку кафедрального собора. Клирос собора был его любимым местом в храме. Здесь, особенно в будние дни, он пел вместе с псаломщиками, читал часы, шестопсалмие и проч., день ото дня становясь все более и более "церковным человеком". И вот — свершилось. Подававший блестящие надежды адвокат решил порвать карьеру, сулившую ему славную будущность, и принять сан священника. К сожалению, по семейным обстоятельствам, вследствие болезни жены, нуждающейся в теплом климате, С.Я. не мог остаться в Екатеринбурге и вынужден был уехать на юг, в г.Сухуми. Там он радушно встречен был преосвященным епископом Андреем и стал готовиться к посвящению. 29 сентября г. Смарагдов прислал на имя преосвященного Митрофана, епископа Екатеринбургского и Ирбитского, следующую телеграмму из Сухуми: "Милостивейший архипастырь! Первого октября 1911 года назначено рукоположение меня грешного во диакона, пятого — во пресвитера. Припадая к стопам вашего преосвященства, усердно прошу вашего святительского молитвенного заступления". Владыка прислал преосвященному Андрею телеграмму следующего содержания: "Прошу ваше преосвященство передать мой привет Смарагдову и молитвенное пожелание возмогать во благодати, яже о Христе Иисусе". Теперь, когда печатаются эти строки, бывший присяжный поверенный уже стал служителем алтаря Божия, благослови его Господь. 5 октября владыка получил следующую телеграмму: "Еще раз сердечно благодарим за любовь вашу, владыка; просим святых молитв. Епископ Андрей, священник Смарагдов".

[1] Оптина пустынь именуется Введенской, и годовой праздник обители — Введение во храм Пресвятыя Богородицы.

его освящение, то и тогда же наиболее одухотворенные из братии усматривали в нем прообраз грозного грядущего, провидя в нем все признаки предантихристова времени.

Через год с небольшим началось так называемое "освободительное движение" и дало собою яркое подтверждение тому, что в предположениях своих духоносные Оптинские отцы и братия не ошибались, что движение это прикрывает собою не одну революцию против самодержавного помазанника Божия, а и войну против Творца и Самодержца вселенной и что близится тот роковой день, когда должен явиться "презренный" пророка Даниила, который при общем столбняке власть имущих и параличе власти прекратит ежедневную жертву, поставит мерзость запустения на криле святилища и... окончательная, предопределенная гибель постигнет опустошителя...

Есть в Оптиной некий монах из священнослужителей, нравом препростой, благоговейный и богобоязненный[1]. Сказывали мне про него кое-кто из братий, что за сколько-то времени до этого знаменательного события ему виделся в алтаре Введенского храма, на престоле, некто без малейшего признака на нем какого-либо одеяния.

— Вот искушение-то, — говорил этот священнослужитель, — как только моя чреда, вхожу в алтарь, а там голый на престоле.

[1] О. Игнатий, иеродиакон (прозвише "Голосёна" за жалобный голос).

Мало только кто верил словам этого раба Божия...

Много ли найдется и из читателей моих таких, кто станет на мою точку зрения в рассуждении о значении того, что 2 августа 1904 года произошло в святой Оптиной пустыни?..

Дай Бог, чтобы мое толкование оказалось неверным!

А сердце тревожно, тревожно!..

9 января

Кипячение крещенской воды в Петербурге. Монахиня Ольга и ее прорицания. Случай с одним архиепископом. Слухи о реставрации чудотворной иконы Божией Матери. Мудрость старца. Суд Божий

События, по-видимому, начинают оправдывать мое толкование совершившегося в Оптиной в день Рождества Христова: покров веры отъемлется от стада Христова, в великую скорбь овцам и на радость торжествующей стае хищных волков, празднующих близость победы и одоления. В крещенский сочельник и в самый день Богоявления, по представлению санитарной комиссии, было сделано распоряжение совершить освящение великой агиасмы[1] в Петербурге на кипяченой воде. Ко всем соборам и церквам, а также на Иордань, на Неву, привезены были бочки с кипятком, и молитвы водоосвящения читались над кипятком, на кипяток призывалась всеосвящающая благодать Свято-

[1] Крещенской воды.

го Духа. Это ли не погром веры?! Полену дров, нужному для кипячения воды и уничтожения микробов, было оказано больше веры, чем Богу...

Вот он, “пожар покрова веры”!.. К счастью, не все еще отступили от якоря нашего спасения, и в том же Петербурге Господь сохранил для избранных Своих одного епископа, не согласившегося поступиться своей верой ради мира с врагами Христовой Церкви. Если мои записки когда-либо узрят свет, то пусть они и сохранят имя этого верного слуги Божия и архипастыря в подкрепление веры и благочестия изнемогающих моих братий. Кирилл Гдовский[1] — имя этому епископу. Да будет благословенно имя его в род и род.

Мне прислали из Петербурга вырезку из “Петербургской газеты”, № 7, и в ней статья — “Богоявленское водосвятие в Александро-Невской Лавре”.

Страшное по своему значению событие это в газете описывается так:

“...Вот что произошло в главном соборе Александро-Невской Лавры накануне Крещения, в сочельник.

Лаврские сторожа заблаговременно приготовили для водоосвящения громадный дубовый чан в несколько бочек воды, по обыкновению, некипяченой, прямо из-под крана. Полиция местного участка, через городового, от имени пристава, приказала приготовить 50 ведер ки-

[1] Ныне (1913 г.) Тамбовский.

пяченой воды местному трактирщику г. Евплову, для водосвятия в Александро-Невской Лавре. Кипяток был заказан к 10 часам утра и через час уже был готов, но он не потребовался.

Помощник пристава, узнав, что вода в чане некипяченая, потребовал, чтобы воду заменили кипяченой. Эконом Лавры, архимандрит Филарет, отправился к митрополиту Антонию[1], но секретарь Тихомиров сказал, что владыку беспокоить нельзя, что он сильно занят. "Не получив, таким образом, никакого распоряжения от владыки, — говорил мне архимандрит Филарет, — я своею властью приказал переменить воду. У нас воды кипяченой было достаточно, но только мы ее не успели остудить. Брали прямо из кипятильников, горячую".

Эконом лавры выразил сожаление, что распоряжение о кипяченой воде было сделано слишком поздно.

— В общем, все обошлось благополучно. Многие из публики даже благодарили за принятые предупредительные меры, — говорил нам архимандрит Филарет.

К сожалению, не то мы слышали от молящихся в церкви. Многие сильно роптали и выходили, когда во время совершения литургии воду приносили сторожа и выливали в чан.

---

[1] Митрополит Антоний, при "facitu consensus" которого произошло это кощунство, умер вскоре, и смерть его была тяжелая; умирал без сознания в течение, помнится, 10 дней. Когда же после отпевания тело его обносили в гробу (открытом) вокруг лаврского собора, неожиданно налетевший вихрь сорвал с его головы венчик и бросил в толпу, где он и исчез бесследно.

Пар от горячей воды распространился по всему собору... Энергичное требование полиции заменить немедленно сырую воду кипяченой произвело на богомольцев неблагоприятное впечатление. В самый день Крещения требования полиции поставить чан с кипяченой водой на льду у Иордани лаврское духовенство отвергло. Вода была освящена епископом Кириллом Гдовским, в сослужении архимандритов Лавры, прямо в проруби Невы.

Местная полиция приняла меры и никого из публики за водой на Иордань не допустила.

Ой, страшно!..

В недальнем от Оптиной женском монастыре есть раба Божия по имени Ольга. На нее иногда "находит", и в этом состоянии она имеет видения и прорекает. Кто ей верит, а кто не верит. Я сам не могу определить, каким духом пророчествует Ольга, но многое, как слышно, из ее слов сбывается.

Со дня кончины о. Иоанна Кронштадтского[1] на нее "нашло". Она почти ничего не ест, не пьет, не спит даже. Сделала себе из бумаги трубу и трубит:

— Теперь настало антихристово время. Сам сатана вышел из ада. В аду теперь никого, кроме Иуды, не осталось: все сатанинское воинство со своим князем выступило из преисподней, чтобы соблазнять и губить последних христиан на земле. Горе людям, великое горе настало на земле!.. Там моры начнутся, там тру-

[1] 20 декабря 1908 года.

сы — земля проваливаться станет; а там война будет страшная... А на восходе солнечном два коня, один рыжий, другой вороной, удила грызут, так и рвут, разорвать нас хотят; только еще не могут — удерживает их сила нездешняя... Но скоро, скоро они с цепей своих сорвутся и бросятся на нас!

На Ольгу, рассказывали мне, без слез смотреть нельзя: пальцы, руки, ноги — вся она стала, как кость, и все тело ее приняло во время припадка совершенно неестественное положение...

— Вижу, — трубит Ольга, — вижу антихриста. Вот он ходит, руки потирает, слугами своими доволен — хорошо дела его все исполняют. Только никто еще не знает, где он находится и когда явится. А уж скоро-скоро ему объявиться. Я его и дела обличать буду, когда в Иоанновский монастырь жить перейду. С Иоанновского и пойдет гонение на христиан от антихриста, а меня он велит казнить — голову мне отрубить...

Антихриста описывает как человека уже взрослого, с усами, с бородой, красоты неизобразимой...

Характерно для переживаемого времени сопоставление отмеченных здесь двух событий — кипячения воды для великой агиасмы и прорицательств Ольги: внешней связи между ними как будто нет, ну, а внутренней, на мой взгляд, сколько угодно!..

Каким духом внушаются Ольге ее прорицательства, покажет будущее. Кто доживет, тот увидит...

Сегодня прочел в "Колоколе", что престарелый архиепископ одной из древнейших русских епархий, запутавшись ногами в ковре своего кабинета, упал и так разбил себе голову и лицо, что все праздники не мог служить, да и теперь еще лежит с повязкой на лице и никого не принимает[1].

В конце октября или в начале ноября прошлого года был из епархии этого архиепископа на богомолье в Оптиной один офицер; заходил он и ко мне и рассказал следующее:

— Незадолго перед отъездом моим в Оптину я был на празднике одной обители, ближайшей к губернскому городу, где стоит мой полк, и был настоятелем ее приглашен к трапезе. Обитель эта богатая; приглашенных к трапезе было много, и возглавлял ее наш местный викарный епископ; он же и совершал в тот день литургию. В числе почетных посетителей был и некий штатский "генерал" из синодской канцелярии. Между ним и нашим викарным зашла речь о том, что получено благословение откуда следует, по представлению архиепископа, на реставрацию лика одной чудотворной иконы Божией Матери, находящейся в монастыре нашей епархии. Иконе этой верует и поклоняется вся православная Россия, и она, по преданию, писана при жизни на земле Самой Царицы Небесной Св. Апостолом и Евангелистом Лукой. Нашло, видите ли, монастырское начальство, что лик иконы стал так темен, что и разобрать на

[1] Архиепископ Новгородский Гурий.

нем ничего невозможно. Тут явились откуда-то реставраторы со своими услугами, с каким-то новым способом реставрации, и старенького нашего епархиального владыку уговорили дать благословение на возобновление апостольского письма новыми вапами[1].

— Как же это? — перебил я. — Неужели открыто, на глазах верующих?

— Нет, — ответил мне офицер, — реставрацию предположено было совершать по ночам, частями: выколупывать небольшими участками старые краски и на их место, как мозаику, вставлять новые под цвет старых, но так, чтобы восстанавливался постепенно древний рисунок.

— Да ведь это кощунство, — воскликнул я, — кощунство не меньшее, чем совершил воин царя-иконоборца, ударивший копием в пречистый лик Иверской Божией Матери!

— Так на это дело, как выяснилось, смотрел и викарный епископ, но не такого о нем мнения был его собеседник, "генерал" из синодальных приказных. А между тем слух об этой кощунственной реставрации уже теперь кое-где ходит по народу, смущая совесть последнего остатка верных... Не вступитесь ли вы, С.А., за обреченную на поругание святыню?

Я горько улыбнулся: кто меня послушает?!.

Тем не менее по отъезде этого офицера я собрался с духом и написал письмо тоже одному из синодских "генералов", Скворцову, с кото-

---

[1] Славян. — краски.

рым мне некогда пришлось встретиться в Орле, во дни провозглашения Стаховичем на миссионерском съезде пресловутой "свободы совести". Вслед за этим письмом, составленным в довольно энергичных выражениях, я написал большое письмо к викарному епископу той епархии Андронику, впоследствии замученному епископу Пермскому, где должна была совершиться "реставрация" св. иконы. Епископа этого я знал еще архимандритом, видел от него к себе знаки расположения и думал, что письмо мое будет принято во внимание и, во всяком случае, благожелательно. Тон письма был почтительный, а содержание исполнено теплоты сердечной, поскольку она доступна моему малочувственному сердцу. Написал я епископу и вдруг вспомнил, что, приступая к делу такой важности и живя в Оптиной, я не подумал посоветоваться со старцами. Обличил я себя в этом недомыслии, пожалел о том, что "генералу" письмо уже послано, и с письмом к епископу отправился к своему духовнику и старцу о. Варсонофию в скит. Пошел я к нему с женой в полной уверенности, что растрогаю сердце моего старца своей ревностью и уж, конечно, получу благословение выступить на защиту чудотворной иконы.

Батюшка-старец не задержал меня приемом.

"Мир вам, С.А.! Что скажете?" — спросил меня батюшка. Я рассказал вкратце, зачем пришел, и попросил разрешения прочесть вслух мое письмо к епископу. Батюшка выслушал внимательно и вдруг задал мне такой вопрос:

— А вы получили на это письмо благословение Царицы Небесной?

Я смутился.

— Простите, — говорю, — батюшка, я вас не понимаю.

— Ну да, — повторил он, — уполномочила разве вас Матерь Божия выступать на защиту Ее святой иконы?

— Конечно нет, — ответил я, — прямого Ее благословения на это дело я не имею, но мне кажется, что долг каждого ревностного христианина заключается в том, чтобы на всякий час быть готовым выступать на защиту поругаемой святыни его веры.

— Это так, — сказал о. Варсонофий, — но не в отношении к носителю верховной апостольской власти в Церкви Божией. Кто вы, чтобы восставать на епископа и указывать ему образ действия во вверенной его управлению Самим Богом поместной Церкви? Разве вы не знаете всей полноты власти архиерейской? ...Нет, С.А., бросьте вашу затею и весь суд предоставьте Богу и Самой Царице Небесной — Они распорядятся, как Им Самим будет угодно. Исполните это за святое послушание, и Господь, целующий даже намерения человеческие, если они направлены на благое, дарует вам сугубую награду и за послушание, и за намерение; но только не идите войной на епископский сан, а то вас накажет Сама Царица Небесная.

Что оставалось делать? Пришлось покориться.

— А как же, батюшка, — спросил я, — быть с тем письмом, которое я уже отправил синодальному "генералу"?

— Ну, это уж ваше с ним, частное дело: "генерал", да еще синодальный, — это в Церкви Божией не богоучрежденная власть, это вам ровня, с которой обращаться можете, как хотите, в пределах, конечно, христианского миролюбия и доброжелательства.

— Предоставьте суд Богу! — таков был совет старца. И суд этот совершился: не прошло со дня этого совета и полных двух месяцев, а уже архиепископ получил вразумление и за лик Пречистой ответил собственным ликом, лишившись счастья совершать в великие рождественские дни Божественную литургию.

Призамолкли что-то и слухи о реставрации святой иконы. Хотел было я разразиться обличительными громами по поводу кипячения воды для великой агиасмы, но после старческого внушения решил и над этим суд предоставить Богу.

Икона Пресвятой Богородицы Тихвинской была все-таки реставрирована описанным способом при архимандрите Иоанникии. Результат реставрации оказался таков, что ничего от древней святой иконы не осталось и ее уже нельзя было выставлять для поклонения. Самого архимандрита тут же вслед разбила болезнь, и он не мог уже служить. Его удалили на покой в Валдайский Иверский монастырь, где его обокрал келейник тысяч на 40 или 60 (стяжание настоятельское), и он умер с горя 3 июня

1913 года. "А был раньше здоров, как бык", — сказывал мне валдайский архимандрит, впоследствии епископ Иоанн.

10 января

Послушница без послушания. Иерей Бога Вышнего, о. Егор Чекряковский (Георгий Алексеевич Коссов) и слова его о реформах духовной школы. "Перевоплощение" Льва Толстого. "Два полюса духа"

На нашем горизонте нередко появляется некая многоскорбная монашка — послушница одного большого монастыря Калужской епархии. Эта бедная раба Божия взялась слишком рьяно за подвиги монашеского аскетизма, не стала слушаться старцев и... надорвалась. Утрата ею душевного равновесия стала невыносима для монастырского общежития, и ее, как неприукаженную, удалили из монастыря, кажется, даже силою. Теперь она скитается с места на место и нигде не находит себе успокоения... Сегодня она явилась к нам от о. Егора Чекряковского[1], умиротворенная, успокоенная. Какая от Бога дана сила этому иерею Бога Вышнего, что может низводить мир даже и в такие немирные души, как наша бедная послушница! И все наши старцы, начиная с о. архимандрита, относятся к нему, как к старцу, как к опытному наставнику и руководителю душ

---

[1] См. о нем в книге моей "Великое в малом". Священник села Спас-Чекряк Орловской губ. Болховского уезда. Ближайший к нему железнодорожный пункт — ст. Белев Рязанско-Уральской ж.д., откуда до села Спас-Чекряк 25 верст на лошадях.

христианских на пути их к вечному спасению. Сколько и я сам от него видел добра себе духовного!.. Выберу время, запишу когда-нибудь в свои дневники кое-что из событий моей жизни, на которых легла печать духа старчества этого истинно великого в своем смирении служителя и строителя тайн Божиих. Сегодня, по случаю толков о предстоящих реформах в духовной школе, вычитанных мною в газетах, вспомнилось мне нечто из бесед по этому поводу с о. Егором. Запишу, пока помнится, по возможности словами самого батюшки.

— Было это во дни архиерейства в нашей епархии епископа С., — так рассказывал мне батюшка. — В то время по всей России пошла мода на съезды. Вот и у нас в епархии вошло в обычай созывать съезды духовенства по всякому удобному случаю. Наступили, как раз во дни его архиерейства, времена тяжкие: забунтовал весь мир, а с ним стали бастовать и наши духовные школы. Ну, конечно, сейчас же по усмирении был созван съезд епархиального духовенства рассудить о том, как быть, как реформировать училища духовного юношества на началах терпения и смирения, а не противления. Собралось нашего брата на съезде великое множество, возглавилось оно обоими нашими владыками — епархиальным и викарным, — и стало обсуждать, как поднять дух будущих пастырей, как заставить семинаристов учиться и Богу молиться. Владыка, конечно, сказал слово, приличное случаю; другие тоже в грязь лицом не ударили: говорили, говорили

– много чего наговорили... Сижу я себе да думаю: ну, чего ты, захолустный поп, силишь тут? Народ здесь все ученый: кто твоего мнения спрашивать будет?.. Вдруг слышу:

— А вы, отец Георгий, как о сем думаете?

И пришлось мне, захолустному попу, ответ держать. И сказалось, мой батюшка, С.А., тут такое слово, что я не рад был, что и сказал его... "Ваши преосвященства и вы, отцы святые, — начал я так ответ свой. — За всеми разговорами, что я здесь слышал, я что-то недослышал: велась ли здесь речь о Подвигоположнике нашем, Господе Иисусе Христе, и о нас самих, отцах тех школяров, которых мы никак не можем заставить ни учиться, ни Богу молиться? Говорили ли мы о том, какой в нашей общественной деятельности и, что всего важнее, в нашей домашней, семейной жизни мы сами подаем пример сынам и дочерям нашим? Нет, не говорили. А какое присловье слышали мы от Господа? "Врачу, исцелися сам"! Не с нас ли, отцов, надлежит приняться за реформу? Что на этот вопрос мы скажем, чем отзовемся... А еще о ком мы в речах своих упомянуть забыли? Только — о Спасителе нашем, без Которого мы и творить-то ничего не можем! Только?!.. Да! Не помянули ни разу, мало того что не помянули, но и в жизни-то своей, кажется, о Нем думать позабыли. Бывало прежде: Он всем нам хорошо был виден, потому что каждый из нас имел Его, Пастыреначальника своего, перед собою — Он шел впереди нас, и мы — кто на колеснице, кто пешком, кто бочком, а кто и вовсе полз-

ком — шли за Ним. И был Он нам все: и путь, и истина, и жизнь!.. А после что? А вот что: на место единого Истинного Христа Бога понаделали мы себе каждый своих христов, да и ведем их, самодельных, позади себя на веревочке. Где ж тут нам столковаться?!"

— Сказал я эти дерзостные слова, Сергей Александрович, и уж не знал, куда деваться от страху... И что ж думаете вы: ведь никто мне слова не сказал в ответ на мои речи — все промолчали. Тягостная была минута молчания!.. На мое счастье, кто-то заговорил о чем-то; слова его подхватили, а я, тем временем, шапку в охапку да прямо со съезда — к себе в Чекряк: уноси, поп, пока цел, свои ноги!.. С тех пор, мой батюшка, на съезды меня уж не приглашали.

* * *

На прошлогоднем миссионерском съезде в Киеве обер-прокурор Извольский[1] заявил, что даже и "Синоду пришлось отдать дань переходному времени".

Помилуй Бог, если это правда! Это будет значить, что истинный Христос, а не самодельный, отступает Своею благодатью от места свята... Кипячение воды для великой агиасмы не предварение ли верным, чтобы они имели "чресла свои препоясаны и светильники горящи", ибо близко пришествие Жениха, грядущего судити живых и мертвых. Ведь в притче о девах

---

[1] Во дни революции 1917 г. г. Извольский этот принял сан священства и назначен настоятелем русской церкви в Ницце. Женат на дочери цыганки, княжне Голицыной.

мудрых и юродивых недаром сказал Господь, что воздремали и уснули не одни юродивые, но и мудрые девы.

События времени чередуются на наших глазах с головокружительной быстротой. Уступки духу времени, как малые пороховые взрывы, рвут щели во всех стенах христианской (увы — только по имени!) государственной и общественной жизни, постепенно образуя огромные провалы, откуда вырывается огонь едва ли не самой преисподней.

О, если бы пробудились наши мудрые девы!..

Странное событие совершилось в тайниках оптинской духовной жизни! Слышал я о нем из уст одного из оптинских духовников, о. Феодосия[1], и сомнения в достоверности рассказа у меня не возникло ни на минуту: прошу и моего читателя отнестись к нему с таким же доверием, как и я.

В Оптиной, по благословению великих почивших старцев Льва, Макария и Амвросия, издавна существует благочестивый и исполненный глубокого духовного разума обычай совершать над желающими, хотя бы телесно и здоровыми, таинство елеосвящения, в просторечии известном под именем соборования. В миру это таинство совершается крайне редко, и притом исключительно над тяжко больными, даже над такими, которые признаны безнадеж-

---

[1] Впоследствии игумен и начальник Оптинского скита. Скончался 9 марта 1920 года.

ными. Мне самому довелось слышать из уст священника, соборовавшего одного чахоточного, находившегося у порога агонии:

— Ты, милый мой, не думай, что соборуешься — выздоровеешь. Этого, братец мой, никогда не бывает.

Не то в Оптиной. Там основываются на точном разумении слов соборного послания Св. Апостола Иакова (гл. 5, 14-15 ст.), которое говорит: "болен ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазавши его елеем во Имя Господне. И молитва веры исцелит болящего, и восставит его Господь; и если он соделал грехи, простятся ему". На основании этих слов, совершая таинство елеосвящения над больными, Оптинские старцы не отказывают в нем и по виду телесно здоровым богомольцам, ибо, говорят они, совершенно здоровых людей нет, потому что все повинны греху, а грех уже сам по себе есть болезнь души, влекущая за собою болезнь и тела. Независимо от этого таинство елеосвящения, утверждают старцы, имеет силу очищать душу не только от грехов сознанных, уже очищенных покаянием, но и от грехов "забвенных", не сохраненных памятью кающегося, так как сказано: "если соделал грехи, простятся ему". Обычно к этому таинству в Оптиной приступают после исповеди и причащения, и совершается оно поочередно духовниками обители.

Великий это дар веры нашей!

В октябре или ноябре прошлого года к о. Ф. собралась соборовать партия богомольцев,

душ в четырнадцать, исключительно женщин. В числе их была одна, которая собороваться не пожелала, а попросила позволения присутствовать зрительницей при совершении таинства.

"Перед соборованием, — говорил мне о. Ф., — у меня в обычае сказать богомольцам по его поводу несколько слов, объяснить его значение для души и тела, рассказать, как к этому таинству относились великие наши старцы... По совершении таинства, смотрю, подходит ко мне та женщина, отводит меня в сторону и говорит:

— Батюшка, я хочу поисповедоваться. И, если разрешите, завтра причаститься и потом у вас пособороваться.

Я проводил ее товарок, которых особоровал, надел епитрахиль и приступил к исповеди. Женщина эта мне принесла покаяние в очень тяжком грехе, который ею был совершен уже давно, но в котором она из чувства ложного стыда не могла покаяться перед своими мирскими священниками. Я разрешил ее от греха, допустил к причастию на другой день и объяснил, чтобы она собороваться пришла в тот же день часам к двум пополудни... На следующий день женщина эта пришла ко мне несколько раньше назначенного часа, взволнованная и перепуганная.

— Батюшка! — говорит. — Какой страх был со мною нынешнею ночью! Всю ночь меня промучил какой-то высокий, страшный старик; борода всклокоченная, брови нависли, а из-под бровей — такие острые глаза, что, как иглой, в мое сердце впивались. Как он вошел в мой но-

мер, не понимаю: не иначе это была нечистая сила...

— Ты думаешь, — шипел он на меня злобным шепотом, — что ты ушла от меня? Врешь, не уйдешь! По монахам стала шляться да каяться — я тебе покажу покаяние! Ты у меня не так еще завертишься: я тебя и в блуд введу, и в такой-то грех, и в этакий...

И всякими угрозами грозил ей страшный старик — и не во сне, а въяве, так как бедная женщина до самого утреннего правила — до трех часов утра — глаз сомкнуть не могла от страха. Отступил он от нее только тогда, когда соседи ее по гостинице стали собираться идти к правилу.

— Да кто ж ты такой? — спросила его, вне себя от страха, женщина.

— Я Лев Толстой! — ответил страшный и исчез.

— А разве ты знаешь, — спросил я, — кто такой Лев Толстой?

— Откуда мне знать? Я неграмотная.

— Может быть, слышала? — продолжал я допытываться. — Не читали ли о нем чего при тебе в церкви?

— Да нигде, батюшка, ничего о таком человеке не слыхала, да и не знаю, человек ли он или еще что другое".

Такой рассказ я слышал из уст духовника святой Оптиной пустыни, человека, для меня совершенно достоверного. Что это? Неужели Толстой настолько стал "своим" в том страшном мире, которому служит своей антихристианс-

кой проповедью, что в его образ перевоплощается сила нечистая?..

Как бы ни было, а факт оптинского видения остается фактом. Что скрыто от премудрых и разумных, то открывается младенцам. Но и мнящие себя мудрыми иногда, против воли своей, обмолвливаются словом чуждой им истины. На днях, по поводу кончины о. Иоанна Кронштадтского, публицист газеты "Новое время", проводя параллель между почившим праведником и здравствующим писателем, воскликнул:

"Отец Иоанн и Толстой — это два полюса!"

О. Иоанн был строителем на земле тайн Божиих. Чей же слуга антипод его — Толстой?

Несчастный старик, жалкий старик!..

12 января

(Понедельник. День св. мученицы Татианы)

"Татьянин день" в Москве и в Оптиной. Отголоски мессинской катастрофы. Письмо епископа к Оптинским старцам. Слухи в народе. Знаменательные предсмертные сновидения умершего благочинного, о. Илиодора. Моя последняя с ним встреча и прозорливость старца

Сегодня день святой мученицы Татианы — годовой праздник Московского университета. В нем, 23 года тому назад, я окончил курс юридического факультета. Чего только не совершалось в мое время в Москве пьяным угаром былого студенчества! И сам я — подумать и вспомнить страшно! — принимал когда-то уча-

стие во всех его отвратительных оргиях, в которых человек не только теряет образ Божий, но и свой человеческий меняет на образ грязнейшего из животных...

А тут теперь, в моем благословенном затишьи, какой мир, какое благодушное спокойствие, какая непрестанно текущая тихая радость!.. Но и в это безмятежие доносятся извне глухие раскаты пока еще отдаленного грома праведного гнева Божия. И уже рябит зеркальная поверхность оптинской благодатной жизни, и даже в тиши ее священной ограды чувствуется, как потянуло холодным ужасом от надвигающейся грозовой тучи, насыщенной молниями Страшного Суда Господня над возлюбившим неправду человечеством... А там-то, в миру, за черным мраком разлившегося широким потоком отступничества, — там-то что? Подумать жутко!..

200000 жертв мессинской катастрофы все еще возвращаются бледным, страх наводящим призраком. Но чему они научили нас здесь, на родине? Да ровно ничему, если не считать соревнования самолюбия и тщеславия устроителей балов, концертов и всяких якобы благотворительных увеселений в пользу пострадавших... "Трудно подсчитать, — пишут из Рима в "Новое время"[1], — во сколько обошлась Италии роковая ночь 28 декабря. Погибло более 200000 человек, и по крайней мере около 100 тысяч из

[1] № 11794, "Рим 5/18 Января".

числа оставшихся в живых надо считать неспособными в будущем к настоящей работе... Потерю частного национального богатства надо считать миллиардами... Италия в одну ночь понесла такие утраты людьми и деньгами, которые далеко превзошли потери России от ее последней войны... Немудрено, что общее настроение в стране подавленное, хотя внешним образом бодрость проявляется повсюду... Власти уже несколько дней прекратили раскопки, считая их бесполезными. А между тем каждый день находят лиц, оставшихся в живых даже по прошествии трех недель после катастрофы. **Они принадлежат к небогатым семьям**, жившим в нижних этажах, назначающихся для торговых помещений и вместе нередко служивших для жилья... **Большинство спасшихся людей, находящихся в Неаполе и Риме, принадлежат именно к беднякам Мессины и Реджио; зажиточных и достаточного класса людей между ними нет...** Какие сцены повального безумия приходилось наблюдать тем, кто явился туда с помощью! Никогда самое живое воображение не могло бы нарисовать того, что представила действительность. Это нечто неописуемое".

Некий г. Викентий Куадо, редактор газеты "Мессинская звезда", обратился в редакцию "Corriere d'Italia" со следующим письмом:

"М. Г. Прошу опубликовать в газете вашей следующий факт. С некоторого времени Мессина находилась в руках богоотступников, и последние в воскресенье, предшествовавшее ужасной катастрофе, устроили собрание, на котором

был постановлен резко антирелигиозный порядок дня. Я не хочу делать какой-либо вывод из этого события, но полагаю, что мы должны отметить одно совпадение: газета "Il Telephono", выходившая в Мессине и отличавшаяся грубо антирелигиозным направлением, опубликовала в своем антирелигиозном номере позорную пародию на "молитву к Дитяти-Иисусу", где, между прочим, находилась такая гнусная фраза:

О мой милый мальчик,
Настоящий человек, настоящий Бог!
Ради любви к Твоему Кресту
Ответь на наш голос:
Если Ты поистине не миф,
То раздави нас всех землетрясением!

Поучительно вспомнить теперь эти стихи. Других пояснений прибавлять не стану. Преданный вам Викентий Куадо, редактор "Мессинской звезды".

Итальянские газеты отмечают и другое "странное совпадение": "В ночь перед Рождеством, во время торжественного богослужения, по улицам Мессины следовала религиозная процессия, обычно устраиваемая в полночь 24 декабря в городах Южной Италии. Во главе процессии несли изображение Младенца Иисуса (Bambino), за которым шли дети с факелами, в белых одеждах. Вдруг, как раз во время прохода процессии мимо одного из многочисленных клубов Мессины, из дверей его выскочила ватага проигравшихся игроков. Вероятно, пьяные, они вырвали изображение Божественного

Младенца из рук несших его, бросили его и растоптали. Сопровождавшие процессию в ужасе разбежались... Только прошли праздники, и небывалое землетрясение не оставило камня на камне..."

Такие вести идут к нам из Италии. Не по тому же ли пути, что и эта страна горячего солнца, зреющих апельсинов и лимонов, пошла наша когда-то Святая Русь? Из сердца моего не уходит память о петербургской агиасме... да об одной ли только агиасме?!..

Вот что пишет нашим старцам один епископ Православной Русской Церкви:

"...Желаю мира душевного и радости о Господе, той радости, которой и во дни скорби никто не может отнять. А дни скорби грядут, это чувствует сердце. Да и совесть свидетельствует, что милостей Божиих мы не заслужили. Шатаются даже столпы Церкви: что говорить о нас, грешных? Крепче молитесь Небесному Главе Церкви, да укрепит на камени веры Церковь Свою: если основание веры будет вынуто, то чего же нам ждать, грешным?.. Со страхом великим вступаю в новый год, а мы спим"...

Это пишет епископ. А вот что говорят в народе — говор-то его нам в нашем затишье хорошо слышится.

Верстах в пятнадцати от Оптиной есть село Истик. Из этого села к нам частенько наезжают три богобоязненных крестьянина[1]. От них, стало быть, из самой глубины народного серд-

---

[1] Косьма, Иван и Наталья Кутьины.

ца, я только и слышу утверждение, что новому злу, водворившемуся в молодом поколении деревни, к старому добру обращения быть не может, что народ, особенно после "свобод" 1905 года, развратился до крайности, что скоро в деревне даже своим деревенским жить будет нельзя и проч. — все в том же тоне, близком к крайнему отчаянию.

Вот от этих-то наших деревенских друзей и еще кое от кого из тех же недр деревенских до меня дошли слухи, что страх крестьянский начинает облекаться уже и в легендарные формы, начинает создаваться как бы народный эпос боязни и томительных предчувствий, облекающихся плотью полумифических сказаний. Из числа этих сказаний мне вспоминаются следующие.

Около с. Истик, на крестьянском наделе, смежном с казенным лесом, крестьяне сводят свой лесной участок. Когда уже началась нынешняя зима, в казенном лесу, рядом с крестьянским сводом[1], среди бела дня на опушке стал появляться какой-то никому неизвестный благообразный старец. Одет он по-крестьянски. Пройдет вблизи от работающих, приостановится невдалеке, постоит, точно прислушивается к разговорам православных между собою, и — пойдет себе опять в глубь казенного леса. Замечено было, что старец этот при первом скверном слове между работающими тотчас же удаляется, как бы не терпя скверняющего хрис-

[1] Так в Полесье зовется участок, на котором рубится лес.

тианские уста слова... Пока это обстоятельство не было замечено, ходил себе старец, не слишком обращая на себя внимания, а как заметили, что он ругательств не любит, так сейчас же возбудилось к нему общее любопытство:

— И чего он тут шляется? Иль за нами досматривает? — И стали его мужики выслеживать, чтобы поймать и допросить, кто он и чего ему от них нужно. И в первый же раз, как только завидели крестьяне старца, так все и бросились за ним вдогонку, чтобы не дать ему уйти в чащу леса. И случилось тут диво-дивное, чудо-чудное: пошел от них старец в сторону казенной засеки[1] тихой стариковской походкой, а угнаться за ним не могли и молодые; так и ушел он у них из виду, словно сквозь землю провалился. А что всего было чуднее, так это то, что на довольно уже глубоком, ровном и чистом снегу по старце том никаких следов не осталось. Так и не дознались, кто такой был этот старец.

Появлялся ли он истиковцам опять, того я не знаю; а вот что я еще слышал из тех же источников и тоже о каком-то старце.

По осени прошлого, 1908 года, приблизительно в ту же пору, когда истиковцы начали рубить свой лес, ехал мужичок в Белев на базар и вез на продажу свиную тушу. Дорога ему шла лесом. Вдруг из лесу ему навстречу выходит седенький старец, останавливает его и говорит: "Куда едешь? Что везешь?"

— Еду, — отвечает, — на базар, а везу тушу на продажу.

---

[1] Так называется казенный лес.

— Ладно, — говорит, — вези! Получишь за тушу четвертной билет[1], купи мне рубашку, штаники и пинжачок.

Туше цена пятнадцать — восемнадцать рублей, а подарку — пара целковых; как тут не купить, если по старцеву слову сбудется?..

— Ладно, — говорит, — дедушка, коли потвоему расторгуюсь тушей, то привезу тебе и рубашку, и штаники, и пинжачок.

Приехал мужик в Белев с тушей: не доехал еще и до базару, а уж его на дороге перехватили.

— Что везешь?

— Тушу.

— Покажь!

Посмотрели...

— Хочешь четвертной?.. Ну, вези ко мне на двор!

С первого слова, значит, и сторговались.

Свез мужик тушу к покупателю, получил денежки и смекает: а старичок-от тот-то, видать, что не простой — не миновать покупать ему обновку! Купил, что было нужно по старцеву заказу; едет обратно домой, глядь — на том же месте опять тот старец.

— Ну что, продал тушу?

— Продал, дедушка.

— А — обещанное?

— Вот тебе и обещанное!

И пока сдавал мужик с рук на руки старцу обещанные подарок, тут же заметил, что под одной мышкой у старца — пук ржи, а под другой — чурка, как бы гробик.

---

[1] 25 рублей.

— Что это у тебя, — спрашивает, — дедушка?

— А это, — говорит, — что ты рожь видишь, значит — урожай ныне будет; а гроб — есть урожаю того некому будет: такая пойдет косить холера, такой мор на людях, что кучами будут валяться, и убирать некому будет.

Сказал и вслед прибавил:

— Только ты не унывай!

И с этими словами скрылся в лесу...

Такие-то вот слухи ходят в народе, между теми, конечно, кто еще не отбился от старинной правды. И как ни стараешься успокоить свое сердце, смятенное роковыми предчувствиями, как ни внушаешь ему, что образумятся-де люди, принесут плоды, достойные покаяния, и что вновь во всей, уже сознательной, красоте великой своей Православной веры воскреснет Русь Святая, — нет! — куда укроешься, где притаишься ты, сердце, от всей этой грозной тучи зловещих знамений времени, предчувствий, предсказаний? Буквами, как железо, раскаленными на кровавом горизонте от века предопределенного, а теперь — увы — уже и близкого будущего, видятся мне библейские грозные слова:

Мене, Текель, Упарсин![1]

Сегодня виделся с одним из близких к покойному о. Илиодору монахов и от него узнал, что умерший благочинный за несколько дней

[1] Дан. 5, 25 — 28.

до своей смерти был предварен о ней знаменательными сновидениями, которые я под свежим впечатлением здесь и записываю.

О. Илиодор скончался в день Рождества Христова, пришедшийся в истекшем году на четверг. В воскресенье, за четыре, стало быть, дня до смерти, о. Илиодор после трапезы прилег отдохнуть на диване в своей келье... Было это около полудня... Не успел он еще как следует заснуть, как видит в тонком сне, что дверь его кельи отворяется, и в нее входят — скитский монах Патрикий и с ним иеродиакон Георгий[1]. У монаха Патрикия в руках был длинный нож.

— Давай нам деньги! — крикнул Патрикий.

— Что ты шутишь? — испуганно спросил его о. Илиодор. — Какие у меня деньги?

— А, когда так, — закричал на него Патрикий, — так вот же тебе! — И вонзил ему по рукоятку нож в самое сердце.

Видение это было так живо, что о. Илиодор вскочил со своего ложа и, уклоняясь от ножа, сильно ударился затылком о спинку дивана. От боли он тотчас проснулся и кинулся смотреть, кто входил к нему в келью. Но ни в келье, ни за дверями кельи никого не было.

Это было одно видение.

За день до смерти, в таком же полусне, о. Илиодор увидал скончавшегося летом 1908 года иеромонаха Савву, бывшего одним из трех ду-

---

[1] Один из главных бунтовщиков против архимандрита Ксенофонта. Оба монаха, и Патрикий, и Георгий, ничего общего с оптинским духом не имеют, люди немирные, хитрые и плотские.

ховников Оптиной пустыни. О. Савва явился ему благодушный и радостный.

— А что, брат, — спросил его о. Илиодор, — страшно тебе, небось, было, когда душа разлучалась с телом?

— Да, — ответил о. Савва, — было боязно; ну, а теперь, слава Богу, совсем хорошо!

Вслед за о. Саввой, в том же видении, явился сперва почивший оптинский архимандрит Исаакий, и за о. Исаакием — его преемник, тоже умерший, архимандрит Досифей. О. Исаакий подошел к о. Илиодору и дал ему в руку серебряный рубль, а о. Досифей — два.

— Неспроста мне это было, — говорил накануне своей смерти о. Илиодор, рассказывая свои сны одному монаху. — Я, брат, должно быть, скоро умру.

В день смерти о. Илиодор был послан за послушание служить в одно село литургию; накануне у своего духовника, как служащий, исповедовался, а за литургией совершил Таинство и причастился.

Вернувшись в тот же день домой, о. Илиодор по случаю великого праздника был на так называемом "общем чае" у настоятеля, со всеми крайне был приветлив, более даже, как замечено, обыкновенного, и оттуда со всеми иеромонахами пошел в Скит к старцам славить Христа. В это время мы с женой выходили от старцев и у самых скитских святых ворот встретили и его, и все оптинское иеромонашеское воинство. О. Илиодор шел несколько позади, и мне показался в лице чересчур красным.

— Вот, жарко что-то! — сказал он мне при встрече и засмеялся. На дворе стояли рождественские морозы.

Это была последняя моя с ним встреча в этом мире.

Говорил мне после старец о. Варсонофий:

— У меня с о. Илиодором никогда не было близких отношений, и все наше с ним общение обычно ограничивалось сухой официальностью, и то только по делу. В день же его смерти, после славления, я, не знаю почему, обратился вдруг к нему с таким вопросом:

— А что, брат, приготовил ли ты себе что на путь? — Вопрос был так неожидан и для меня, и для него, что о. Илиодор даже смутился и не знал, что ответить. Я же захватил с подноса леденцов — праздничное монашеское утешение — и сунул ему в руку со словами:

— Это тебе на дорогу!

"И подумайте, — какая вышла ему дорога!"

Старец рассказывал мне это, как бы удивляясь, что сбылось по его слову. Но я не удивился: живя так близко от Оптинской святыни, я многому перестал дивиться...

25 января

Рукопись неизвестной монахини — "Двойная жизнь"

Сегодня видел одного из наших "премудрых"[1].

---

[1] О. Эраст (Вастротский), заведующий оптинской канцелярией и правая рука о. архимандрита Ксенофонта. Скончался 17 июля 1913 г. в мантии с именем Еразма, 85 лет от роду.

— Может ли наша жизнь, — задает он мне вопрос, — находиться под непрестанным водительством из того мира, аможе вси земнороднии пойдем?

— Конечно, — отвечаю, — может.

— А как вы относитесь к снам?

Я было хотел ответить словами Св. Отцов Церкви, но "премудрый" меня остановил и подал мне довольно объемистую тетрадку, на пожелтевших страницах которой было написано:

"Письма одной сестры монашествующей к своему отцу духовному и старцу. Рассказ о своей жизни, начиная с 12 лет и до 73, и далее"...

— Вот, — сказал мне "премудрый", — возьмите эту рукопись себе и воспользуйтесь ею, как хотите.

Я выписал ее всю на страницы дневника своего, а теперь делюсь с моим читателем.

"Желаю вам, первое, описать, всемилостивейший батюшка, — так начинается рукопись, — как велико родительское благословение в жизни нашей, даже и по смерти их. Господь молитвами родителей, по милосердию Своему, не оставляет детей их, на земле оставшихся, предохраняет их во сне и наяву от всякой гибели.

Некоторые необыкновенные явления, случившиеся со мной, грешной, опишу я вам подробно, начиная с 12-летнего моего возраста и до 73-го года, который минул мне 1 февраля 1888 года. Желаю из разных записок и книг моих переписать в одну для соображения мно-

гих неверующих. Все видения, которые были мне вроде сна, исполнялись в совершенстве наяву. Сколько я ни старалась получить объяснения по этому поводу от достойных духовных лиц, но на все мои вопросы удовлетворительного ответа не получила, кроме того, что я снам верить не должна. Я вполне с этим согласна; но почему же этими снами я бываю как будто предохраняема или от погибели, или от греха? Чья же это рука меня предохраняет — желаю знать я, многогрешная...

Я была выдана замуж 12 лет за 50-летнего богатого, заслуженного воина. Великая была в этом человеке смесь добра и зла, хоть добра в нем было больше, чем зла; а какое и было в нем зло, то оно происходило больше от избалованного его характера; вообще же он был чувств благородных, когда не находился в своей обыкновенной болезни, в которую впадал нередко. Меня любил он сильно, но от своего дурного характера и сам мучился, и меня мучил.

Мать моя меня любила страстно, более всех детей; и я была к ней сильно привязана, и у груди ее спала до самого замужества. Неудачного моего замужества мать не вынесла и, заболев чахоткою, вскоре переселилась в вечность. Выдать же меня замуж заставила родителей моих нужда, потому что муж мой хотел меня все равно увезти, украсть, и тогда бы родители мои расстались со мною навсегда. Но и выдавши меня замуж, мать моя, живя со мною в одной деревне, лишена была возможности меня видеть: муж мой, видя ее любовь ко мне, волно-

вался ревностью и кончил тем, что запретил моей матери ездить к нам в дом. Мать бросила деревню и уехала в город. Через пять лет после моего замужества мать моя, поручив меня милости Знамения Матери Божией, скончалась жертвою буйного характера моего мужа.

Болезнь моего мужа была запой. Но и в то время, когда муж мой подвергался припадкам этой страшной болезни, мне и тогда нельзя было видеться с моей матерью, потому что людям был отдан строжайший приказ меня караулить и не пускать к матери, а ее не принимать в дом. Но сильная любовь родительницы научила ее, что делать, как обнять дитя свое. Бывало, летнею порою, когда солнце на закате, возьмет она с собою сестру мою, девочку лет 11, и 12-летнего брата да девку-слугу, и пойдет с ними из города к нашей усадьбе. За ней несут — кто ковер, кто подушку, а дети несут печенье и разные лакомства. Расположится матушка моя в лесочке около нашей усадьбы на траве на отдых... О, горе было тогда нам с нею обеим великое!... Меня вызвать было дело хитрое, и на это дело отправлялся мой брат. Тихонько пробирался он через сад к стенке нашего дома и, зная, где я сплю, стучал мне в стену. Я выходила к нему тайком, и он провожал меня к матери. Я всегда заставала мою мать сидящей подгорюнившись на ковре. Как увидит она меня, бывало, как бросится ко мне, да так всю меня и обдаст слезами!.. Сколько я ни скрывала моих чувств, уговаривая ее быть покойной, но мудрено было скрыть от любящего материнского сердца желчь,

сгонявшую румянец с моих юных щек... Так-то и виделись мы с нею летом, утешая скорбь свою красотой летней ночи и соловьиным пением. Досиживали мы с ней на ковре под кустиком до утренней зорьки, а там прощались, обливаясь слезами... Не вынесла мать моя зимней разлуки со мною, и 25 марта, на Благовещение, между утреней и обедней умерла моя родимая, благословив меня иконой Знамения Божией Матери.

С кончины моей матери я во всех своих нуждах, во всех скорбях моих стала припадать с молитвой к материнскому благословению — к Знамению Божией Матери, и с тех пор жизнь моя вся пошла под руководством чудесных видений.

Вскоре после смерти моей матери я вижу однажды во сне, что пришла ко мне мать моя и говорит:

— Ты, милуша моя, не пугайся, но воду, которая в кружке твоей стоит, не пей! Посмотри, что в кружке! А впредь на ночь себе в кружку воду наливай сама.

После этих слов я тотчас же проснулась. Посидела на постели, подумала: что бы это значило, что мать моя ко мне явилась? Грустно мне стало, и я горько, горько заплакала; а воды всетаки из кружки пить не стала. Эта кружка была серебряная... Утром сняла я с нее крышку и увидела, что как сама кружка, так и вода в ней позеленели. Стали разбирать дело и добрались

до сути: меня, оказывается, хотела отравить одна женщина, близкая моему мужу. С тех пор я сама себе стала наливать воду на ночь в стеклянную кружку.

Это было первое охранение меня в сонном видении.

После этого я была раз сильно огорчена дерзостью моего мужа. Муж мой по-своему очень меня любил, но в болезни своей, которая у него возобновлялась ежемесячно, он невольно причинял мне много горя, да еще горя-то такого, что его ни сердце, ни благородное чувство изобразить не могут... И в этот раз, когда он меня сильно оскорбил, я ушла в свою комнату и стала молиться, прося Господа, чтобы Он умилосердился надо мною, грешной, и взял к Себе от такого мученья.

С горькими слезами и с чувством скорби я заснула. И вижу я во сне: иду я лугом, покрытым густой, зеленой травой и цветами; а вдали — лес. На дворе будто бы, несмотря на это, стоит холодная осень. Я бегу в этот лес раздетой, но мне не холодно, а легко и весело... По лесу дорога широкая и гладкая, и я бегу по ней... Вдруг откуда-то взялась собака с длинной цепью и преградила мне дорогу. Я испугалась и стала молиться. В это мгновение, смотрю, выходит из лесу молодой человек красоты необыкновенной, в каске и вооруженный, как воин, и спрашивает меня:

— Куда ты бежишь?

Я остановилась и молчу, он взял меня за руку и стал говорить так тихо и нежно:

— Я сколько раз к тебе приходил, а ты от меня все убегаешь. Ты ведь моя и знай, что я тебя никому не отдам!

Я стала просить его поскорей меня отпустить. Он оставил мою руку и сказал:

— Помни ж, что ты моя!

Я бросилась бежать от него по лесу и прибежала к какому-то большому дому, и в доме этом двери сами собою предо мною растворились. Людей я никого не видела. Я вошла в дом. Смотрю: большая, великолепно убранная комната, и в ней лежит множество прекрасных вещей и положено много разной одежды. Я все это рассмотрела и говорю сама с собой:

— Господи! Кому все это приготовлено?

И с этими словами я хочу уйти обратно к себе домой. Но тут двери вдруг с большим шумом сами собой затворились, и я оказалась запутанной в каких-то решетках. И вижу я, что мне спасения нет и не выбраться мне из этих решеток. И начала я плакать и просить Господа, чтобы Он помог мне освободиться. В то же мгновение внезапно явился ранее мною виденный юноша. Я стала просить его освободить меня и отпустить домой.

— Меня, — говорю, — дома муж ждет. Пустите меня домой, освободите меня!

Видя, что в этом юноше мое избавление, я стала несколько смелее и спросила его:

— Чей это дом? Куда я зашла?

И юноша ответил мне:

— Дом это мой, а все, что в нем, принадлежит тебе. Хочешь ли, не хочешь, а будешь жить

со мною неразлучно. Помни, что я тебя никому не отдам.

И тут юноша этот освободил меня и выпустил из дома. Я бросилась бежать изо всей мочи и была уже от своего дома близко, как вдруг, откуда ни возьмись, опять на меня выскочила собака и преградила дорогу к дому. И опять явился мне тот дивный юноша.

— Куда ты так бежишь? — спрашивает. — Ведь ты без меня зазябнешь!

Тут он подал мне большую турецкую шаль, закутал ею и сказал:

— Помни же, ты никому, кроме меня, принадлежать не должна! Я везде буду с тобою.

На этом я проснулась.

После этого сна через некоторое время приходит к моему мужу целовальник и предлагает ему купить у него образ Спасителя благословляющего, в серебряной ризе. Образ этот был ему заложен да так и остался невыкупленным. Находясь под впечатлением сна, я упросила мужа купить мне этот образ... Не могу я, грешная, изобразить словами, с какими чувствами приняла я на руки этого Спасителя! Облила я Его слезами, отслужила перед Ним молебен, поставила Его в киот и молилась Ему с необыкновенным чувством и умилением.

Вскоре после этого сижу я в сумерках у себя в комнате, куда я имею обыкновение уединяться на молитву, и только что хотела, заперши дверь, молиться, как в дверь ко мне постучал муж.

— Поди, — кличет, — ко мне!

Я отперла дверь, а он мне и говорит:

— Укладывайся и сейчас собирайся ехать в Тулу!

Почему? Зачем? С такими вопросами нечего было к нему и обращаться: таков уж был у него характер — надо было безмолвно исполнять его желания.

Когда мы приехали в Тулу, муж объявил мне, что он желает мне продать деревню, в которой мы живем. У меня никакой собственности не было. Была я бедная девочка, и всего моего достояния было что одни розовые щеки, длинная русая коса да большие черные глаза.

В одну неделю дело с продажей мне деревни было в Туле покончено, и мы благополучно вернулись домой.

На другой день все крестьяне, с бурмистром во главе, явились ко мне на поклон с разными приношениями. Трогательно было видеть, как они бросились на колени, упали моему мужу в ноги и благодарили его за то, что он их отдал мне, а не другим наследникам, к которым они боялись попасть в руки после его смерти. Мой старик прослезился при виде их чувств к нему и ко мне. Отпустив крестьян, он остановил бурмистра и велел ему немедленно выпроводить из деревни ту женщину, которая меня, было, хотела отравить, дать ей паспорт и строго наблюсти за тем, чтобы и духу ее близ дома не было.

Однажды я сильно простудилась; в ногах появился ревматизм; боль была невыносимая; ноги свело, и на них сделались точно бугры.

Восемь недель я не вставала с постели. Лечили меня доктора, но пользы от лечения никакой не было.

Во время этой болезни я видела сон: будто я в каком-то незнакомом городе лежу больная и слышу в городе этом какое-то смятение; в то же время мне слышится духовное пение, которое приближается ко мне все ближе и ближе... Вижу я и народ какой-то.

— Что это за смятение и пение? — спрашиваю.

Мне отвечают:

— Образа несут!

Я горько заплакала, что не могу видеть крестного хода, и со слезами взмолилась:

— Господи! Хоть бы мне кто-нибудь дверь отворил, чтобы мне посмотреть на это!

В то же мгновение крыша надо мною исчезла, и я очутилась на открытом воздухе. Пение же, слышу, все приближается. И стала я с умилением молиться. Вижу: вносят ко мне хоругви, а за ними — образ Спаса Нерукотворного, Которому меня поручила на смертном одре моя покойная мать. Я спрашиваю:

— Какой нынче праздник?

Ко мне подходит какая-то женщина в покрывале и говорит:

— Спас Преображения!

И вслед за этими словами женщина села мне на больные ноги и крепко в них уперлась руками. Я закричала:

— Голубушка, что ты? У меня ноги больные!

— Полно тебе лежать! — сказала мне эта женщина. — Я тебе твои ноги вылечу.

— Кто ты? — спросила я ее.

— Я — "Взыскание погибших!" — ответила Она и скрылась.

Эту ночь я спала очень покойно и, проснувшись, почувствовала совершенное облегчение от своей болезни.

После этого чудесного видения я отслужила молебен Матери Божией, написала икону "Взыскание погибших" и поставила ее в зимней оранжерее, между цветущими деревьями. В эту оранжерею ход был прямо из моего кабинета, и я всякий день при захождении солнца хаживала туда молиться и всегда получала великое утешение...

И еще видела я сон: будто стою я у окна в своем доме, и передо мною с неба спала какая-то длинная картина... Чей-то голос сказал мне:

— Эта картина с неба спала к тебе.

Я стала ее рассматривать и вижу, что на ней красками нарисовано пылающее в огне сердце.

И после этого я увидала себя в доме умершей моей матери, а кругом дома — пожар страшный, и я с этого пожара таскала огненные бревна. И опять я вижу, что с этого пожара я в испуге вбегаю в дом к матери, но мать меня встречает и в дом не впускает. А из одной комнаты этого дома я слышу стон моего мужа...

И спрашиваю я мать:

— Что это значит, что вы меня не впускаете?

— Здесь муж твой! — ответила мне мать. — Ты его уже больше не увидишь.

Я рвусь к мужу, плачу... И вдруг вижу: ко мне подходит откуда-то мой умерший брат, подает мне черный креп и велит мне им убирать мою спальню.

— Господи! — закричала я. — Куда мне теперь себя девать? Куда бежать?

И вбежала я в какую-то большую пустую комнату. В комнате этой, смотрю, стоит большой, длинный стол, покрытый белой скатертью, а на нем множество ночников, доверху наполненных маслом, и в них — белые фитильки. И вижу я: сидит за этим столом какое-то духовное лицо — старец, убеленный сединами. Я боюсь взглянуть на этого старца и издали вопию к нему:

— Господи! Да что же это со мною делается? Когда же мне будет лучше?

— Когда зажжешь ты все эти семь светильников, — ответил мне старец, — тогда тебе будет хорошо!

Вскоре после этого сна мне было что-то вроде видения, необычайного и страшного.

Ездила я в город, в женский монастырь, где имела обыкновение часто молиться перед чудотворной иконой Ченстоховской Божией Матери. Вернулась я из города в сумерках и прилегла у себя на диване. Я не заснула, потому что ясно слышала в соседней комнате разговор мужа с моим братом, но внезапно впала в какое-то необычайное состояние. И вижу я: сижу

я у себя в кабинете, и вдруг поднялась страшная буря. В мгновение ока крышу с дома сорвало, а меня подняло на воздух. А буря, смотрю, несет по воздуху леса, дома, скот, людей... Я пришла в неописуемый ужас, закрыла лицо руками и кричу:

— Господи, прости мои прегрешения!.. Господи, что же это делается?

И какой-то голос ответил мне:

— Конец миру — Господь идет! Брось грешить, беги к Нему навстречу!

Я подняла голову и вижу: сходит Господь с воинством небесным... И тут раздалось такое пение, что я, грешная, ни описать, ни выразить не могу... И поднялась я на воздух навстречу к Нему, и со мною — многое множество людей вознеслось на облаках воздушных... И вижу я: какие-то светлые мужи стали расставлять как бы столы.

— Что это, — спрашиваю, — батюшки?

— Господь судить будет весь народ! — ответили мне эти светлые мужи.

От страха я очнулась, вскочила с дивана и в ужасе бросилась к образам молиться.

После этого грозного сновидения я стала более обращать внимания на свою духовную жизнь: танцевать бросила, хотя мне было еще только 25 лет; прекратила есть скоромное по постам и постным дням...

Видно, этим образом угодно было Господу обратить меня на путь истинный.

В скором времени я опять вижу сон: кто-то повелевает мне строить дом. Голос говорящего я слышу, а самого его не вижу. Я будто спешу начинать закладывать постройку; занесла огромное строение и сама удивляюсь, как скоро у меня идет эта постройка. Через несколько дней у меня уже и фундамент был выложен... В постройке этой мне помогали какие-то духовные лица. Когда же стало выводиться самое здание, то оно оказалось красоты неимоверной. Работала я над зданием этим с великою тяжестью и усталостью, но душа моя испытывала восторг неописуемый. И вот, когда я ходила около возведенной мною постройки, ко мне вдруг вошел тот же юноша, который когда-то, в сонном видении, одел меня шалью. Подошел он ко мне и стал любоваться постройкой, а затем говорит мне:

— Поди посмотри у себя на дворе: что там делается?

Я взглянула на двор и вижу: половина двора у меня засеяна рожью, и рожь эта уже поспела. И дивлюсь я: какая это и откуда взялась рожь? Растет она, смотрю, кустами и такая, какой я никогда не видывала. Посреди же ржи этой стоит один колос выше всех, и на этом колосе еще несколько колосьев.

— Что это за рожь? Что это за колос удивительный? — спрашиваю я юношу.

— Этот колос, — отвечает он мне, — имеет в себе семь колосьев, и каждый колос принесет семь колосьев плода, — и все житницы твои засыплются хлебом.

Никого я не могла найти, кто бы мог мне растолковать это сновидение. А между тем вскоре после него мужу моему пришла в голову мысль, что он может внезапно умереть во время одного из припадков своей несчастной болезни и оставить меня на произвол наследников, которых у него было много. Муж сделал на мое имя векселей на 150 тысяч рублей, а имения его было 800 душ, которые и должны были после его смерти перейти ко мне по этим векселям. Таким образом, в мое распоряжение попала и та женщина, которая покушалась на мою жизнь.

Получив паспорт, она, оказалось, не ушла в Москву, но перешла жить в другую деревню. Как стала она моей крепостной, то стала проситься меня видеть; но я, грешница, долго не решалась допустить ее до себя, пока внутренне не примирилась с нею. Но и примирившись сердцем, я не хотела видеться с нею с глазу на глаз, а когда позволила ей прийти, то пригласила к себе священника, нашего духовного отца, при котором и должно было состояться наше свидание. Когда она вошла ко мне, то прямо бросилась мне в ноги, схватила их обеими руками, стала их целовать, каясь в своем грехе и заливаясь горькими слезами. Говорила она, что на жизнь мою она покушалась несколько раз и, кроме того, мужу моему подкладывала фальшивые письма, будто бы писанные ко мне моими любезными; но, к ее удивлению, ни одно из этих писем до мужа моего не доходило, а куда-то они пропадали, хотя она их иногда ухитрялась положить ему в карман...

Я слушала эти признания с болью сердечной.

— Простите ее, — сказал священник, — и Бог грешников прощает.

— Ну, милая, — сказала я, — Господь да простит тебя за мои многолетние мучения, а я тебя прощаю. Напиши себе вольную, а я ее подпишу.

Так я проводила ее и с тех пор больше не видала.

Эта история, однако, не прошла мне даром: я заболела и во время болезни порвала все векселя, выданные мне в обеспечение моим мужем. Причиной тому была развившаяся во мне во время болезни мнительность: мне казалось, что я умру, а мои наследники возьмут да и выгонят старика-мужа и не дадут ему умереть спокойно. Но вскоре Господь помиловал меня — я выздоровела, и мы с мужем спокойно стали жить, предоставив свое будущее воле Божией.

Один год выдался тревожный в нашей тихой помещичьей жизни. В этот год какие-то люди стали поджигать помещиков. Что это были за люди, осталось в точности неизвестным. Говорили про поляков, которые будто бы бродили под видом иностранцев по селам и городам, оставляя по себе следы в виде дымящихся пожарищ. Правда это была или нет — того мы не знали, но пожары начались и у наших соседей.

Мы связали все свое добро в узлы, просиживали ночи, не ложась спать, и караулили. Так продолжалось довольно долго. Мы все

измучились, каждую ночь и каждый вечер ожидая, что вот-вот и над нами разразится несчастье.

Матерь Божия, видимо, сжалилась над моими страданиями и явилась мне во сне. Приснилось мне: будто я бегу куда-то вон из дому по большой дороге, — а на дворе тьма непроглядная и туман страшный, — и я не знаю, куда бегу. Подбежала я к какому-то лесу, и стал туман расходиться. Тут я увидала: стоит какой-то большой образ, но за туманом лика его я разглядеть не могу. Я начала молиться и плакать и во сне говорю со слезами:

— Господи, чей это образ? Угодник ли какой или Матерь Божия? Спаси меня, грешную, погибаю!

Вдруг туман предо мною рассеялся, и я увидала образ Божией Матери, и от образа я услыхала такие слова:

— Ежели желаешь, можешь иметь Меня у себя. Я стою в городе, в зале такой-то госпожи.

И мне было названо имя этой госпожи.

Я упала на колени пред иконой, плакала, плакала и проснулась вся в слезах.

Я рассказала сон мужу, и он мне посоветовал съездить к этой госпоже в город.

С барыней этой я знакома не была, но когда к ней приехала, то была ею принята очень приветливо. В зале у нее я действительно увидала тот же образ Божией Матери, который мне явился во сне, и я узнала, что он именуется "Споручница грешных". Я попросила отслужить перед

ним молебен, а затем и разрешение с этого образа снять копию, что и было мне дозволено.

После этого молебна я стала духом много покойнее; а когда мне доставили копию с этого образа, то надо ли говорить, какую я возымела к нему веру?..

Тем не менее и у нас начались пожары: сгорел овин; через два дня подожгли ригу. Муж мой заболел своей несчастной болезнью. Скорбь и страх у меня усилились больше прежнего. К счастью, на всю эту скорбь Матерь Божия послала мне в утешение и подкрепление мою сестру и еще одного знакомого с женой, которые приехали погостить ко мне. С ними я несколько поуспокоилась.

В тот день, когда ко мне приехали эти гости, в соседнем селе был престольный праздник, и все наши были отпущены мною на праздник. В доме оставался один мальчик и брат мой родной, да в кухне — повар и приказчик с женой. Гости мои приехали под вечер, и мы с сестрой и с гостями засиделись до позднего часа.

Когда разошлись, я прошла в свою спальню и крепко заснула. Заснула и вижу во сне: у меня будто на дворе пожар. Я велю собрать дворовых, поднять образа и служить молебен, а сама горько плачу, умоляя Господа показать мне, кто мой злодей. Вдруг вижу, на воздухе показалась кисть как бы огромной человеческой руки, и рука эта опустилась и стоит передо мною. Я испугалась.

— Господи! — взмолилась я во сне. — Чья это рука стоит передо мною?

— Это рука Божия! — ответил мне чей-то голос.

И я, в благоговейном ужасе, с трепетом приложилась к этой руке; а рука эта стала подниматься все выше и выше и вдруг внезапно опустилась на головы моего приказчика и повара, стоявших неподалеку от меня, рядом друг с другом.

Тут я проснулась в изумлении и страхе, недоумевая, что бы мог значить этот сон.

В эту ночь, пока я спала, поднялась на дворе такая буря, что мои люди, отпущенные на праздник, не могли вернуться домой, и в ту же ночь у нас подожгли кухню, разложивши на ее чердаке целый костер. Я этого не видала, а узнала после, так как брат, увидевши пожар, запер ставни в моей спальне. На пожар выскочили брат с гостем и мальчик-слуга, а сестра взяла образ "Споручницы грешных" в руки и стала молиться. Сбежались на пожар мужики и быстро его затушили, не дав разгореться.

Всего этого я не видала, потому что спала, и когда я проснулась, то все уже было кончено.

Проснулась я, лежу и со скорбью думаю, что значит мой сон. Грустно мне стало. Я кликнула свою девушку, которая тоже на праздник не ходила, и велела ей отпереть ставни. Ко мне вошли брат и сестра и спрашивают:

— Здорова ты?

— А у нас, — спрашиваю, — все ли здоровы? Все ли у нас благополучно? Я какой-то сон необыкновенный видела.

Сестра бросилась меня целовать, заплакала да и говорит:

— Благодари Господа и Божию Матерь "Споручницу": Они тебя помиловали и спасли!

Тут я узнала, что произошло ночью у нас на усадьбе.

Приехал староста, понаехало много наших крестьян. Я послал за священником, чтобы поднял образа, отслужил молебен и привел бы всех дворовых к присяге. Старосте же я велела наблюдать за лицами: кто как будет присягать? К присяге я и сама вышла. Смотрю, все присягают просто, но когда дошла очередь до приказчика и повара, то с ними невесть что сделалось: они затряслись, как в лихорадке, и, как смерть, побледнели. Это было замечено всеми.

Отслужили молебен, а после молебна староста приступил к приказчику с поваром и стал их опрашивать порознь, где были эту ночь, что делали. Кончилось тем, что их сковали и отправили в другую деревню, под крепкий караул, до выздоровления мужа. Когда муж выздоровел и дело разобрали, то одного из них отдали в солдаты, а другого сослали на поселение.

И на этом, благодарение Богу, покончились все пожары, как у нас, так и у наших соседей.

Напала на меня одно время такая грусть, такая тоска, что я не знала, куда мне от нее деваться. Время было зимнее, и я поехала кататься в санках; но и это не помогло. Я вернулась с теми же чувствами, с какими и выехала. Велела я в своей оранжерее зажечь все разноцвет-

ные фонарики и пошла любоваться красотой ярко освещенного зимнего сада. Цвела в то время камелия, цвели и многие другие деревья, и между ними — огромная датура, на которой было 37 цветков. Что за удивительный был тогда аромат в этой оранжерее!.. Походила я по аллее из камелий и села в своей беседочке на диванчик, на котором обыкновенно сиживала. Взяла я в руки образ "Взыскание погибших" и стала с умилением смотреть на него; и чем дольше я на него смотрела, тем в большее приходила умиление. Я не могу сказать, молилась ли я тогда, или сидела в полузабытьи, но только не спала. И в этом состоянии умиления я ясно увидела, что пришла я будто бы в Белевский женский монастырь, перед вечерней. В церкви никого нет. Я стала возле клироса и начала молиться. И вижу я: из северных дверей алтаря выходит какая-то белокурая девушка в подряснике, проходит тихо мимо меня и пристально на меня смотрит.

— Голубушка, — спрашиваю я ее, — скажи мне: вечерня еще не кончилась?

— Нет, — ответила мне девушка, — не начиналась!.. А ты что — иль пришла сюда местечка себе искать? — спросила она меня и, не дожидаясь ответа, сказала: — Вот, и я себе местечка ищу.

И с этими словами девушка эта вошла в северные двери другого алтаря. Потом, вижу, выходит она опять из тех же дверей и говорит мне:

— А много нужно нам с тобою места!

Указала мне рукой на уголок и промолвила:

— Вот здесь и займем мы с тобою немного местечка и будем с тобою жить.

Тут меня разбудил голос моего мужа, звавшего меня к себе, и видение кончилось.

Мое забытье продолжалось только одно мгновение, но так знаменательным показалось мне видение, что я рассказала его своей тетушке, у нас тогда гостившей.

— Долго ли, коротко ли, — сказала мне тетушка, — а, видно, быть тебе в монастыре!

Да так мне и самой тогда показалось.

В ту же ночь, когда я уже легла спать, я увидела во сне: пришла я будто в какой-то неизвестный мне дом и вижу в нем покойную мать, которая очень хлопочет, убирает дом и готовит кушанья, а на меня никакого внимания не обращает... Я долго на нее глядела, да и говорю:

— Маменька, что же это вы меня не приласкаете?

Мать мне ничего не ответила, и я горько заплакала. Но и на слезы мать не обратила внимания, а продолжала заниматься уборкою дома.

Когда она кончила этим заниматься, то обратилась ко мне и говорит:

— Ну, теперь я все покончила и более к тебе возвращаться не буду. Ты думаешь, мне легко было приходить к тебе такую даль?

Сказав это, мать моя подошла ко мне, поцеловала меня, перекрестила и покрыла чем-то голубым, обшитым золотой бахромой.

— Чем это вы меня, маменька, покрыли? — спросила я.

— Омофором, — ответила она и стала подниматься на воздух.

Высоко поднялась она и скрылась на небе.

С тех пор действительно я уже не видела во сне своей матери, тогда как прежде она мне являлась часто, предостерегая меня и наставляя в разных случаях моей жизни. Вместо явлений матери я с этого времени стала слышать чей-то голос, руководящий мною.

Не более месяца прошло с этого сна, как мне вновь приснился все тот же юноша, который мне и раньше являлся в сонном видении. В этот раз он будто бы с какой-то особой властью явился в мой дом и стал все ломать в доме: сломал часы, мебель, рояль и стал все выкидывать вон из дома; затем схватил моего мужа и запер в комнату, приставив к ней караул и запретив пускать к нему кого бы то ни было... Я стала плакать и просить этого юношу не мучить моего мужа, но он грозно мне сказал:

— Помнишь ли, что я несколько раз к тебе являлся и говорил, что ты никому не должна принадлежать, кроме меня? Ты меня все гнала от себя; теперь я сам к тебе пришел и уже без тебя не уйду и везде буду с тобою.

На другой день после этого сна, вечером, сели мы все чай пить. Вдруг муж мой стал хрипеть и покатился без сознания со стула на пол. Бросились за священником, поскакали за доктором. Привезли доктора, пустили кровь и привели мужа в чувство; но ног муж мой лишился

— их разбил паралич. После удара он прожил две недели и умер.

Когда похоронили моего мужа, я не в силах была оставаться в нашем доме и уехала на время в Белевский монастырь, где наняла себе келью и жила в ней, пока велось дело с наследниками мужа, от которых мне много было скорби; но Господь послал мне добрых людей, которые меня избавили от всех забот и хлопот по наследству.

Еще сорока дней не вышло покойному мужу моему — пришла я от всенощной в свою монастырскую келью и легла спать... В деревне своей я все еще жить не могла и, по милости матушки игумении, принявшей во мне сердечное участие, проживала в монастыре... Только я легла постель и стала засыпать, как увидела во сне, что меня кто-то будит и говорит:

— Что ты спишь? У мужа твоего добрых дел недостает!

Я будто повернулась на этот голос и вижу: стоят перед моей постелью два светлых юноши в белых одеждах и держат в руках весы...

— Видишь, — говорят, — весы перевернулись? Добавляй скорее!

Я проснулась в трепете, бросилась к Матери Божией и стала Ей молиться, прося Ее научить меня, что делать, чтобы спасти душу мужа. И напала тут на меня такая тоска, что я уже заснуть не могла и всю ночь провела в страшной душевной тревоге.

Утром я пошла к матушке игумении, рассказала ей все подробно и просила совета, как поступить мне, что делать. Игумения посовето-

вала удвоить милостыню, и я, сколько было можно, всюду рассылала и раздавала; но, видно, всего этого было, к моему горю, мало, потому что непокойно было мое сердце. Тут приехала ко мне тетушка, и тоска моя стала мень-ше меня тревожить; но все-таки сердце не было покойно...

И приснился мне уже сам покойник. Иду будто я в нашей деревне по улице, недалеко от церкви, и вижу, что мне навстречу идет какой-то человек, по походке — мой муж, но верно узнать не могу, потому что лицо его чем-то закрыто. Я спрашиваю его:

— Кто ты?

Он мне ответил:

— Это я.

— Что ж у тебя, — спрашиваю, — лицо-то закрыто?

— Я свету не вижу, — отвечает, — и никто мне его открыть не может, кроме Матери Божией. Попроси Ее обо мне!.. Да, еще есть у тебя мешочек с деньгами — раздай его! Он лежит у тебя в деревне, в комоде, во втором ящике.

Я проснулась и долго думала об этом сне. Усилила я молитву о муже, но денег, знаю, у меня нет не только в деревне, но и при мне: после смерти мужа я осталась без гроша, и добрые люди помогли мне его похоронить, дав взаймы денег. Но все-таки сон этот не выходил у меня из головы, а времени до сорокового дня уже мало оставалось.

Я рассказала сон своей тетушке, а она мне и говорит:

— Ты веришь снам — поверь и теперь: съезди в деревню, погляди в том комоде, где он тебе велел!

Послушалась я тетушкиного совета и поехала в деревню. Велела отворить дом, открыть ставни... В деревне, во флигеле, жил мой брат. Я взяла с собой брата и вошла в дом, в ту комнату, где стоял красный комод. Отворила я второй ящик и действительно нашла мешочек с деньгами. И тут я вспомнила, откуда он у меня взялся: у меня одно время завелась страстишка копить серебряные пятачки и гривеннички, и я их собирала в этот мешочек, а потом о нем забыла. Стала я считать деньги, и оказалось, что в мешочке этом набралось 50 рублей.

В сороковой день я все деньги раздала.

Через три дня после сорокового дня мне во сне опять явился мой муж, но уже с лицом открытым и очень веселым. Подал он мне тот же мешочек и говорит:

— Ну, теперь возьми его! Спасибо тебе, теперь он мне больше не нужен — довольно с меня.

И с этих пор я мужа своего уже более не видала.

Прошло со смерти мужа несколько времени; наступила весна; я стала ездить в деревню наблюдать за хозяйством; наступал праздник великого дня Пасхи... Опять увидела я знаменательный сон: сижу я будто в каком-то доме и слышу громкий голос, который повелительно говорит мне:

— Иди за мной!

Не видя никого, я пошла за этим голосом и шла куда-то далеко полем. Вижу, вдали церковь. Подхожу к ней ближе, смотрю: церковь старая, без окон и без дверей, грязная, неоштукатуренная.

— Созижди мне ее! — говорит неизвестный голос.

Я отвечаю:

— Господи, денег нет у меня и не знаю, как за нее приняться!

— Созижди мне ее непременно! — повторил настойчиво и повелительно тот же голос.

Проснулась я и думаю, к чему мне привиделся этот странный сон. Подумала, подумала, да и бросила думать: не всякому же сну верить!

Через неделю опять вижу тот же сон, и тот же голос мне повелительно говорит:

— Иди за мной!

И опять я пошла за этим голосом, и вновь пришла к тому же месту и к той же церкви; но на этот раз около этой церкви, оказалось, лежала громадная груда камня, так что близко нельзя было подойти к церкви. И опять голос сказал мне:

— Созижди мне церковь!

— Господи, — отвечаю, — страшно взглянуть на эту громаду камня!

Повелительно и грозно в ответ на мои слова сказал мне голос:

— Перетаскай все эти камни и созижди мне церковь! Да смотри, непременно устрой!

После того как сон этот повторился, я послала за своим священником, рассказала ему, что видела, и спросила:

— Что, батюшка, эти слова означают?

— Надо, — говорит, — матушка, пригласить отца благочинного: он человек умный и жизни духовной.

Священник привез благочинного. Много мы толковали, и благочинный сказал:

— Может быть, матушка, Господу угодно, чтобы вы обновили вашу церковь: она действительно грязная, неоштукатуренная, да к тому ж и построена она вашими предками, и прах многих из них лежит около нее; теперь прах этот попирается всякой крестьянской скотиной. Обновите храм, приведите в порядок семейные склепы: так-то вот и созиждете ту церковь, о которой вы получили повеление.

По общему совету, отслужили мы молебен Спасителю и Божией Матери, а благочинный отправил к архиерею прошение о разрешении мне обновить свой приходской храм. Я заказала кирпич, наняла разного рода мастеровых; пришло разрешение от владыки — и с ранней весны работа закипела. Стали штукатурить церковь внутри и снаружи, печники — ломать склеп и вновь класть. Образа из церкви перенесли в одну половину моего дома. Навезли тысяч десять кирпича. Работы невидимой рукой подвигались быстро вперед. Явились жертвователи. 30000 кирпича пожертвовал кирпичник, у которого я покупала кирпич. Один господин, узнавши, что я обновляю церковь,

прислал мне десять золотых... Когда я начала переделывать храм, у меня в платке был завязан один пятиалтынный — только и было у меня наличного капиталу, — а работ в церкви было произведено на 8700 рублей.

К 1 октября, ко дню нашего престольного праздника, все работы были уже окончены, заново отделан грозивший падением иконостас, — и на самый престольный праздник наша церковь была освящена, а на мне не осталось за работу ни копейки долгу.

Когда были покончены церковные работы, я в скором времени увидела опять сон: будто я стою в нашей церкви, смотрю и любуюсь, как она стала хороша. Гляжу: из северных дверей подходит ко мне какое-то духовное лицо и говорит:

— Ты думаешь, что ты тут все окончила? Нет!

Подает мне маленький образок, показывает в церкви для него место и говорит:

— Воздвигни мне этот образ здесь, укрась его всеми твоими брильянтами и драгоценными каменьями!

И вижу я, что в углу этого образа написан лик Божией Матери.

Сон этот я видела спустя некоторое время и второй раз. Я испугалась, что сразу не послушалась приказания. Послала опять за священником.

— Если так Господу угодно, — сказал мне священник, — то вы этот сон увидите и в третий раз.

Прошла неделя. Опять я вижу во сне, что я стою в нашей церкви, то же духовное лицо подходит ко мне и спрашивает:

— Что ж ты не делаешь того, что я тебе велел?

— Нигде такого образа не отыщу! — отвечаю ему я.

— Да сама-то ты помнишь ли его? — спрашивает и с этими словами вынимает и показывает мне три образка.

— Который же я тебе показывал? — спрашивает.

Я указала.

— Так воздвигни ж его на этом месте! — сказал он мне и ушел от меня в алтарь, из которого вышел, опять, и с ним другое духовное лицо... Вижу: несут золотую парчу, а на парче — множество золотой бахромы. Подали они мне эту парчу и говорят:

— Это тебе на образ, а чего недостанет — продай свои вещи, бриллиантами же своими укрась Матерь Божию.

Я с этим проснулась, и в памяти моей живо запечатлелся виденный образ какого-то святителя и в углу образа — лик Божией Матери.

Ни у себя, ни в церкви я этого образа не нашла. Искала у соседей, была в городе, во многих домах смотрела, смотрела и по всем церквам, но нигде не нашла. Наконец, после продолжительных поисков, я нашла виденную во сне икону на чердаке нашей церкви между старыми образами. Когда я отмыла эту икону, то на ней оказалась надпись — "Святитель Димитрий,

ростовский чудотворец". И как же я обрадовалась угодничку Божию!.. Обложила я образ этот серебряною ризою, обновила его, сделала на него киот и поставила в церкви на указанном месте, но украсить своими бриллиантами не решилась: боялась, чтобы бабы не выковыряли их своими пальцами, да и жаль мне было расстаться с моим фермуаром, браслетом и серьгами, в которых я любила ездить по собраниям. Спрятала я свои драгоценные вещи — носить их все-таки не решалась: совестно было. а расстаться с ними было жаль.

Прости, Господи, мое согрешение!

Несколько времени я берегла у себя свои драгоценности, но совесть моя не была покойна, упрекая меня в том, что я их пожалела для Царицы Небесной. Под конец я даже не стала держать их у себя — я отдала их спрятать сестре, не сказавши, однако, ей причины, почему не хочу их хранить у себя.

...Еще я видела такой сон: будто я у себя дома задумчиво хожу по комнате. Подняла я голову и увидала, что на диване в этой комнате сидит молодой человек, а навстречу мне идет старичок, по виду духовный. Я ему поклонилась в землю и подошла под благословение, а он мне показывает на этого молодого человека и говорит:

— Не ходи за него, пожалуйста, замуж: еще зима не пройдет, как его не будет.

А я говорю ему:

— Батюшка! Я ни за кого не пойду замуж: меня Господь от этого помилует.

Старичок мне показал на балкон и говорит:

— Посмотри, как Матерь Божия молится за тебя!

Я взглянула на балкон, а на балконе, смотрю, стоит женщина в белом покрывале, поднявши руки к небу.

Я бросилась к двери и закричала:

— Матерь Божия, спаси меня!

И с этим проснулась.

Сон этот очень скоро сбылся наяву. Через два дня после него ко мне приехал тот молодой человек, которого я видела во сне, стал мне объясняться в любви и просить моей руки. Я ответила, что я для него стара, но он не унялся и продолжал объясняться в любви, говорил, как давно меня любит, что он влюбился в меня, когда я еще была замужем, а он был юнкером; что с той минуты, как он меня встретил, он не разлучался со мною мысленно... Этот молодой человек так был красив, так хорош собою, что трудно было встретить красоту, подобную его; но характера он был такого буйного и страшного, что я в ужас пришла от его предложения. Можно сказать, что я поневоле вспомнила свой сон и успокоилась при мысли, что меня защитят от этого жениха молитвы Царицы Небесной.

Но он долго меня не оставлял в покое, и я много страдала от его ухаживанья. Отказывать ему напрямик было опасно, и приходилось действовать с большой осторожностью, чтобы не навлечь на себя его необузданной ярости в случае отказа. Все родные и знакомые боялись

за мою жизнь, так как он всегда с собою носил кинжал, и ему ничего не стоило лишить меня жизни. Наконец, помолившись Царице Небесной, я собралась с духом и решилась прямо ему отказать. Отказала я ему ласково и прибавила, что я дала клятву ни за кого не выходить замуж. К удивлению моему, он принял отказ мой спокойно и стал редко ко мне ездить.

Вскоре после этой истории отвергнутого сватовства я сидела в сумерках на диване и задремала. Вижу во сне, что я где-то еду, и на меня напали разбойники, и всю меня изранили. Я долго с ними боролась, но не могла справиться, пока не явилась какая-то женщина, которая и спасла меня от них.

— Поди в мою комнату! — сказала мне эта женщина, ввела в комнату и заперла меня в ней.

В этой комнате я увидала большой полинялый образ Божией Матери, похожий на тот, который мне велено было украсить моими брильянтами. Я стою будто перед ним и плачу. Из дверей выходит старичок, похожий на священника, и берет от меня этот образ. Я говорю ему:

— Батюшка, зачем ты его от меня берешь?

— Тебе, — ответил он сердито, — было велено его убрать, а ты его бросила!

И он взял и унес от меня этот образ.

Очнулась я от этого видения и стала просить Царицу Небесную простить мне мой грех. Тотчас же я этот грех открыла своей сестре, а затем и духовному своему отцу. Вскоре после этого я всеми своими брильянтами и драгоценными каменьями украсила запрестольный об-

раз Божией Матери, но только не в своей, а в другой церкви.

С этого времени я духом совершенно успокоилась. Молодой человек, которому я отказала, прожил по соседству со мною до осени, потом уехал в Москву и там, в начале зимы, кончил жизнь свою ударом.

В письме моем к сестре, вскоре после смерти отвергнутого искателя моей руки, я писала так: "Сегодня я видела во сне: будто я — у себя в деревне, хожу в доме по комнатам, и в доме все пусто и ничего нет. Вхожу к себе в кабинет, остановилась у окна, подняла глаза к небу и с умилением стала благодарить Господа за то, что я вдова и что мне так легко стало жить вдовою... Вдруг слышу голос:

— Ты скоро должна выйти замуж!

Я оглянулась на звук этого голоса и испугалась: у стола, вижу, сидит тот молодой воин, который мне несколько раз уже являлся во сне.

— Нет, — говорю я ему, — я никогда замуж не пойду: меня от этого помилует Господь.

— Нет, — возражает он, — пойдешь!

Я стала плакать и просить его, чтобы он избавил меня от нового замужества. Когда я его просила об этом, ко мне вошел какой-то незнакомый офицер.

— Вот твой жених! — сказал мне воин, взял его и мою руку и надел нам обоим венчальные кольца.

— Смотри же, — говорит он моему жениху, — береги ее, она моя, я тебе ее не совсем отдаю!

А мне сказал:

— Не бойся, иди за него: я везде с тобою буду!

И скрылся от меня.

Я проснулась и думаю: что это такое, Господи, мне приснилось?..

На другую ночь я опять вижу сон: будто я в деревне со своею тетушкой. Опять я стою у окна и смотрю на небо. И вижу я на небе большую звезду. Я кличу тетушку посмотреть на нее... И вдруг эта звезда стала тихо катиться по небу...

— Смотри, — говорит мне чей-то голос, — эта звезда — твоя, и катится к тебе!

И скатилась эта звезда с неба в растворенное окно прямо ко мне на колени.

— Смотри же, — говорит мне тот же голос, — держи ее крепче!

Куда потом звезда эта делась, я не помню... Тут я увидала себя на постели, и кто-то подошел ко мне, толкнул меня в бок и говорит:

— Полно тебе спать! Через две недели ты увидишь, как судьба твоя решится!

Я мгновенно проснулась, разбудила тетушку и рассказала ей весь сон. Отметила я этот день и стала ждать, что случится со мною через две недели.

Через две недели и два дня приехал ко мне офицер — точно такой, какого я видела во сне. Приехал он в свою деревню из Петербурга, где всегда служил, и пожелал, как сосед, познакомиться со мною. Ему я, видимо, очень понравилась, и он стал часто ездить ко мне из деревни в город, где я тогда жила, а в один из своих приездов сделал мне предложение, которое я и при-

няла. Мы скоро перевенчались и переехали на житье в деревню.

Три года я была очень счастлива в замужестве: муж мой, что называется, не мог на меня наглядеться, даже сам меня причесывал, а когда я, бывало, приоденусь, то сам наблюдал, чтобы я была одета как можно более к лицу. Но после, остальные пять лет нашей супружеской жизни, всего было — и сладкого, и горького. Было ли так угодно Господу или злым людям, которые завидовали моему счастью, то Бог весть...

Слава Богу за все!

Последний год моей жизни с мужем мне все необыкновенные сны виделись, а жизнь наяву исполнена была скорбей немалых. Видно, ими угодно было Господу вести всю жизнь мою.

Один раз вижу я во сне: бегу я каким-то полем и прибежала в свой дом в полном изнеможении. От усталости я упала на постель совсем больная, а на мне, чувствую, лежит какая-то ужасная тяжесть. Приподняла я голову и вижу, что я лежу вся в крестах, и около моей кровати стоят тоже большие кресты... Я заплакала и говорю:

— Господи, что же это? Когда же будет конец этим крестам? Прими от меня хоть один большой!

И какой-то голос мне сказал:

— Все кресты отниму от тебя, но один оставлю!

И все кресты отступили от меня.

4 Зак. 503

И тот же голос сказал мне:

— Один крест на груди твоей с тобою останется навсегда!

Взглянула я на себя, а у меня распятие на всю грудь разрисовано разными красками. Я стала его смывать, а оно все ярче делается, и под ним надпись — "Христос на кресте". И сколько я ни старалась отмыть его с груди моей, но смыть не могла, так и оставила.

Мое второе замужество было действительно исполнено крестов любви страстной и крестоносной, и отняты были они только тогда, когда окончилось, через восемь лет супружеской жизни, мое испытание этой любовью. Теперь только один крест остался — на груди моей, и этот крест я должна донести безропотно до самой могилы.

Один раз вижу: хожу я будто по комнате у себя в доме, а в нем ни людей, ни мебели — все пусто, а в другой половине дома точно музыка какая-то играет и слышится духовное пение красоты необыкновенной. Я долго слушала с невыразимым наслаждением это пение, и стало мне почему-то так грустно, грустно... И сказала я себе: пойду, посмотрю, что там делается. Вошла я в девичью и стала, прислонившись к столу. Слышу, чей-то повелительный голос кричит:

— Вон отсюдова! Все — вон!

И вижу я со страхом, что из дому по воздуху пролетела вон вся мебель... Смотрю, из спальни моей выходит кто-то, точно священ-

ник, в золотой ризе, а лицо белой дымкой покрыто, и все рукой машет.

— Вон, — кричит, — все вон!

Обратился ко мне, грозит пальцем и говорит:

— А тебе Иоанн Креститель покажет путь, по которому ты должна идти!

С этим я проснулась.

После этого, в непродолжительном времени, я вижу опять сон: стою я у себя на балконе и с грустью, точно осиротевшая, смотрю на небо. Вдруг, вижу, летит через балкон огромная птица и ударила меня больно в лоб, да так, что я покатилась. Постояла я немного и вошла в комнаты. В гостиной, смотрю, сидит мой муж и с ним много мужчин, которые все уже давно умерли. Увидев меня, они все вдруг с испугом вскочили, а муж и говорит мне:

— Что это у тебя за звезда большая? Она нас сожгла!

Я ничего не ответила, молча ушла опять на балкон и стала на то же место, где раньше стояла. Гляжу: летит опять та же птица, и из клюва падает записка, на которой крупными буквами были написаны слова:

"Матерь Божия — твоя Заступница".

Я подняла записку, положила ее к себе на грудь за платье и пошла в спальню. Стала я у окна и чувствую грусть неимоверную... А на небе, вижу, поднимается страшная буря, и над землей низко понеслись черные, клубящиеся тучи... В ужасном страхе упала я на колени и стала молиться, а с неба глаз не свожу. И вижу:

среди волнующихся туч надвигающейся бури показался лучезарный Ангел и стал бороться с ними, останавливая бурю. И услыхала я голос, громко взывающий:

— Где она, где она?

И тут ко мне в спальню вбежала моя давно умершая двоюродная сестра, схватила меня за руку и увела в другую комнату со словами:

— Этому так должно быть. Успокойся: Архангел Михаил унимает твою бурю!

И тут я увидела мою мать; она готовит кушанья, а я ее спрашиваю:

— Что это вы, маменька, делаете?

— Скоро ко мне гость, — отвечает она, — для него и готовлю. — И в это время я слышу в другой комнате какой-то гул и крик, и в нем различаю голос моего мужа. Я бросаюсь в комнату и вижу, что какой-то необыкновенный человек с бледным лицом тащит моего мужа и запирается с ним в комнату. Я плачу, кричу:

— Пустите, выпустите моего мужа!

И тут, вижу, выходит мой муж: лицо бледное, руки опущены, на себя не похож и еле переступает. Я страшно перепугалась — и проснулась. Заблаговестили к заутрени. Это был день св. великомученицы Варвары. Я стала собираться в церковь.

Муж спрашивает меня:

— Что ты, как будто расстроена? Иль что во сне видела?

Я ничего ему на это не ответила, сказала только:

— Иду в церковь.

— И я, — говорит, — с тобою.

Сердце мое было наполнено такою горестью, что я глядеть не могла на мужа, боясь разрыдаться. Меня так поразил этот сон, что я как будто уже совсем рассталась с мужем моим навеки.

Сон этот я видела в ночь под 4 декабря, а 6-го был праздник Святителю Николаю. В этот день мы с мужем отправились к обедне. От обедни вернулись, сели пить чай. К нам пришла гостья-старушка, коротко нам знакомая. Мы втроем мирно беседовали за самоварчиком. Муж зачем-то пошел в другую комнату и что-то, гляжу, долго не возвращается. Я и говорю гостье:

— Что это он так долго нейдет?

Встаю, чтобы идти к нему, а он в это время сам приотворяет дверь и идет как-то особенно, а сам бледный, точь-в-точь, каким я видела его во сне. Он только успел мне сказать:

— За доктором!

И упал на диван.

Помчались за доктором, побежали за священником на село, за братом моим, за людьми... Приехал доктор, пустил мужу кровь, уверял меня, что он останется жив, но, к несчастью, мои сны вернее докторов узнают будущее... Оборвалось мое бедное сердце...

К вечеру муж пришел в память и попросил супу. Я подала ему сама, и пока держала тарелку, с ним сделался вторичный удар: он вскрикнул и четверо суток был без памяти. Доктора от него не отходили, но жизни ему не вернули. Через четверо суток он пришел в себя и

пролежал больной еще две недели. Господь сподобил его совершить переход к вечной жизни в полной памяти: он причастился, особоровался и ушел туда, откуда не бывает возврата.

Меня, как мертвую, увезли из дома.

Несколько месяцев я была, как помешанная, и долго еще потом нигде не могла я найти себе места, несчастная!..

Когда Господу было угодно меня помиловать и прекратить мои страдания, я увидела во сне, что будто бы я у себя в деревне, хожу по комнатам. Дверь на балкон открыта. День ясный. Из сада, вижу, идут по аллее две женщины в белых покрывалах; в руках одной — дароносица, у другой — потир. Я вышла к ним навстречу и говорю им:

— Кто вы? Что вам нужно? Что вы несете?

Женщина с потиром, которая шла впереди, говорит мне:

— Приступи — исцелишься!.. Посмотри, кто пришел к тебе!

И с этими словами сняла с потира воздух, и я увидала, что в хрустальном потире сидит крошечный младенец, кудрявенький, красоты неземной, и на меня смотрит. Я упала на колени и поклонилась тому Младенцу в землю.

С этим я проснулась, объятая неизреченной радостью.

До сих пор я не могу об этом сне вспомнить без слез...

...Сон этот я рассказала своему духовнику. Он меня поисповедовал и причастил Святых Таин.

С этого дня я исцелилась от своей болезни. Меня перевезли в деревню, и я стала опять жить в своем доме, о котором раньше мне было страшно даже и подумать.

Вскоре после переезда моего в деревню я опять увидела сон: хожу я будто в каком-то чудном саду, и в этом саду стоит огромное дерево с крупными, белыми и черными плодами. Кто-то меня посадил под это дерево и велел мне раздавать плоды, кому захочу. И вижу я — идет ко мне мой второй муж и подходит такой грустный... Подаю ему один плод с дерева, под которым сидела, и говорю:

— Съешь его, прохлади свои уста! Это хорошие плоды, я их берегу для тебя.

А он мне с грустью отвечает:

— Смотри же, не забудь меня!

На другой день я опять вижу сон, что я бегу какими-то лугами и сама не знаю, куда бегу. Прибежала я к какому-то большому дому, вошла в него; прохожу комнату, другую, третью... нет никого в доме. Куда ж это, думаю, я попала?.. Да, соображаю я, это я к архиерею попала... Слава Богу, думаю, никто меня не видал!.. Оглянулась я в сторону и вижу: стоит в углу старичок на коленях и молится. Я испугалась и хотела было тихонько переступить через порог и удалиться, но меня этот старичок остановил.

— Куда ты бросаешься и мечешься? — спрашивает.

Я упала ему в ноги и говорю:

— Не знаю я, куда себя деть!

Проговорила я эти слова, а старичок этот уже, смотрю, стоит на амвоне. Я опять упала ему в ноги и говорю:

— Простите, что я к вам забежала!

Он благословил меня и сказал:

— Не мечись из стороны в сторону! Все устроится.

Проснулась я, и взяла меня скорбь: как устроится? Что устроится? Да может ли что меня устроить?..

Рассказала я свои сны кое-кому из близких, и они мне дали совет съездить к старцам в Оптину пустынь.

И решилась я последовать их совету.

Оптиной я не знала, о старцах не имела понятия, не знала, что с ними говорить, даже и помыслить о беседах с ними боялась; но когда услыхала рассказы про великого старца о. Амвросия Оптинского, про любовь его к страждущему человечеству — я просилась к нему, под его покровительство, с растерзанным сердцем и измученной душой, с разбитым здоровьем, с жуткой боязнью сойти с ума в тоске по страстно любимом муже...

С этими чувствами я наскоро собралась и поехала в Оптину пустынь, к старцу Амвросию.

Приехала я в Оптину и тотчас же пошла в скит, где, сказали мне, живет старец.

Не могу изобразить волновавших меня чувств, когда я подходила к этому святому месту...

Скит во имя Святого Пророка и Предтечи Господня, Крестителя Иоанна!..

– Тебе Иоанн Креститель покажет путь, по которому ты должна идти!

Вспомнились мне знаменательные слова, сказанные мне во сне неизвестным, облаченным в золотую ризу и с лицом, покрытым белой дымкой. Сказаны они мне были еще перед кончиной моего горячо любимого мужа... Неужели здесь совершиться должно их исполнение?.. Сердце во мне билось, как голубь...

Долго я стояла около кельи старца, чтобы хоть сколько-нибудь собрать свой рассеянный ум. Наконец перекрестилась и вошла в келью.

В келье старца сидело много народа: были монахини, были мирские разного сословия. Я помолилась Богу и поклонилась всем.

Выразить я не могу, какой страх испытывала я, когда сидела в ожидании выхода старца. Меня трясло, как в лихорадке. Я не смела глаз поднять на присутствовавших, думая и чувствуя, что страшней и грешней меня нет никого на свете. Не раз порывалась я уйти вовсе из кельи и даже выходила из нее с намерением более в нее не возвращаться, но точно какая-то невидимая сила меня обратно вталкивала в келью, и я, против воли своей, возвращалась.

Вдруг в келье зашумели, засуетились; монашенки стали закрывать окошки... Я догадалась, что идет старец. Жутко мне с чего-то стало. Я бросилась в самый отдаленный уголок кельи и села, как преступница какая, дрожа всем телом.

Отворилась дверь внутренней кельи, и в ней показался старец. Все бросились к его ногам, а я не помню, что в это время сделала, помню

только, что старец подошел ко мне и спросил, из какой я губернии и уезда. В это мгновение я увидела, что он в мантии, а в руках у него палочка. На голове старца была шапочка, вроде мягкой камилавки. Лицо его было худое, изможденное и очень бледное, и весь он мне показался каким-то неземным видением...

Я была вне себя и продолжала дрожать всем телом.

Тут батюшка обратился ко всем и велел им выйти в другую келью, а мне сказал:

— А ты останься со мною!

И с этими словами запер дверь на крючок.

Сел батюшка на диван и тихо, с кроткой ласкою спросил меня:

— Ну, теперь, раба Божия, сказывай, что тебе нужно от меня!

Голос батюшки проник мне в самую душу. Я упала к ногам его и зарыдала, но выговорить слова не могла. Он положил мою голову на свою руку, а другой рукой накрыл ее, как самая нежная, любящая мать; и долго, долго держал он так свои руки, не отнимая их от бедной головы моей. Старец молчал и, вероятно, в безмолвии молился обо мне, давая волю моим слезам, пока не иссяк сам собою их невыплаканный источник. Потом батюшка поднял мою голову и стал расспрашивать меня, как я осталась без мужа, каких я лет вышла замуж... Я отвечала, что этого мужа я похоронила второго, что за первого меня родители отдали на 13-м году и я с ним прожила 27 лет. Потом я вышла замуж,

уже по своему выбору, и со вторым мужем жила 8 лет. Была я немолода, но наружность имела несчастную, которая могла нравиться так, что мне нетрудно было утаить мои годы... Батюшка слушал меня внимательно.

— Ну, — сказал он, — пожила ты, А. Н., в свете довольно, повидала всего — хорошего и плохого, радостного и горького, — а теперь пора подумать и о душе своей.

Я опять заплакала, упала старцу в ноги и сказала:

— Батюшка, примите мою душу на покаяние! Я совершенно предаюсь во всем воле вашей.

Батюшка много меня утешал и велел готовиться к исповеди и к Св. Причащению.

— Погости, — говорит он мне, — погости у нас в пустыни: тебе спешить некуда, да и не к кому. Будь покойна — я тебя не оставлю. Поди теперь в гостиницу, отдохни!

Приласкал меня батюшка, благословил... И ушла я от него, не помня себя от радости.

Пока я говела, я каждый день ходила к старцу на благословение. Батюшка меня принимал милостиво, но я всякий раз подходила к нему со страхом.

Наступил день исповеди.

Когда старец взял меня на исповедь, то сказал:

— Исповедуй мне все свои грехи. Припомни от самых юных лет и до сей минуты!

Великое и страшное это было для меня испытание! Ох, как тяжко жить на земле грешному человеку!.. Я тяжело вздохнула. Не утаился мой вздох от прозорливого батюшки. Он молча на меня взглянул и стал надевать епитрахиль и поручи... Что было тут со мною, что творилось в душе моей в эти минуты, того словами и передать трудно. Мне казалось, что я сгорю со стыда.

Несчастная, горькая была доля моя в юности! Тринадцатилетняя девочка замужем за пятидесятилетним! Тяжел и страшен был мне крест этот, и я в семнадцатилетнем возрасте без памяти влюбилась в молодого соседа, полковника, который, выйдя в отставку, поселился жить вблизи от нас, в своей деревне. Красивый, ловкий, образованный был он человек, и с первой же встречи в нашем доме мы без памяти полюбили друг друга. Он умер прежде моего мужа.

Ох, как было трудно рассказать это старцу!

Но батюшка уже все провидел и помог мне освободить душу от тяготевшего на ней греха: он сам мне предложил роковой вопрос и затем сам же и промолвил вопросительно:

— Да?

Я закрыла лицо руками и, сгорая от волнения и стыда, бросилась к его ногам и сказала едва слышным шепотом:

— Да!

— Ну, — сказал он, — теперь ты моя дочь духовная, и я тебя никогда не оставлю.

Батюшка обошелся со мною с такою лаской, с такою милостью, что с этой первой моей встре-

чи я привязалась к нему всею моею душою, всем существом моим, и на сердце моем не осталось от него ни одной сокровенной тайны: я видела в нем от Бога посланного мне Ангела-Хранителя, спасающего душу мою многогрешную.

С этого времени я стала часто ездить в Оптину пустынь. Добрый старец понемногу начал меня знакомить с духовной жизнью, и, за его святыми молитвами, я постепенно приучилась отставать от суетной, светской жизни, оставляя ее навыки и привычки.

Однажды, принимая меня в своей келье, батюшка услыхал от меня табачный запах.

— Ты куришь? — спросил он меня.

— Простите, батюшка, — сконфуженно ответила ему я, — курю и не могу с папироской расстаться.

— Курить — беда невелика, — сказал мне старец, — а можешь ли ты добровольно не курить своих папиросок?

— Не могу: без них меня тоска мучает.

— Вот и беда! — сказал батюшка. — В этом-то и грех состоит, девочка! В страсти — грех, а не в куреньи. — Помолчав немного, старец улыбнулся и прибавил: — Ну, Бог даст, мы с тобою эту страсть победим!

Оставшись вдовой, я переехала жить в деревню.

Была уже весна. Со мною в соседстве жила моя двоюродная сестра, которая меня очень любила. Зная мою страсть к цветам, она стала уговаривать меня строить вновь оранжерею, чтобы ею привязать меня к месту и тем заста-

вить навсегда остаться жить в ее соседстве. Я склонилась на ее уговоры, купила лесу, наняла подрядчика, и моя постройка пошла скорою рукою.

И вижу я сон: будто я где-то иду лугами, на которых растут превосходные цветы, а вдали стоит дом. Подхожу я к этому дому, но людей около него не вижу. Вхожу в комнату, в другую — тоже никого нет. Вошла в третью, вижу: стоит большой стол, накрытый белой скатертью, и за ним сидят три лица, а перед ними на столе лежит раскрытая большая книга. Одеты лица эти в монашеском одеянии. Посреди стола — точно игумения, а по бокам — две монахини. Увидев их, я остановилась у дверей.

— Иди сюда! — сказала мне игумения.

Я подошла и поклонилась.

— Чего ты скорбишь? — говорит она. — Оттого и скорбишь ты, что живешь не на своем месте. Чего ты не идешь в монастырь?

— Состояния не имею такого, матушка, — отвечаю, — чтобы жить в монастыре.

— А какое у тебя состояние? — спрашивает. — Видишь ты эту книгу? В книге этой на одну сторону вносят, а на другой записывают, а там и распоряжаются. Сколько можешь, столько и внеси! Не строй оранжереи, брось все!

Тут я проснулась.

Рассказала я свой сон моему духовному отцу. Он посоветовал мне идти в монастырь. Попросилась я у белевской игумении, но она меня не приняла, и осталась я жить по-прежнему. Приостановила я было постройку оранже-

рей; а прошло с этого сна несколько недель, опять начала ее строить... И вот во сне я услыхала чей-то грозный голос.

— Не строй! — говорит.

Я остановила постройку и этим вызвала негодование и насмешки своей двоюродной сестры. Но я на ее насмешки ответила просто и твердо: "Верю я своим снам!"

А тут и подрядчик мой запил и ушел.

Прошло две или три недели. Вернулся мой подрядчик, и я вновь соблазнилась и стала доканчивать постройку оранжереи. Опять слышу голос, говорящий мне во сне:

— Тебе говорю — брось строить! Вот тебе и экипаж уже готов, чтобы ехать.

Под крыльцом, вижу, стоит экипаж, без лошадей, а каких-то два мальчика в белых рубашках прочищают мне дорогу к экипажу...

Я проснулась и думаю: что это значит, Господи? Что будет со мною?..

Работу я, однако, остановила и подрядчика разочла.

Двух недель не прошло с этого сна — явился ко мне покупатель на имение, и я его продала, а сама переехала на житье в город.

Когда я стала жить в городе, то стала чаще ездить в Оптину пустынь, к о. Амвросию. Узнав, что я еще не бывала по святым местам, он посоветовал мне съездить в Москву, помолиться у всех угодников и чудотворцев московских, приложиться к их святым мощам, а затем побывать у Троице-Сергия, в Новом Иерусалиме, в Вифании... Я с радостию ухватилась за этот

совет и тотчас же решилась ехать. После тяжелой моей жизни эта поездка подействовала на меня так благотворно, что я стала совершенно оживляться.

Когда я была в Вифании, то мне сказали, что там в лесу живет великий старец, Филаретушка, что к нему ходит много народу и что даже сам митрополит бывает у него, очень его любит и часто с ним беседует. Со мною были две товарки, с которыми я вместе совершала свое паломничество. Во время путешествия я одевалась по-бедному и всюду, где мы бывали вместе, я их пускала впереди себя, а сама шла за ними сзади. Так было и при посещении нами Филаретушки.

Пришли мы к нему, поклонились ему в ножки и приняли его благословение. Вдруг Филаретушка взглянул на меня, да как закричит:

— Ты зачем живешь в миру?

Я перепугалась. Он посадил моих спутниц, а сам стоит передо мною и кричит:

— Зачем ты живешь в миру? Что ты в своем богатстве валяешься, как свинья в грязи? Все продавай, все тащи на базар! Чтоб у тебя ничего не было!

Потом он стал шутить со мною, обласкал меня, благословил[1] и, отпуская от себя, опять сказал мне серьезно и внушительно:

— Слышала? Все — на базар! Чтоб у тебя ничего не было.

---

[1] Может быть, отечески перекрестил; он не имел священного сана.

Подал он мне черный крест и прибавил:

— Неси его домой! Будет с тебя и этого, а прочее все — на базар!.. Вблизи от меня живет затворник: поди к нему под окошко — он скажет, что тебе делать!

Товаркам моим Филаретушка ничего не указывал, а только их благословил.

К затворнику идти я побоялась, потому что час был поздний, а место незнакомое; и расположилась я на волю Божию: что будет со мною, то пусть и будет!

Переселившись на житье в город, я видела сон необыкновенный. Вижу я себя в своем деревенском доме. Входит ко мне какое-то духовное лицо и говорит:

— Идите — вас требуют!

Мне показалось — точно на суд. Я пошла. Вхожу в переднюю и вижу: стоит в ней от потолка до полу большое зеркало, и в этом зеркале я вижу себя, роста большого, красоты невообразимой; платье на мне парчовое, а на голове — венец. И я смотрю на себя и удивляюсь своей красоте. Схожу с крыльца, а на крыльце уже меня дожидаются какие-то двое, чтобы проводить меня, и я вступаю в длинный темный коридор. По сторонам коридора стоят дети в белых рубашечках и просят у меня милостыни, а я иду и раздаю направо и налево милостыню, пока вижу, что у меня и раздавать-то уже ничего не осталось. И вынула я грудь свою, и стала детей тех кормить своим молоком. И так я прошла весь коридор, а затем вышла на луг очаровательной красоты. По лугу этому, вижу, течет река. Я села

на берегу. Смотрю: нет на мне моей парчовой одежды, а взамен ее — рубище. Дети опять тут, сидят со мною рядом и просят есть, а мне им дать нечего. И горько мне стало, что дать мне им нечего. Раскрыла я тут на себе свое рубище и вижу, что все в ранах тело мое, а дети, увидев мои раны, припали к ним и стали их лизать...

Тут я проснулась.

На другой день опять вижу сон: лежу я будто у себя на постели, и подходит ко мне какой-то послушник.

— Что же это ты, — говорит он, — все еще до сих пор не готова? Потребует тебя царь, а у тебя одежды нет: всю черви поели!

С этими словами он подошел к комоду, выбрал из него все, что там было, и унес.

После этого сна, через два дня, я заболела горячкой и несколько недель находилась между жизнью и смертью.

Когда я уже стала понемногу оправляться, то опять увидела знаменательный сон: подхожу я будто к своему образному киоту и начинаю перед ним молиться с необычайным умилением. И когда я, помолившись, стала прикладываться к образу Божией Матери, то Она стала вдруг как живая, сняла с Себя ризу и ею меня покрыла. Сколько времени я под нею лежала, не помню. После того я увидала себя в каком-то незнакомом доме, разделенном на две комнаты. В одной из этих комнат я вижу своего мужа. Подходит он ко мне и говорит:

— Полно тебе здесь горе мыкать: пойдем к нам!

И в ответ на эти слова мужа чей-то голос возразил:

— Нет, она к тебе не пойдет: ей еще надо дом достроить, который она начала уже много лет тому назад!

— Да я его уже кончила, — ответила я.

— Нет, — сказал голос, — не кончила! Пойдем, я тебе его покажу!

Я пошла и вижу: стоит дом, и недостроен; но я его узнала, узнала и то, что строить его я начала еще при первом муже. Удивило меня, что тот же сон я видела уже раз, после смерти своего второго мужа. Тогда я видела, что дом этот доведен до крыши, но крыши еще нет; а теперь уже он стоял совсем оконченным вчерне, только без окон и без дверей, которые надо было доделать. И такой красоты был дом этот, что я воскликнула в восторге:

— Господи! Дострою я его непременно и перейду в него жить.

Мой муж, вижу, стоит поодаль и говорит:

— Что, что ты делаешь? На что тебе столько домов?

— Зимой, — отвечаю ему, — буду жить в одном, летом — в другом, а третий забью.

Тут я оглянулась и увидала, что мой белевский дом стоит с закрытыми ставнями и заколочен... И опять я увидела иной дом, разделенный на две половины. Заглянула я в его стеклянную дверь, и за ней вижу большую комнату, а в ней много народу, и какой-то чудной красоты юноша ходит и учит народ... И говорит мне чей-то голос:

— Этот юноша — Тихон Задонский. Он еще юношей в семинарии проповедовал Слово Божие.

Ушел юноша, а народ все стоит. Вдруг выходит к народу архиерей, в полном облачении. Я спрашиваю:

— Кто это?

— Он же! — ответил мне голос.

Подошел архиерей ко мне и говорит:

— Иди ко мне — я тебя вылечу!

Я протянула к нему свои руки для принятия благословения. Он благословил меня и повторил:

— Не забудь же, приходи ко мне!

Я ушла в другую комнату, где не было народу, и горько заплакала. Опять ко мне подходит мой муж и говорит:

— О чем ты плачешь?

Я ему отвечаю:

— Как мне не плакать? Святитель Тихон Задонский велит мне к нему ехать, а у меня денег нету.

— Все будет, — говорит мне муж, — мы тебя сами проводим.

Я проснулась. И стало мне грустно, что нет у меня денег на поездку к Тихону Задонскому и что не может, таким образом, поправиться мое здоровье.

Я написала батюшке Амвросию о моем сне и о своей скорби и вслед получила от его имени ответное письмо: "Батюшка благословляет не отлагая ехать в Задонск". "Как тут быть? — подумала я. — А ехать мне все равно не с чем".

Прошло два дня. Сижу я в сумерках у себя одна дома и размышляю: ежели угоднику Божьему угодно будет принять к себе меня, грешную, то он даст мне возможность ехать... Вдруг, слышу, колокольчик!.. Входит ко мне один знакомый и говорит:

— Я слышал, что вы собираетесь в Задонск и скорбите, что нет денег. Я вам их привез.

И дал мне, сколько было нужно, на поездку. А человек он был маленький, сам жил только на небольшую пенсию.

Я сейчас же наняла лошадей, а на другое утро, полубольная, еще не оправившаяся от перенесенной горячки, уехала к Святителю.

Невозможно передать, с какими чувствами припала я, по приезде своем в Задонск, к мощам великого угодника Божия! Как к живому, я бросилась к нему, излила перед ним всю свою скорбь, точно внутренность мою всю перед ним вывернула. Я так плакала у его раки, что гробовой иеромонах обратил на меня внимание, снял пелену, покрывающую мощи угодника, и покрыл меня ею.

В Задонске я совершенно выздоровела и душою, и телом..."

На этом рукопись "монашествующей сестры" прерывается. Кто была эта раба Божия? Имя ее не убавит и не прибавит ничего к тому человеческому документу, который я только что занес на страницы своих записок. Двойная жизнь!.. Как удивительно сплелось в ней зримое и не-

зримое, потустороннее и здешнее! Сама составительница этой рукописи не могла бы определить, какой она больше жила жизнью — той ли, которая продолжается за гранью, именуемой смертью, или той, которая начинается здесь, на земле, и служит подготовлением к смерти...

— Ну что? — спросил меня "премудрый". — Прочли вы мою рукопись?

— Прочел.

— Что вы скажете о ней?

— А вы?

— Умрем — узнаем!

Так думаю и я...

А ты как думаешь о ней, мой читатель?

1 марта

Блаженная кончина оптинской жилички. О. Амвросий и его утешение скорбящему монаху

Сегодня окончила дни своей земной жизни одна из оптинских жиличек. Татьяна Герасимовна Ананская, кроткое и благоговейное создание Божие, истинная послушница и преданная дочка наших старцев. Происхождение ее мне неизвестно. Знаю, что она и сестра ее, Елена Герасимовна, давние оптинки, выселившиеся из миру и, по любви к монастырскому безмолвию, укрывшиеся под святой покров Оптиной пустыни. Со дней установления в Оптиной старчества такие старческие дочки никогда не переводились в старческих хибарках, пользуясь гостеприимством обители то в ее гостиницах, то

в отдельных принадлежащих ей жилых флигелях за монастырской оградой. Поселялись сперва на время, а там и жизнь кончали, прожив ее незаметно, как день один, на святой земле Оптинской.

Перед кончиной Татиану Герасимовну постригли в схиму.

— Танюшка, матушка! — говорит умирающей сестра. — Помолись обо мне, не забудь меня, когда предстанешь пред Престолом Божиим.

— Если стяжу дерзновение, — ответила та, — не только о тебе, но и о всех знаемых буду молиться. Кланяйся всем и проси у всех молитв за меня, грешную!

С молитвой на устах и перешла в жизнь вечную оптинская праведница. Умерла, как уснула...

Как удивительно просто свершается здесь переход от временной жизни в небесную вечность — ни слез безутешных, ни жгучего горя: точно переезд с одной квартиры на другую. Пожил себе человек, сколько Бог положил сроку, и — с Богом: нечего тут заживаться! Там много лучше...

"Не видел того глаз, не слышало ухо и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его" (1 Кор. 2, 9).

— И что это за прекрасная страна, из которой никто назад вернуться не хочет? — С таким полувопросом обратился раз ко мне один

из старейших оптинских монахов, о. Нафанаил[1], помнящий еще великого старца Макария[2] и не менее великого архимандрита Моисея.

— Ах! — продолжал он со вздохом. — Какая это прекрасная должна быть страна! Только как угодить-то туда нам, грешным? Задумаешься так-то иной раз и заскорбишь, чувствуя свою недостаточность: жил, жил монах всю жизнь, а что нажил? С чем предстанешь пред Судией-Искупителем? Одни грехи, и никакого исправления!.. И вспоминается мне, мой батюшка, как я однажды пришел с такими мыслями к покойному старцу Амвросию, расстроенный и огорченный ими до крайности...

— Ну, — спрашивает меня старец, — сказывай, отец Нафанаил, как живешь, как храмину свою духовную воздвигаешь?

— Что, — говорю, — батюшка, одно горе! Кирпич один заложишь, а два вытащишь; камень вмажешь, а три вывалятся: какая это постройка — мусор один! Впору только плакать!

— А ты не скорби, — говорит батюшка, — не отчаивайся! Послушай-ка, что я тебе расскажу! Жила-была одна барыня-помещица, и очень она чистоту на своем дворе любила. Как встанет утром, так прямо к окошку: на двор и смотрит, все ли на дворе у нее чисто. Дворня привычку эту ее уже знала и уж, конечно, потрафляла... И вот, братец ты мой, случись раз такая беда: заболела барыня и что-то долго проболела, а холопы-то ее за это время возьми

---

[1] (Жураковский) сконч. 14 октября 1917 г.
[2] Скончался 7 сентября 1860 года.

да и запусти чистоту дворовую, и посреди двора воздвиглась немалая мусорная куча... Как встала с одра болезни барыня, так сейчас к окошку...

— Это, — кричит, — что? Прибрать сейчас, убрать, чтобы глаза, — говорит, — мои не видали этого безобразия! Сейчас все свезти под гору в яму!

Стали барынино приказание выполнять, а старик-приказчик, человек опытный, и говорит рабочим:

— Вы кучу-то мусорную поаккуратней убирайте: что гоже, отбирайте к сторонке, а что негоже, то только и везите под гору...

— И что ж ты, о. Нафанаил, думаешь? — сказал мне батюшка Амвросий. — Как взялись за кучу-то, так мало чего и под гору пришлось свезти: то гоже, это гоже, а мусору-то почти что ничего и не оказалось... Видишь, братец ты мой, — добавил батюшка, — и тебе о твоем мусоре нечего отчаиваться: посмотреть на тебя — мусор мусором; а начнешь тебя разбирать, глядь, гожее-то что-нибудь и отберется...

— Так-то, С. А., умели старцы наши утешать и ободрять отчаивающегося человека!

Этот о. Нафанаил — один из столпов оптинского благочестия, живая хроника оптинская за 40 с лишним лет ее жизни, — от конца 60-х годов до дней текущих, но погружаться в воспоминания при посторонних не очень любит. И то мне в честь, что он обронил для меня одну из жемчужин с неписаных страниц своей сердечной летописи.

Погребение оптинской жилички. Смерть Николая-золотаря. Надежды, ею вызванные

Бренные останки схимонахини Татианы сегодня предали земле. "Земля еси, и в землю отыдеши"! И мы все пойдем туда же...

Страшно усталый вернулся я домой с погребения: часы, литургия Преждеосвященных Даров, отпевание... Служба началась в восемь с половиной часов утра, а окончилась в час пополудни.

Дверь на парадном крыльце открыл мне наш мальчик, служащий на побегушках.

— А завтра, — объявил он мне радостно, — у нас опять похороны!

— Кого хоронят?

— А нашего золотаря, Николая.

Николай-золотарь, крестьянин соседней с Оптиной деревни Стениной, — оптинский ассенизатор. Все время он был на ногах и работал и только вчера вечером, хотя уже и больной, но без посторонней помощи, пришел из своей деревни и попросился лечь в оптинскую больницу.

Сегодня в 5 часов утра его уже не стало. Хоронить его будут рядом с нашей усадьбой, на кладбище "Всех Святых". Тяжела была его работа, но за то и удостоена великой награды: кости трудника лягут рядом с мощами многочисленных оптинских праведников, почивающих на этом кладбище в ожидании последней трубы архангельской.

За великое счастье, за честь безмерную считаем и мы, оптинские гости, такое для нас благодатное соседство. Придет время, пробьет смертный час, и, если изволит Господь, пойдешь стучаться во врата небесного чертога, уготованного оптинской праведности...

— Кто там? — спросит небесный превратник.

— Ваш, — ответит душа моя. — Около вас на земле жил я, питаясь от крох, падавших со стола господий моих.

Неужели ж не признают меня тогда за своего оптинские небожители?..

4 марта

"Спиритуалист-догматик"

Не успел я напиться чаю, как прислуга мне доложила:

— Вас какой-то господин спрашивает.

— Какой господин?

— Не знаю. Он сказывает, что его к вам прислал отец Анатолий. Он желает лично вас видеть.

— Где он?

— На кухне.

О. Анатолий, иеромонах нашей пустыни, был последние годы жизни старца о. Амвросия его келейником. Теперь он старчествует сам как один из духовников обители и, по вере народной, как законный и естественный преемник старческой благодати почившего великого Оптинского старца.

Очень не хотелось мне принимать этого незнакомого господина, но упоминание имени о. Анатолия заставило меня пойти к нему и узнать, чем я могу быть ему полезным.

Я вышел в кухню. У притолоки входной двери в кухню, смотрю, стоит какой-то средних лет человек. Одет по-городскому, довольно прилично, хотя и не совсем опрятно: крахмальный стоячий воротник более чем сомнительной свежести; яркий цветной галстук, грязноватый, но не без претензии на щеголеватость; довольно поношенное пальто; в руках шапка под барашек... Лицо как будто не русское; худощавый, скорее худой; под нижней губой тощая рыжеватенькая бороденка с полубачками на щеках; глазки небольшие, востренькие, беспокойные — так и бегают во все стороны, избегая взгляда собеседника. Общий вид "господина" — не то лакея, не то разъездного приказчика, что на еврейско-русском жаргоне кличут теперь "вояжерами".

— Что вам угодно? — спрашиваю.

— Меня к вам прислал о. Анатолий. Не можете ли вы мне помочь в одном деле?

Я подумал было: проситель пособия на выезд из Оптиной. Потянулся в карман за кошельком. Он заметил мое движение...

— Нет-с, не то-с: я в деньгах нужды не имею-с, — заявил мне незнакомец. — Я нуждаюсь в вашей помощи совсем для другого.

— Для чего же именно?

Он оглянулся на народ в кухне, как бы стесняясь при нем говорить, а затем, как в воду кинулся, выпалил в упор всей компании:

— Мне житья нет от бесов!

Я даже отшатнулся: не сумасшедший ли?..

— Вы не извольте сомневаться, — успокоил он меня, — я в здравом уме-с и в твердой памяти и истинную правду вам говорю-с. Вот, теперь я живу в Белеве, а полиция приказывает выезжать. Приходится выезжать; а куда выезжать? В Козельск? Но и из Козельска меня полиция выпроводит, если вы мне не изволите оказать просвещенного покровительства-с.

— Позвольте, — возразил я, — по словам вашим выходит, что житья вам нет не от бесов, а от полиции: при чем же в злоключениях ваших бесы?

— А притом-с... Впрочем, я еще не имел чести вам отрекомендоваться; дозвольте представиться: спиритуалист-догматик Смольянинов, исцеляю всякую болезнь наложением рук и молитвою, а главным образом изгоняю бесов из бесноватых. Вот эта-то моя специальность и сделала меня ненавистным полиции, которая меня считает нарушителем общественной тишины и спокойствия. Войду ли я в церковь — мне в церкви не стоять, если там находится хоть один бесноватый: бес меня сразу учует и такой подымет скандал, что мне приходится выходить вон из церкви. Займу ли квартиру, чтобы обзавестись оседлостью, — меня с квартиры гонят, потому что даже с улицы, сквозь стены меня чуют бесы и скандалят на улице в тех бесноватых, которые проходят или проезжают случайно мимо моего жилища. Все это полиции не нра-

вится, и мне приходится от нее страдать больше, чем какому-нибудь злодею.

Смольянинов говорил речисто и за словом в карман не лазил. В кухне все насторожились, даже про кушанье забыли. Я перебил целителя:

— В полиции у меня протекции нет, и помочь я вам ничем не могу, разве только добрым советом.

— Каким-с?

— Обратитесь к врачу духовному, чтобы он вас самих исцелил от тяжкого душевного недуга.

— От какого-с?

— От прелести.

— От прелести? — протянул он с негодованием. — Меня, по слову Спасителя, возложением рук исцеляющего всякие недуги, бесов изгоняющего именем Христовым, меня исцелять от прелести? Да что это вы? Как вам это только в голову могло прийти?

— Видите — пришло. А причащаетесь ли вы, говеете ли, ходите ли на исповедь?

— Неужели же я язычник?

— Что ж вам духовники говорят по поводу силы вашей?

— А что говорить им, когда я действую именем Христа?

— Но ведь и пастыри Церкви именем Христовым действуют, однако редкие из них достигают такой духовной силы, которая исцеляла бы недуги и изгоняла бесов, а им в таинстве священства даруется апостольская благодать, которой вы не имеете.

— Не так действуют. Я не пью, не курю, провожу жизнь девственную.

— Вы не женаты?

— Женат-с, и имею 18-летнего сына, огромной психической силы.

— И жена ваша жива?

— Жива-с.

— Сколько вам лет?

— 44 года.

— Хотите другого моего совета послушаться?

— С истинным удовольствием-с, только помогите-с!

— Пейте и курите в меру и с женой по закону живите: тогда бесы в союзе с полицией гнать и преследовать вас не будут, и вы освободитесь от того состояния духовной гордости и самообольщения, в котором теперь находитесь.

Господин Смольянинов метнул на меня молниеносный взгляд и хотел было удалиться, но я его остановил: мне захотелось поближе узнать, как дошел он до жизни такой.

— Постойте, — сказал я, — не обижайтесь! Тут не место нам с вами разговаривать. Раздевайтесь, пойдемте ко мне и расскажите мне жизнь вашу поподробнее: к чему-нибудь, в самом деле, прислал же вас ко мне отец Анатолий. Пойдемте!

Я велел подать чаю; и вот что за чаем поведал мне о себе "спиритуалист-догматик" г. Смольянинов.

— Я уроженец г. Лихвина и происхожу из бедной семьи. Отец мой, мещанин г. Лихвина,

по ремеслу кровельщик и маляр, а по душевной склонности — горький пьяница; мать — простая, благочестивая женщина, знаете ли-с, из тех, что без всяких религиозных понятиев (он так и сказал — "понятиев") веруют в Троицу-Богородицу да в Миколу Чудотворца...

Господин Смольянинов, рассказывая речисто и цветисто, повесть своей жизни, видимо, рад был сам себя послушать и искоса поглядывал на меня, как бы желая уловить на моем лице впечатление от его беседы...

— Так вот-с, воспитываясь в этакой-то некультурной семье, я достиг, наконец, того возраста, когда от всякого гражданина требуется вносить в сокровищницу семейного труда долю и своего посильного участия-с. К этому времени я уже успел достаточно твердо-с научиться грамоте, но, увы, иного, более достойного по моим дарованиям дела, кроме родительского кровельно-малярного, для меня в лихвинском захолустье не оказалось, и мне пришлось некоторое время тянуть эту грязную лямку вкупе с папашей. К прискорбию, однако, наша совместная с родителем работа не шла нам впрок, ибо что ни зарабатываем мы, бывало, с ним вместе, то родитель возьмет и пропьет-с, оставляя нас с родительницею в самом, можно сказать, горестном-с положении. Такая ненормальность жизни продолжалась до дня сочетания меня законным браком-с с некоей достойной мещанской девицей, когда таковый режим мне показался уже предовольно солон. Родитель мой подался куда-то на юг, на заработки, а я — на простор

вселенной, куда глаза глядят. Прихватил я с собою и супругу, в надежде по выезде из такого необразованного угла, как Лихвин, найти более достойное применение своим дарованиям. И вот-с, по некотором странствовании, неоднократно переменив род профессий и побывав во многих городах обширного нашего отечества, я в городе Одессе обрел и себе, и супруге постоянное и весьма выгодное место у известнейшего-с всему образованному миру профессора черной магии и престидижитатора, господина Беккера... Вы его, наверно, изволили знать?.. — перебил он свою речь и вопросительно впился в меня своими глазками.

— Не имел чести, — ответил я довольно сухо.

— Ну, так слыхали!.. Да не в этом дело-с, а дело в том-с, что господин профессор Беккер явился для меня как бы свыше ниспосланным откровением-с. Ныне он уже перешел в иной мир, а может быть, уже и перевоплотился, — это мне пока еще не открыто, — но тогда он с великою славой еще принадлежал к составу жителей планеты Земля как драгоценнейшее ее украшение и гордость... Вот к этому-то светилу высшей науки, неизвестной грубому материализму профанов, я и поступил-с вместе с моею супругой: супруга в качестве экономки, а я — в слуги и помощники при особе господина профессора. И тут-с духовному моему взору неожиданно открылся целый неведомый мне дотоле мир высочайшей жизни, о которой невежественные люди не могут иметь даже и самомалейше-

го представления-с. Короче сказать-с, вы, как человек хотя и не вполне просвещенный светом эзотерического, истинно духовного евангельского учения, но, по своему образованию, меня понять будете в состоянии с нескольких слов: в библиотеке господина профессора я прочел и обучился, под непосредственным его руководством, всем тайнам древнехалдейской магии. Передо мною открылись все мистерии Дельфов, Элевзина, Египта; я обрел ключ к вратам загробного мира... Спиритизм и его чудеса — не только моя личная сфера, но и всей моей семьи, так что даже мой 18-летний сын находится в непрестанном общении с великими мудрецами древности, с духами света и истины. Вообще говоря, для меня уже нет никаких тайн в оккультном мире, и тем я столь страшен стал бесам, что при одном имени моем нечистый дух, сотрясая им одержимого, выходит из него и уже более не возвращается в больного... К рекламе я не прибегаю, напротив того, удаляюсь от человеческой славы, стараюсь укрыться от всяких посещений, но меня находят, ибо бесы открывают мое пребывание, где бы я ни находился. А полиция меня гонит как нарушителя обывательского покоя. Войдите же в мое положение, помогите мне!

Жалко мне стало прельщенного беднягу...

— Бросьте, — говорю ему, — ваши оккультные науки: ведь это же явное общение с бесами, хорошо известное христианам по житиям святых, осужденное и проклятое Св. Отцами вселенской Церкви. Теперь, возлагая руки на

больного, вы его исцеляете, а затем и мертвых воскрешать будете...

Он перебил меня:

— Я это и теперь могу делать.

— Тогда, — говорю ему, — уходите от меня, потому что я человек грешный и с таким святым, как вы, общаться недостоин.

— Вы, кажется, шутить изволите?

— Понимайте, как хотите, но только я в последний раз вам говорю: бросьте занятия бесовским оккультизмом, кайтесь и просите у Господа Бога прощения за то, что вы Его святыню оскорбили общением с нечистой силой.

— Не говорите, не говорите так, — прервал меня несчастный прельщенный. — Не смейте так говорить! В ваших словах — хула на Духа: не хулите Духа Божия!

— Не Божия Духа хулю я, — возразил я, — а духа вражия, духа прелести, духа лжи, обмана и обольщения, который влечет и вас, и всех с вами общающихся к вечной погибели.

— Тогда, по-вашему, я бесов изгоняю силою Вельзевула, бесов бесами изгоняю: с чем это сообразно? Вы, стало быть, не знаете Писания?

— Вы, — возразил я ему, — по-видимому, считаете себя во всем равным Христу. Писание нас, православных, о таких, как вы, предупредило без малого 1900 лет тому назад, и потому, простите, нам с вами беседовать больше не о чем.

— Прощайте, — ответил мне гордо ученик Беккера, — но берегитесь быть хулителем Духа и помните, что “посвященные” меня хорошо знают, знает меня и московское общество спириту-

алистов-догматиков, с которым шутить не советую.

На этом мы простились с этим "игралищем и посмешищем бесов".

Как ясны теперь стали евангельские слова:

"Многие скажут Мне в тот день: Господи, Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили? И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие" (Мф. 7, 22 — 23).

Заходил к о. Анатолию.

— Батюшка, вы послали ко мне Смольянинова?

— И не думал. Он проситься вздумал в Скит, а я его послал к о. скитоначальнику. Зачем он к вам забрел, не знаю, только я к вам не посылал.

Зачем я понадобился "отцу лжи", налгавшему на о. Анатолия устами "спиритуалиста-догматика и чудотворца"?

Увидим.

Ходил к одному из наших премудрых. Рассказал о посещении меня "спиритуалистом".

— Это антихристианское религиозное извращенство, служение духу тьмы, принимаемому за ангела света. Князь мира знает, что времени ему осталось немного: он и действует теперь со всею силою и властью над теми, кому кажется тесной церковная ограда. Спиритуалист, спиритизм и простонародное хлыстовство, про-

никающее, говорят, ныне и в великосветские салоны, как было то в дни лжемистицизма эпохи Александра I, — все это явления одного антихристова духа фальсификации христианства.

12 марта

Черты из жизни старца-иеромонаха Клеопы и оптинского архимандрита Моисея

Ходил к "премудрому". Говорю ему:

— Как тут спастись неопытным в духовной жизни? Род человеческий все знамений и чудес ищет, а знамения-то и чудеса теперь больше с шуией страны, чем с десной, подаются: недаром же так усиливается хлыстовство, и даже в высшем обществе, не говоря уже о разных оккультных мерзостях, возведенных теперь даже на степень науки. Где найти мерку для определения того, что от Бога, а что от известного льстеца — диавола?

— Ах, милый мой! Да разве же вы не улавливаете основной разницы между деятелями и делами, с одной стороны, Божиими, а с другой — сатанинскими? Смирение и послушание; гордость и самочиние — вот вам два противопоставления, характеризующие дух обеих сторон. Если вы желаете приникнуть к раскрытию этой тайны во всей доступной христианину полноте, то обратитесь к изучению великой книги, именуемой "Добротолюбие": в ней вы все найдете, что может удовлетворить вашу любознательность. Но помните, что для духовного под-

вига потребно руководство опытных, каковых вне ограды церковного пастырства и учительства вы не найдете, ибо вне этой ограды все тати суть и разбойницы... Вот вы напугались примером ученика "профессора" черной магии Беккера, который изгоняет будто бы бесов. Противопоставьте ему другой пример, ну, вот хотя бы одного из сотаинников основателя, вернее, восстановителя православного старчества, архимандрита Паисия Величковского; под сотаинником этим я разумею старца-иеромонаха Клеопу. Послушайте, что я расскажу вам про него: когда Клеопа вернулся с Афона в Россию, то его близко узнал преосвященный Сильвестр[1] (Старогородский по фамилии); а этот преосвященный, в свою очередь, был лично известен великолепному князю Потемкину. При встрече князь и говорит епископу Сильвестру (он тогда был епископом Переяславским и Дмитровским):

— В Молдавии какие отцы! Высокой жизни, почтенные! Здесь таких нет.

Преосвященный отвечает: "Нет, и здесь есть, да только они не видны".

— Кто такой?

— А вот — Клеопа!

Светлейший говорит: "Представьте мне!"

Преосвященный сказал ему, где искать: у купца Матвеева квартирует. У Матвеева стол был открытый для всех странников. Светлейший и карету свою послал. Застали за обедом. Спрашивают: "Который тут из вас Клеопа?"

[1] Крутицкий, бывш. Переяславский епископ.

— Я. На что?

— Да светлейший прислал за вами.

Удивляется, почему узнал светлейший.

— Хорошо, — говорит, — я приеду: у меня есть тут своя повозочка.

— Нет, без вас не велено приезжать.

Принужден был ехать в карете.

Увидел преосвященного.

— Это вы меня, ваше преосвященство, затащили сюда, старика?

Начали говорить. Понравился Потемкину. Светлейший хотел его представить государыне; а он поскорее убрался в свою Введенскую пустынь[1]. На дороге, когда он ехал туда, за что-то напал на него солдат и жестоко избил. Офицер, знакомый Клеопе, увидел это и хотел наказать солдата, но о. Клеопа упросил его:

— Не троньте: Бог приказал! Клеопа, не тщеславься! Ездил в карете! Был во дворце!

Этот же Клеопа одно время в лесу жил. Было с ним двое учеников: один — Лука, а другой — Матфей. Недостало хлеба. Стали проситься ученики:

— Батюшка, отпусти нас в деревню попросить хлеба!

— Подождите!

День прошел, другой, третий настал. Просят опять, чтобы отпустить их: животы подвело.

— Подождите! Завтра отпущу вас.

---

[1] Введенская Островская пустынь в 3 верстах от г. Покрова Владимирской епархии, в 90 верстах от Москвы. В ней 9 марта 1778 г. скончался о. Клеопа, 64 лет от роду.

На третий день ввечеру приезжает на паре человек и спрашивает: “Где это Клеопа?”

Всего навез: и пшеничной муки, и ржаной, и масла коровьего, и постного, и крупы.... Смотрят — каким образом проехал? Дорог-то нет: лес превеличайший, частый. По зарубам ходили...

А вот вам еще характерные черточки из его же жизни. Был о. Клеопа настоятелем — где? — точно не припомню, и был у него один иеромонах, нравом простейший. Поехал этот иеромонах в Москву за покупками, лошадей-то у него и увели. Укатили на них воры из Москвы да дорогою и остановились, не знаючи, в Клеопином монастыре, дать отдохнуть лошадям. Увидели, узнали лошадей и спрашивают:

— Где вы их взяли? Ведь это монастырские лошади!

Привели их к о. Клеопе.

— Где вы их взяли? — спрашивает о. Клеопа.

— Виноваты: увели!

— Ведь вас надобно теперь под суд отдать... Да, что вы, нуждные, что ли?

— Недостаточные!

— Ну, так возьмите одну себе.

А то вот еще два случая.

Воронцов, генерал-губернатор, присылал спрашивать о. Клеопу: чего ему надобно? Земли, рыбных ловлей?

— Кланяйтесь господину генерал-губернатору. Благодарю за усердие. Скажите, что для меня нужно земли три аршина — более не на-

добно: так у нас столько-то есть; а рыбу мы у мужиков покупаем.

Хотел один купец строить им каменную ограду, 30 тысяч денег давал.

— Кланяйтесь. Благодарю за усердие. Ежели ему угодно, пускай строит.

Тому показалось это обидно: в Саровскую пустынь и отдал. О. Клеопа тогда в Санаксаре был.

Однажды у него в обители случилось вот что: один послушник сказал, что он видел очевидное чудесное видение. О. Клеопа велел искусить его — поругать со стороны. Тот смутился и не понес оскорбления. Пришел к о. Клеопе и говорит: "Я не могу жить: меня оскорбляют!"

— Как же ты говоришь, что удостоился видения, а не можешь терпеть? Ты, брате, стало быть, в прелести. В голову камень класть, поститься, на голой земле спать — это пустое. "Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем", — сказал Господь, а чудеса и явления — это необязательно.

Вот чему поучился я сегодня у "премудрого". Просто, всякому пониманию доступно и умилительно!

Вот она, монастырская наука-то, на которой воспитывалось все царство Русское, от времен Антония и Феодосия Киево-Печерских! Вот оно, "единое на потребу"!..

И как очевидна на этом примере разница между слугами сатаны и сынами Света истинного!..

Как нарочно, точно в дополнение к записанному приходил сегодня к нам иеромонах о. Ф. (тот, что рассказывал мне о видении одною женщиною беса в образе Льва Толстого) и принес тетрадку записей из жития оптинского великого архимандрита Моисея...

— Просмотрите: годятся ли для печати?

Не знаю, поплачет ли кто над теми чертами из этого жития, а я, признаться, умилился над ними до слез. Записано со слов схимонаха Антония (ныне уже покойного):

"Прислали к нам одного мирского священника. Человек он был весьма слабый да непокойный. В какой-то праздник старец (архимандрит Моисей) служил литургию. А у нас во время проскомидии братия входят в алтарь, разбирают с жертвенника поминанья и тут же в алтаре и на левом клиросе прочитывают их. И подначальный священник вошел вместе с другими в алтарь и тоже взял с жертвенника поминанье; но вместе с книжкой взял с жертвенника двугривенный — известно на что — и спрятал его в карман. Мало ли бывает каких несчастных! Иеродиакон заметил это. Кончается литургия. Идет он к архимандриту и рассказывает, что вот что сделал священник.

— Да долго ли ж, — говорит, — батюшка, мы будем терпеть это? Сколько раз мы замечали это за ним! Сколько раз я вам докладывал про него! Не важны деньги, а важен соблазн. Готовишься приступить к таинству, а тут вдруг видишь такой соблазн!..

— Да уж! — говорит... А у покойного это была поговорка такая: начнет говорить, а сам все рука об руку потирает и, что бы ни стал говорить, всегда начнет: “Да уж”...

— Вот и хорошо, — говорит, — что ты начал. Я давно хотел поговорить об этом... Затвори-ка двери-то!

И начал:

— Я уж говорил с этим несчастным о его немощи, говорил и отечески, но он не вразумляется; говорил и со властию, как начальник, и это не действует на него: так уж тут, брат, надо усматривать нечто другое. Ты что в этом усматриваешь?.. Не знаю, как ты, а я здесь вижу вот что: обитель наша в славе; начальство благоволит к нам; на нужды наши Господь посылает нам, и не только на нужды, но посылает еще и на то, чтобы и нашему ближнему оказать помощь. Терпеть, стало быть, как ты изволишь видеть, мы ничего и ни от кого не терпим. Но ведь помнишь: Господь заповедал нести Его иго. Иго, стало быть, человеку непременно нужно, иначе мы не будем последователями нашего Господа, иначе за что же Он будет венчать нас? Вот Он и посылает нам иго в подобных людях: мы и должны понести это иго ради Самого Господа, ради Его милостей к нам, — должны потерпеть немощи нашего брата. Сам Господь терпит его. Как же мы-то его не потерпим? Он ведь нам не чужой: он — наш брат. Помни ты это! А на немощи его взирать нечего, потому — Господь силен: Он завтра же может восставить его и сотворить из него пророка. По-

мнишь апостола Павла-то? Из гонителей да сотворил первоверховным Своим апостолом. Так ты, брат, падшего не презирай. Это он в твоих глазах падший, а по Господнему избранию он, может быть, первое зерно в Его житнице. А мы допустим погибнуть душе его?..

А то прислали к нам одного архимандрита в число братии, и служение ему было запрещено. Архимандрит этот является к нашему. Обласкал его наш, успокоил, принял по-братски. Потом говорит:

— Вы, конечно, уже знаете содержание указа, по которому присланы сюда?

— Как же, — говорит, — знаю.

Потом этот архимандрит говорит, что для него тяжело было бы оглашение запрещения ему священнодействия.

— Хорошо, — говорит наш, — так мы вот как сделаем это: придет смена седмицы, я пришлю к вам сказать, чтобы следующую седмицу служили вы, а вы откажетесь под предлогом болезни.

Приходит время начинать новую седмицу. Является пономарь за благословением и спрашивает: кому благословит он служить?

— Да чья седмица-то следует? — спрашивает наш-то.

— Да вот такого-то!

— Так!.. Но вот прислали к нам архимандрита. Он ведь на жительство к нам прислан: пусть же и в трудах наших поучаствует с нами. Сходи-ка к нему и попроси отслужить!

Пономарь отправляется и передает просьбу настоятеля. Тот отвечает: "С удовольствием бы, никак бы не посмел отказаться. Но доложите отцу архимандриту, что я страдаю грудною болезнью, лечусь и никак не могу служить".

Таким образом, и самолюбие было пощажено, и тайна запрещением. Уже после кончины нашего о. Моисея, при разборе письмоводителем его секретных бумаг, открылась эта тайна.

Когда подначальный был уже освобожден из нашего монастыря и услышал о смерти покойного, он нарочно приезжал к нам в Оптину служить панихиду и плакать, как по родном.

Был у нас здесь иеромонах М., из ученых, учителем был в духовном училище. Хороший, умный, духовного разума был человек, но попустил врагу одолеть себя известной несчастной слабостью. А слабость эта бывает неразлучна и с другими падениями. Такое-то вот бедствие постигло и о. М... Придя в себя, он пошел к духовнику, а тот ему:

— Вон из монастыря!

Отец М. впал в отчаяние и еще больше предался своей слабости.

Приходит он к о. Моисею, растворил дверь и говорит:

— Настоятель! Входят ли к тебе грешники?

Покойный вышел к нему; видит, что он явился к нему в таком потерянном виде, и говорит:

— Да, входят, если грешник верует и раскаивается. А ты веруешь ли, раскаиваешься ли?

— Верую и раскаиваюсь! — ответил о. М.

— А если веруешь, становись со мною и молись!

Сам прослезился, стал перед иконами на колени, поставил о. М. возле себя, и начали они молиться. И такую сильную молитву он произнес, что о. М. так и упал, залившись слезами.

— Ну, теперь иди с миром, — говорит настоятель.

— А как же служить? — спрашивает о. М.

— Иди, говорю, с миром и служить служи!

— А как же грех-то?

— Принимаю твой грех на себя. Иди и служи!

И девственник — а о. Моисей был девственником — поднял на рамена своей совести тяжкий грех падшего брата, чтобы спасти его душу.

С той поры о. М. совершенно исправился.

С этим же о. М. до этого дня, положившего начало его исправлению, был такой случай. Ушел он в город; денег не хватило на слабость: он занял и в ручательство уплаты заложил свой параман[1]. А заложить параман — все равно что заложить крест с шеи. Нищие узнали об этом и сказали архимандриту Моисею. Он дал им денег и велел выручить параман и принести ему. Параман принесли, но отцу М. про него о. Моисей ни слова. И долго он держал этот параман у себя и молчал.

---

[1] Или — парамапд, что значит "прибавление к мантии". Четырехугольный плат с изображением креста Христова с тростию, копием и надписью "Аз язвы Господа моего на теле ношу".

Присылают потом покойному для раздачи достойным иеромонахам бронзовые кресты в память Крымской кампании. Всем, кому следовало, о. Моисей раздал, а о. М. обошел.

О. М. подходит к нашему батюшке и начинает роптать, за что обошел он его крестом.

— Да уж подожди! — говорит. — Я сейчас тебя пожалую крестом.

И вынес ему его параман.

— Твой?

— Мой!

И больше у них разговора и не было. О. М. получил свой параман и отошел с миром.

Архимандрит Моисей не любил, чтобы братия жаловались друг на друга, и умел отучать от жалоб, желая водворить мир между братией.

Был в Оптиной монах, хороший, тихий, но подверженный той же слабости, что и о. М. Дали этому брату мальчика из певчих. По времени приходит этот монах к отцу архимандриту и жалуется, что мальчик испортился, шалит: в его отсутствие перебирает его вещи, зажигает огонь, что-то разбил; в церковь не всегда ходит, грубит, не слушается.

Отец Моисей ходит по залу и слушает.

— Что ж он еще делает? — спрашивает.

Тот еще что-то припомнил.

— Ну, а еще что?

Монах припомнил еще какую-то детскую шалость.

— Ну, а к тебе поступил, хорош был, ты говоришь?

— Ничего, сначала хороший был мальчик! — ответил монах.

— Да, вот дело-то какое! — как бы в недоумении, говорит о. Моисей сам с собою; а сам ходит по комнате и не глядит на монаха.

— Жаль мальчика! — продолжает он. — Детская душа — ангельская... Великое дело — душа детская! "Если не обратитеся и не будете, как дети, не внидете в Царство Небесное". "Кто примет хоть одно дитя во имя Мое, тот Меня принимает". "А кто соблазнит одного из малых сих, тому лучше было бы, если бы ему повесили мельничный жернов на шею и потопили его в глубине морской"... Господи, слова-то какие! И слова-то чьи? Самого Бога!.. Так ты говоришь: к тебе поступил, хорош был; а у тебя пожил, и нехорош стал? Отчего ж он у тебя именно и нехорош стал? С кого ж он взял дурные примеры?..

Монаха даже в жар бросило.

— Да, вот что, брат, — продолжал настоятель, — что-то я замечаю, что и у заутрени тогда-то я тебя как будто не видал, и в трапезу-то ты не всегда тоже ходишь...

И начал высчитывать его неисправности. Тот и не рад был, что пошел жаловаться на мальчика. Он ясно увидел, что он-то сам, своей неисправностью, и был виновником порчи мальчика.

— Ну, а насчет мальчика ты уж не беспокойся, — заключил о. Моисей. — Если он тебе так неудобен, я переведу его к такому брату, который может понести шалости мальчика и

озаботиться его исправлением. И хорошо, что ты сказал: нельзя ж его так оставлять. Ребенок — что молодое деревцо, как смолоду его направить, так и пойдет расти.

И передал мальчика другому, более к себе строгому брату.

13 марта

Ходил гулять. Встретил о. Феодосия.

— Ну что, — спрашивает, — читали, что я дал вам про о. Моисея?

— Не только читал, но и умилялся.

— А вот некоторые у нас думают, что этих рассказов печатать не следует: не следует-де обнажать грехов брата своего.

— А по-моему, — говорю, — батюшка, тут не в грехах суть, а в христианском отношении к грехопадению братскому. Все мы греху повинники, не исключая и духовенства, но мало кто из нас умеет не посмеяться греху брата своего, а покрыть его наготу своей одеждой. Вот этой-то христианской премудрости с великой показательной силой и учат примеры из жизни вашего великого настоятеля Моисея.

— Вы так думаете?

— Не только думаю, но и себе в назидание эти примеры выписал с особым умилением.

Кажется, и о. Феодосий согласен с моим мнением.

На этих днях в Москве наблюдалось днем редкое небесное явление: три солнца одинако-

вой яркости сияли на небе. Посредине было настоящее солнце, а по сторонам — два ложных. Из настоящего выходил огненный столб. Ночью были видимы три луны. Газеты, сообщающие об этом явлении, называют его хотя и редким, но все же объяснимым, "известным" физическим явлением "ложных солнц и лун". Это и мне еще с гимназии известно. Но хотя явление это и известно, и физически как будто объяснимо, но сколько в нем остается необъяснимым, неразгаданным... Почему явление это наблюдалось только в Москве, и нигде более?

Не знамение ли это Божие перед чем-нибудь угрожающим отступающему от Бога человечеству?..

"И будут знамения в солнце и луне и звездах"[1]...

И на горизонте политического неба народов мира не без великих знамений: чего один "обновляющийся" Китай стоит!

16 марта

Старец Иосиф. Видение в Шамординой. Революционер и Св. Архистратиг Михаил. "Хорошо живут в Шамординой!"

Сегодня был в Скиту у наших богомудрых старцев. На мужской половине у старца Иосифа народу было немного. Слабеет телом наш батюшка; телом слабеет, но не духом: духом точно вчера рожден великий смиренномудрием старец...

---

[1] Лк. 21, 25.

— Что-то давно у нас не бывали? — с легкой укоризной в голосе спросил меня приветливый келейник батюшки.

— А как давно? — переспросил я. — И недели нет, как я был на благословении у батюшки. Старец слабеет, а я его буду беспокоить без особой надобности, отнимать его время от истинно нуждающихся и обремененных? Это было бы мне в грех, о. Зосима, я ведь свой, постоянно на ваших глазах мотаюсь, а к батюшке со своими скорбями люди ездят Бог весть из какой дали: можно ли от них понапрасну отвлекать старца?

— Так-то так, — возразил мне о. Зосима. — А все-таки и ради одного благословения — великое дело почаще ходить к старцам: сами знаете, что значит старческое благословение.

Вскоре меня позвали к старцу.

— Ну, что скажешь хорошего? — спросил меня о. Иосиф, преподавая мне благословение.

— Я, родимый, за хорошим-то к вам пришел, а своего доброго у меня нет ничего — чист молодец! — ответил я батюшке.

— Ну, вот тебе и хорошее: померла в Шамордине[1] недавно клиросная послушница. К сороковому по ней дню товарка ее по послушанию видит ее во сне. Приходит будто бы покойница к ней, а та и говорит ей:

— Да ведь ты умерла! Как же ты здесь?

---

[1] Казанско-Амвросиева женская пустынь, основанная старцем Амвросием Оптинским при д. Шамордино, Перемышльского уезда Калужской губернии.

— Разве у Бога мертвые есть? — отвечает ей покойница. — Я пришла попросить прощения у такой-то, — и имя ее сказывает. — Я ей должна осталась 10 копеек. На то, чтобы исправить это, я и отпущена, да и то на короткое время.

— А что, хорошо там, где ты теперь? — спросила ее товарка.

— Уж так-то, — ответила она, — хорошо, что и высказать невозможно!

— Ну, расскажи, пожалуйста!

— Нельзя — не велено!

Сон на этом кончился... Дело это было ночью. А днем к другой послушнице пришла из деревни Шамордино та самая женщина, чье имя во сне назвала покойница, и спрашивает:

— Умерла у вас никак такая-то?

— Да, — говорит, — померла! А что?

— Вишь, — говорит, — грех-то какой вышел: она мне десять копеек должна осталась. С кого ж мне их искать теперь?

На разговор этот подошла та сестра, что сон видела. Дело-то тут и выяснилось. Сложились сестры и заплатили за покойницу... Вот тебе и хорошее! — промолвил, улыбаясь, старец.

— Батюшка! — сказал я, умиленный этой простой и чудной повестью. — Вот-то хорошее, а у нас-то все плохое.

— Ну, сказывай про плохое!

— В Москве, да и не в одной Москве, знамения стали являться на небе. Не к добру это, особенно как станешь вникать в глубину совре-

менной мирской жизни: ведь в этой глубине не чудятся ли уж те "глубины сатанинские", о которых прикровенно говорит Священное Писание?

— Плохо стали жить люди православные, — ответил старец, — плохо, что и говорить! Но знай, пока стоит престол царя самодержавного в России, пока жив государь, до тех пор, значит, милость Господня не отъята от России и знамения эти, что ты или люди видят, еще угроза только, но не суд и конечный приговор.

— Батюшка! И царю, и самодержавию со всех сторон угрожают беды великие.

— Э, милый! И сердце царево, и престол его, и сама его драгоценная жизнь — все в руках Божиих. И может ли на эту русскую святыню посягнуть какая бы то ни было человеческая дрянь, как бы она ни называлась, если только грехи наши не переполнят выше краев фиала гнева Божия? А что он пока еще не переполнен, я тебе по этому случаю вот что скажу: позапрошлым летом был у меня один молодой человек и каялся в том, что ему у революционеров жребий выпал убить нашего государя. "Все, — говорит, — у нас было для этого приготовлено, и мне доступ был открыт к самому государю. Ночь одна оставалась до покушения. Всю ночь я не спал и волновался, а под утро едва забылся... И вижу: стоит государь. Я бросаюсь к нему, чтобы поразить его... И вдруг передо мною, как молния с неба, предстал с огненным мечом сам Архангел Михаил. Я пал ниц перед ним в смертном страхе. Очнулся от ужаса, и с

первым отходящим поездом бежал вон из Петербурга, и теперь скрываюсь от мести своих соумышленников. Меня они, — говорит, — найдут, но лучше тысяча самых жестоких смертей, чем видение грозного Архистратига и вечное проклятие за помазанника Божия"...

— Вот, друг, тебе мой сказ: пока Господь Своим Архистратигом и Небесным Воинством Своим хранит Своего помазанника, до тех пор — жив Господь! — нечего ни за мир, ни за Россию опасаться. Это ты твердо запомни... Да шамординский мой сказ не забывай: он — залог того, что еще есть по монастырям русским, да и в миру, кое-кто, ради кого еще щадит Господь наши Содом и Гоморру.

О премудрость и благость Божия!

О красота и глубина моей Божьей реки!..

А в Шамординой, видно, еще есть подвижницы духа, сердцем чистые, которым открываются тайны Божии. Припоминается мне из сокровенной шамординской жизни еще нечто, о чем я в октябре 1904 года слышал в скитской келье отца Анатолия от оптинского иеромонаха Дорофея[1], ныне покойного.

— А знаешь, о. Анатолий, — говорил при мне о. Дорофей, — шамординские монашки-то, похоже, еще хорошо живут. Был я у них на чреде[2] в мае месяце. Позвали меня к больной для напутствования. Вижу: помирает молоденькая

[1] Он был один из духовников сестер Шамординской обители.

[2] В то время в Шамординой своего причта не было, и оптинские иеромонахи, по назначению от своего настоятеля, ездили туда отправлять чреду богослужения.

девочка — подросточек лет пятнадцати. Была она в полном сознании. Поисповедовал я ее, причастил, да и говорю ей в утешение:

— Нечего тебе, дочка, бояться! Как ласточка, пролетишь ты сквозь мытарства без всякой задержки.

А она мне в ответ:

— А чего ж мне бояться? Я ведь не одна туда пойду: нас туда вместе трое отправятся!

Я, признаться, подумал: бредит девочка! И что ж ты думаешь, по ее как раз и вышло! Умерла с ней матушка Евфосиния и схимница[1], так трое и вознеслись ко Господу.

Вот что зрят еще и теперь сердцем чистые.

20 марта

Умер великий Пан. Л.Н.Толстой и статья Киреева. Монахиня М.Н.Толстая — о брате своем Сергее и об отношении к нему брата Льва. Видение ее о Льве Николаевиче. Старец о. Варсонофий и рассказ жиздринского священника

Умер великий Пан!..

Было это во дни престарелого кесаря железного Рима. Тиверия. На Голгофе свершилась великая тайна нашего спасения. Воскрес Христос Бог наш. И раскатистым эхом по горам и долам, по лесам и дубравам античного мира, рыданьем и стоном бесовским прокатился жалобный вопль:

— Умер Пан великий!

[1] Имя схимницы я запамятовал.

Ко дням Тиверия этот козлоногий, рогатый божок древней Эллады и Рима, покровитель стад и пастбищ, под влиянием наводнивших Древний Рим идей Востока возрос до величия высшего языческого божества, творца и владыки вселенной.

Христос воскрес. Пан умер.

И приходит мне на мысль: не его ли, этого умершего вместе с романо-греческим язычеством Пана, пытается вновь воскресить, конечно, в призраках и мечтаниях, современное отступничество? “Великий Пан”, безраздельно обладавший всем языческим миром и даже самим богоизбранным народом, ветхозаветным Израилем, во дни его падений, был не кто иной, как падший херувим, Денница, диавол, князь мира и века сего. Крест Господень сокрушил его силу навеки, но только над приявшими и соблюдшими веру Креста Господня, а не над теми, кто ее не принял или кто от нее сознательно отрекся.

И вижу я: мятутся народы и князи людские и собираются вкупе на Господа и Христа Его; собираются в невиданные и еще доселе неслыханные союзы и политические комбинации. И на знаменах и хоругвях союзов этих имя бога их: Пан!

Вот он, в союзах по расам и национальностям: панславизм, пангерманизм, панроманизм, панмонголизм...

По вере: панисламизм и пантеизм.

Но только не панхристианизм: от христианства, как дым пред лицом огня, он бежит и исчезает безвозвратно.

Мне скажут: слово "Пан" есть греческое слово и значит "все". Я знаю это с третьего класса гимназии, но знаю также, что слово это означает и Пана, который "умер" и которого хотят воскресить враги Христовы, враги Пресвятой Троицы.

Тщетные усилия, хотя им и суждено осуществиться, но только на малое время и только на грешной земле, да и то "в призраках и мечтаниях" силы антихристова царства, накануне "смерти второй"[1], вечной!

Ходили вчера вместе с женой в скит, к нашему духовнику и старцу, скитоначальнику, игумену о. Варсонофию[2].

Перед тем как идти в скит, я прочел в "Московских ведомостях" статью Киреева, в которой автор приходит к заключению, что ввиду все более учащающихся случаев отпадения от православия в иные веры, и даже в язычество, обществу верных предстоит необходимость поставить между собою и отступниками резкую грань и выйти из всякого общения с ними. В конце этой статьи Киреев сообщает о слухе, будто бы один из наиболее видных наших отступников имеет намерение обратиться вновь к Церкви.

Не Толстой ли?

Я сообщил об этом о. Варсонофию.

---

[1] Апок. 20,14.

[2] В начале печатания своих записок я имя его обозначал буквою В.: он еще жив был тогда, возлюбленный наш старец, а о живых подвижниках благочестия не след нам, христианам, глаголати иначе, как прикровенно.

— Вы думаете на Толстого? — спросил батюшка. — Сомнительно! Горд очень. Но если это обращение состоится, я вам расскажу тогда нечто, что только один грешный Варсонофий знает. Мне ведь одно время довелось быть духовником сестры его, Марии Николаевны, что живет монахиней в Шамординой.

— Батюшка! Не то ли, что и я от нее слышал?

— А что вы слышали?

— Да про смерть брата Толстого, Сергея Николаевича, и про сон Марии Николаевны.

— А ну-ка расскажите! — сказал батюшка.

Вот что слышал я лично от Марии Николаевны Толстой осенью 1904 года[1].

— Когда нынешнею осенью, — говорила мне Мария Николаевна, — заболел к смерти брат наш, Сергей, то о болезни его дали знать мне, в Шамордино, и брату Левочке, в Ясную Поляну. Когда я приехала к брату в имение, то там уже застала Льва Николаевича, не отходившего от одра больного. Больной, видимо, умирал, но сознание было совершенно ясно, и он еще мог говорить обо всем. Сергей всю жизнь находился под влиянием и, можно сказать, обаянием Льва Николаевича, но в атеизме и кощунстве, кажется, превосходил и брата. Перед смертию же его что-то таинственное совершилось в его душе, и бедную душу эту неудержимо повлекло к Церкви. И вот у постели больно-

---

[1] Точно года не упомню, но не позже 1905 года и не ранее 1904-го.

го мне пришлось присутствовать при таком разговоре между братьями.

— Брат, — обращается неожиданно Сергей к Льву Николаевичу, — как думаешь ты: не причаститься ли мне?

Я со страхом взглянула на Левушку. К великому моему изумлению и радости, Лев Николаевич, не задумываясь ни минуты, ответил:

— Это ты хорошо сделаешь, и чем скорее, тем лучше!

И вслед за этим сам Лев Николаевич распорядился послать за приходским священником.

Необыкновенно трогательно и чистосердечно было покаяние брата Сергея, и он, причастившись, тут же вслед и скончался, точно одного только этого и ждала душа его, чтобы выйти из изможденного болезнью тела.

И после того мне вновь пришлось быть свидетельницей такой сцены: в день кончины брата Сергея, вижу, из комнаты его вдовы, взволнованный и гневный, выбегает Лев Николаевич и кричит мне:

— Нет! Ты себе представь только, до чего она ничего не понимает! "Я, — говорит, — рада, что он причастился: по крайности от попов теперь придирок никаких не будет!" В исповеди и причастии она только одну эту сторону и нашла!

И долго еще после этого не мог успокоиться Лев Николаевич, и, как только проводил тело брата до церкви (в церковь он, как отлученный, не вошел), тотчас же и уехал к себе в Ясную Поляну.

Когда я вернулась с похорон брата Сергея к себе в монастырь, то вскоре мне был не то сон, не то видение, которое меня поразило до глубины душевной. Совершив обычное свое келейное правило, я не то задремала, не то впала в какое-то особое состояние между сном и бодрствованием, которое у нас, монахов, зовется тонким сном. Забылась я и вижу... Ночь. Рабочий кабинет Льва Николаевича. На письменном столе лампа под темным абажуром. За письменным столом, облокотившись, сидит Лев Николаевич, и на лице его отпечаток такого тяжкого раздумья, такого отчаяния, какого я еще у него никогда не видала... В кабинете густой, непроницаемый мрак; освещено только то место на столе и лицо Льва Николаевича, на которое падает свет лампы. Мрак в комнате так густ, так непроницаем, что кажется даже как будто чем-то наполненным, насыщенным чем-то, материализованным... И вдруг, вижу я, раскрывается потолок кабинета, и откуда-то с высоты начинает литься такой ослепительно чудный свет, какому нет на земле и не будет никакого подобия; и в свете этом является Господь Иисус Христос, в том Его образе, в котором Он написан в Риме, на картине видения святого муч. архид. Лаврентия: пречистые руки Спасителя распростерты в воздухе над Львом Николаевичем, как бы отнимая у незримых палачей орудия пытки. Это так и на той картине написано. И льется, и льется на Льва Николаевича свет неизобразимый, но он как будто его и не видит... И хочется мне крикнуть брату: Левушка. взгля-

ни, да взгляни же наверх!.. И вдруг сзади Льва Николаевича, — с ужасом вижу, — из самой гущины мрака начинает вырисовываться и выделяться иная фигура, страшная, жестокая, трепет наводящая; и фигура эта, простирая сзади обе свои руки на глаза Льва Николаевича, закрывает от них свет этот дивный. И вижу я, что Левушка мой делает отчаянные усилия, чтобы отстранить от себя эти жестокие, безжалостные руки...

...На этом я очнулась и, когда очнулась, услыхала как бы внутри меня говорящий голос:

— Свет Христов просвещает всех!

Таков рассказ, который я лично слышал из уст графини Марии Николаевны Толстой, в схимонахинях Марии[1].

— Не это ли вы мне хотели рассказать, батюшка? — спросил я о. Варсонофия. Батюшка сидел, задумавшись, и ничего мне не ответил... Вдруг он поднял голову и говорит:

— Толстой — Толстым! Что будет с ним, один Господь ведает. Покойный великий старец Амвросий говорил той же Марии Николаевне в ответ на скорбь ее о брате: “У Бога милости много: Он, может быть, и твоего брата простит. Но для этого ему нужно покаяться, и покаяние свое принести перед целым светом. Как грешил на целый свет, так и каяться перед ним должен”. Но когда говорят о милости Бо-

---

[1] Видение это было явно благодатным и, как теперь стало ясным, исполнилось над несчастным Толстым во всех подробностях.

жией люди, то о правосудии Его забывают, а между тем Бог не только милостив, но и правосуден. Подумайте только: Сына Своего Единородного, возлюбленного Сына Своего, на крестную смерть от руки твари, во исполнение правосудия, отдал! Ведь тайне этой преславной и предивной не только земнородные дивятся, но и все воинство небесное постичь глубины этого правосудия и соединенной с ним любви и милости не может. Но страшно впасть в руце Бога Живаго! Вот сейчас, перед вами, был у меня один священник из Жиздринского уезда и сказывал, что у него на этих днях в приходе произошло. Был собран у него сельский сход; на нем священник, вместе с прихожанами своими, обсуждал вопрос о постройке церкви-школы. Вопрос этот обсуждался мирно, и уже было пришли к соглашению, по скольку обложить прихожан с души на это дело. Как вдруг один из членов схода, зараженный революционными идеями, стал кощунственно и дерзко поносить Церковь, духовенство и даже произнес хулу на Самого Бога. Один из стариков, бывших на сходе, остановил богохульника словами:

— Что ты сказал-то! Иди скорее к батюшке, кайся, чтобы не покарал тебя Господь за твой нечестивый язык: Бог поруган не бывает.

— Много мне твой Бог сделает, — ответил безумец. — Если бы Он был, то Он бы мне за такие слова язык вырвал. А я — смотри — цел, и язык мой цел. Эх вы, дурачье, дурачье! Оттого, что глупы вы, оттого-то попы и всякий, кому не лень, и ездят на вашей шее.

— Говорю тебе, — возразил ему старик, — ступай к батюшке каяться, пока не поздно, а то плохо тебе будет!

Плюнул на эти речи кощунник, выругался скверным словом и ушел со сходки домой. Путь ему лежал через полотно железной дороги. Задумался он, что ли, или отвлечено было чем-нибудь его внимание, только не успел он перешагнуть первого рельса, как на него налетел поезд и прошел через него всеми вагонами. Труп кощунника нашли с отрезанной головой, и из обезображенной головы этой торчал, свесившись на сторону, огромный, непомерно длинный язык.

— Так покарал Господь кощунника... И сколько таких случаев, — добавил к своему рассказу батюшка, — проходит как бы незамеченных для так называемой большой публики, той, что только одни газеты читает; но их слышит и им внимает простое народное сердце и сердце тех — увы, немногих! — кто рожден от одного с ним духа. Это истинные знамения и чудеса православной живой веры; их знает народ, и ими во все времена поддерживалась и укреплялась народная вера. То, что отступники зовут христианскими легендами, на самом деле суть факты ежедневной жизни. Умей, душа, примечать только эти факты и пользоваться ими, как маяками бурного житейского моря, по пути в Царство Небесное. Примечайте их и вы, С. А., — сказал мне наш старец, провожая меня из кельи и напутствуя своим благословением.

О река моя Божья! О источники воды живой, гремучим ключом бьющие из-под камня оптинской старческой веры!..

22 марта

О. игумен Марк. Его кончина. Знамение при его погребении. Деревенские скептики

В Оптиной опять смерть: 18 марта вечером, в конце десятого часа, окончил подвиг своего земного жития один из коренных столпов оптинского благочестия, игумен Марк, старейший из всех подвижников оптинских. Игумен Марк, в миру Михаил Чебыкин, окончил некогда курс Костромской духовной семинарии и в 1858 году был пострижен в мантию от руки великого восстановителя Оптиной пустыни архимандрита Моисея[1].

51 год иноческого злострадания: вот это так юбилей! И венец юбилею этому — Царство Небесное.

— Гранитный он был человек! — так выразился про него его духовник, иеросхимонах о. Сергий[2].

И действительно, это был характер, как бы высеченный из цельной гранитной скалы, твердый, крепкий, стойкий, но вполне пригодный к самой тонкой обработке и шлифовке под рукой опытного гранильщика.

---

[1] Одновременно с игуменом Марком был пострижен в мантию архимандритом Моисеем Лев Александрович Кавелин, впоследствии известный наместник Троице-Сергиевой Лавры архимандрит Леонид.

[2] Эти двое теперь уже скончались.

Этим гранильщиком был для почившего игумена великий Оптинский старец Амвросий. И выгранил же он из него столп и утверждение монашеской истины!..

Теперь в Оптиной только четверо осталось ровесников почившему по жизни в Оптиной: старец о. Иосиф, иеромонах о. Иоанникий и два монаха — о. Антоний и о. Феофан[1]; но они все-

---

[1] О. Сергий (Александров) сконч. 83 лет 19 января 1917 года. О. Иосиф сконч. 9 мая 1911 года. О. Антоний сконч. 85 лет 19 апр. 1917 года. О. Феофан сконч. 82 лет 16 февраля 1915 года.

К статье об игумене Марке.

Весною 1868 года игумен Марк был тяжко болен воспалением легких. В ночь на 26 мая, когда болезнь достигла высшего напряжения, он увидел в тонком сне, что в келью его входят св. вел. Георгий и свят. Николай. Они подняли его и как бы на струе воздушной перенесли к Козельску и поставили в долине на холме близ города. Вдали особенно виднелись Никольская, Георгиевская и Вознесенская церкви и колокольня этой последней. Святые обратили внимание больного на эту колокольню, около которой он увидел стоящую на воздухе небольшую икону Божией Матери.

"Видишь ли ты эту св. икону? — спросил Св. Георгий и прибавил: — Это Ахтырская икона Божией Матери. Хочешь быть здоров — отслужи перед нею молебен Богоматери".

В это мгновение икона эта стала выделяться как бы на половину здания все яснее; испуская лучи утренней зари, она осветила всю северную часть города. Пригнувшись в священном трепете, о. Марк почувствовал облегчение. Был отслужен молебен перед Ахтырской иконой Божией Матери, что в оптинском Казанском храме. Больной стал быстро поправляться, стал даже бывать на свежем воздухе. Но вдруг болезнь с новой силой возобновилась. Были сочтены часы жизни больного. Тут он вспомнил, что не позаботился отыскать указанную ему икону. Сейчас же принялись за розыски. Двое мещан отправились отыскивать ее по храмам Козельска. Во всех трех, виденных во сне, и на колокольне искали вместе со священником и сторожем — и не нашли. Когда уже сходили с колокольни, священник, точно движимый к тому незримой силой, сунул руку под балку, при самом входе с лестницы чердака на колокольню, и вынул оттуда икону — то и была Ахтырская икона Божией Матери. На другой день перед нею в церкви был отслужен молебен, а на следующий ее принесли к больному. Он признал в ней виденную во сне и вслед быстро поправился.

таки не были моисеевскими постриженниками. Игумен Марк был в Оптиной последним от Евангелия духовным сыном отца Моисея. Старое великое отходит. Нарождается ли новое?..

Игумен Марк в Оптину пустынь поступил в 1853 году, по благословению, как он сам мне сказывал, великих подвижников того времени — Тимона Надеевской пустыни и Нила из Сорской. Воспитывала его с детских лет родная его бабушка, духовная дочь Преподобного Серафима Саровского.

Какие имена! Какие люди!

Игумену Марку как студенту семинарии предстояла широкая дорога в смысле движения вверх по иерархической лестнице, но Богу угодно было провести его великую душу тесным и многоскорбным путем тяжелых испытаний, смиряя его трудный характер. Много лет он, до самой смерти, прожил в Оптиной пустыни игуменом "на покое", не ведая, однако, ни покоя, ни отдыха на чреде своего добровольного послушания в качестве уставщика левого клироса и обетного подвига своего монашества.

Вот он стоит предо мною, как живой, почивший игумен! Вижу его характерную монашескую фигуру в высоком, выше, чем у прочих монахов, клобуке... Такие клобуки носили прежние оптинские монахи; такой же клобук покрывал головы великих старцев Оптинских, и самого архимандрита Моисея, которого безмерною любовью любил почивший игумен... Вижу: сходит он на сход со своего клироса, впереди всех своих певчих, обеими руками раздви-

гая полы своей мантии и слегка потряхивая и качая головой, на которой, несмотря на с лишком 70-летний возраст, не серебрилось ни одного седого волоса; сходит он и степенно, и важно отдает поклон сходящему со своим хором, одновременно с ним, уставщику правого клироса; и слышу, как первый, всегда первый, запевает он своим старческим, несколько надтреснутым, но верным и громким голосом дивные "подобны" стихир всенощного пустынного оптинского бдения.

Не было при мне равного игумену Марку на этом послушании!... И вряд ли когда-либо будет: другие люди, другие стали теперь и характеры; закал не тот стал теперь, что был прежде...

Хоть идет уже второй год, что я живу в Оптиной, но к игумену Марку я приблизился только в последние дни его земной жизни и был изумлен, подавлен величием и крепостью этой железной воли, не позволявшей даже в часы самых тяжких предсмертных страданий вырваться из груди его ни малейшей жалобе, ни намеку даже на просьбу о помощи. В палящем огне страданий этот гранит расплавлялся в чистейшее золото Царства Небесного. Не бывши ранее близок к игумену, я в дни подготовления его к переходу в вечную жизнь невольно поддался внезапному наплыву на меня огромного к нему чувства: я полюбил крепость его, силу его несокрушимого духа; самого его полюбил я, чтил и робел перед ним, как робкий школьник перед строгим, но уважаемым на-

сгавником, и если не обмануло меня мое сердце, и сам дождался от него взаимности.

В первый раз я посетил игумена Марка в его келье в октябре или ноябре прошлого года. На это посещение я назвался ему сам и, к великой радости, не только не был отвергнут, но был удостоен даже и привета:

— Милости просим. Буду рад вас видеть у себя.

Два или три часа провел я в беседе с о. игуменом и — увы! — говорил больше сам, чем его слушал: должно быть, воля его, как бы меня испытывая, звала меня высказаться... Прощаясь со мною, он пожелал ознакомиться с моими книгами, которых не читал, но о которых слышал. На другой день я их принес ему, но беседовать мне с ним не удалось. Книги мои он прочел, одобрил и сказал, что давал их читать "кому нужно". На Рождестве я встретил его на дороге из храма в келью, после поздней обедни. Мы шли с женою. Он благословил нас и на мой вопрос о здоровье ответил: "Плохо! Пора готовиться к исходу!" После этого он слег и уже более не вставал с постели.

Недели две тому назад, перед бдением в Казанской церкви, мне один из старейших оптинцев, о. Нафанаил, сказал, что о. Марк уже совсем плох и что он собирается его посетить. Я попросил о. Нафанаила взять у больного для меня разрешение навестить его. О. Нафанаил при следующем его со мною свидании в церкви сообщил, что разрешение мне дано:

— Отец Марк сказал: "Ну что ж!"

И в первое воскресенье за тем, т.е. неделю тому назад, я пошел к болящему старцу. На одре болезни я застал уже не игумена Марка, а живые его мощи; только орлиный взгляд остался тот же и напомнил прежнего богатыря духа. Язык говорил тупо, звук голоса был едва слышен, но, наклонившись к умирающему, я еще хорошо мог разобрать, что шептали его старческие, пересохшие от внутренних страданий уста.

Он благословил меня и сказал:

— Я ждал вас!

И в этот раз я просидел у его изголовья около двух часов и узнал от него для меня важное то, что он разделяет вполне мои мысли о характере и значении переживаемого времени как времени, последнего перед концом мира.

— Да, да! — сказал он громко и внятно. — И как мало людей, которые это понимают!

Между прочим, в беседе я сообщил ему, что работаю сейчас над всем собранным мною в Оптиной материалом, приводя его в систему как бы дневника о. Евфимия Трунова. О. Марк и это одобрил и сказал:

— Это будет очень интересно, и вы хорошо делаете, что дневник этот усвояете Евфимию: он был большой человек.

Потом улыбнулся доброй, ободряющей улыбкой и прибавил: "Так вы, стало быть, собиратель редкостей!"

Я спросил его:

— А вы, батюшка, записывали ли что из вашей жизни и наблюдений?

— Мысль была, — ответил он мне, — но я ее оставил. Кому нужны мои враки?

Надо ли говорить, как мне, ловцу жемчугов оптинских, было огорчительно услышать это признание? Уходит с земли великая жизнь и не оставляет наследства — как же не горько?..

— Батюшка! — спросил я. — Правду ли мне говорили, что вы как-то были тяжко больны, так что и врачи от вас отказались? Сказывали мне, что вы удостоились тогда видеть во сне Царицу Небесную, которая вам повелела послать в Козельск за Своей иконой, заброшенной в одном из церковных чуланов, и что вы этою иконой, о которой до вашего видения никто не знал, исцелились? Правда ли это?

Глаза о. игумена просияли, и он ответил радостно:

— Да, было!

И еще хотелось мне вопросить его об одном событии его жизни, но, боясь его утомить, я поднялся прощаться и спросил, не нужно ли ему чего изготовить из пищи полегче, чем обычная суровая трапеза оптинской братии.

— Ну что ж, — ответил он, — кулешику, что ль, пожиже на грибном бульоне, пожалуй, принесите!

Я принял благословение и вышел.

Теперь жалею, да поздно, что не спросил его о том событии, о котором только что упомянул выше, и приходится мне его записывать со слов хотя и достоверных свидетелей из числа оптинской братии, но не из его подлинных преподобнических уст.

А было это событие такое.

Когда после кончины архимандрита Моисея дошел черед вкусить от чаши смертной великому брату его, игумену Антонию, тогда епархиальная власть указала бренным останкам его быть погребенными в общем склепе с братом, под полом, у солеи правого придела Казанской церкви. Взломали пол, разломали склеп, и обнаружился гроб архимандрита Моисея, совершенно как новый, несмотря на сырость грунта подпочвы; только немножко приотстала, приподнялась гробовая крышка... Безмерною любовью любил почившего архимандрита игумен Марк, и воспламенилось его сердце желанием убедиться в нетленности мощей его великого аввы, а также и взять со смертной одежды его хоть что-нибудь себе на память. И вот пошли каменщики, что делали склеп, не то обедать, не то чай пить, а игумен Марк воспользовался этим временем, спустился в склеп, просунул с ножницами руку под крышку гроба, ощупал там совершенно нетленное, даже мягкое и как бы теплое тело и только что стал было отрезать ножницами кусок от мантии почившего, как крышка гроба с силой захлопнулась и придавила руку игумену Марку. И взмолился тут игумен: "Прости, отче святый, дерзновение любви моей, отпусти руку".

И долго молил игумен Марк о прощении, пока вновь не приподнялась сама собой гробовая крышка и не освободила руку, дерзнувшую, хотя и любви ради, но без благословения Церкви, коснуться мощей праведника.

На память о событии этом у отца игумена остался на всю жизнь поврежденным указательный палец правой руки.

Так рассказывали мне в Оптиной, а было ли оно так в действительности, я от самого действующего лица услышать не удостоился.

Я верю, что так и было...

И вот четыре дня подряд носил я умирающему игумену пищу; но он хоть и заказывал ее мне, а сам почти к ней не прикасался: глотание было затруднено настолько, что он едва мог глотать даже и воду.

Накануне его смерти на мой вопрос, что ему изготовить и принести завтра, он ответил:

— Сами только извольте пожаловать!

Это завтра было 18 марта.

Когда я пришел к нему часа в три пополудни этого дня, игумен Марк уже был на пороге агонии: говорить уже ничего не мог; в груди около горла у него что-то зловеще клокотало... Но меня он узнал: это было видно по глазам его, по его чуть заметной улыбке... У постели его сидели три наши оптинки, тайные монахини. Я попросил благословения, но рука игумена уже не могла сотворить крестного знамения и лежала, бессильная, рядом с холодеющим телом. Я приподнял руку, преклонил колени у одра умирающего и положил эту дорогую руку на свою склоненную голову.

— Смотрите, смотрите! — услыхал я голос кого-то из монахинь. — Улыбается! Видно, он любил его.

Его — меня любил. За что было ему меня любить? Да и успеть-то полюбить было некогда. Одно знаю, и верю, и верить хочу, что для вечной моей пользы не без воли Божией был допущен четырехдневный уход мой до самой смерти за великим схиигуменом Марком.

Игумен Марк уже давно был в тайной схиме.

Прощаясь с ним в последний раз, я припал к руке игумена и, глядя ему в глаза, сказал:

— Батюшка! Если стяжешь дерзновение у Господа, помолись Ему о нас, грешных.

Он заметно улыбнулся, и в глазах его я прочел — так мне показалось — желанное обещание.

Я видел последний день на земле святого схимника.

Вчера, 21 марта, была Лазарева суббота, и в этот день после литургии отпели и похоронили отца Марка.

Мне говорили, что отец игумен почему-то особенно чтил день Лазаревой субботы и всегда в этот день причащался — и что же? Умер в среду 18 марта, а погребен четверодневным, как и Лазарь, в день его воскресения.

В случай или совпадение я не верю, а верую в премудрость, благость и безмерное милосердие Божие, воздающее каждому по делам и по вере его.

Шла с погребения почившего игумена гостящая у нас, приезжая из г. Валдая старушка[1].

---

[1] Александра Васильевна Альбова, ныне покойная, праведница.

Идет и слышит, как рассуждают между собой идущие впереди два каких-то крестьянина:

— Вот, был человек и нет его! Как пар — и нет ничего!

Не вытерпела наша старушка и сказала:

— Как нет ничего? А душа-то?

— Э, бабушка! — ответили ей деревенские скептики. — Какая там душа? Пар, и больше ничего!

Народные просветители могут считать цель свою достигнутой: они вытравили из народа его душу — веру его в Бога истинного. В стариках она еще кое-как держится, ну, а на молодежь, кажется, рукой надо махнуть: от нее только "пар" остался.

Придет конец православию и самодержавию в России, говорили великие наши Оптинские старцы, тогда конец придет и всему миру.

23 марта

О. Нектарий и его беседа о знамениях, предваряющих пришествие антихриста

Заходил проведать давно не бывавший у нас друг наш, о. Нектарий.

— Что давно не видать было вас, батюшка? — встретили мы таким вопросом этого полузатворника, известного всем оптинским монахам сосредоточенностью своей жизни.

— А я думаю, — ответил он с улыбкой, — что грешному Нектарию довольно было бы видеть вас и единожды в год, а я который уже

раз в году у вас бываю!.. Монаху — три выхода: в храм, в келью и в могилу: вот закон для монаха.

— А если дело апостольской проповеди потребует? — возразил я.

— Ну, — ответил он мне, — для этого ученые академисты существуют, а я — необразованный человек низкого звания.

А между тем этот "человек низкого звания" начитанностью своей поражал не одного меня, а многих, кому только удавалось приходить с ним в соприкосновение.

Я рассказал батюшке о небесном знамении, бывшем на Москве в начале месяца[1].

— Как вы, — спросил я, — на эти явления смотрите?

— Э, батюшка-барин, — о. Нектарий иногда меня так называет, — как моему невежеству отвечать на такие вопросы? Мне их задавать, а вам отвечать: ведь вы сто книг прочли, а я человек темный.

— Да вы не уклоняйтесь, батюшка, от ответа, — возразил я, — в моих ста книгах, что я прочел, быть может, тьма одна, а в вашей одной монашеской, которую вы всю жизнь читаете, свету на весь мир хватит.

О. Нектарий взглянул на меня серьезно, испытующе.

— Вам, собственно, какого от меня ответа нужно? — спросил он.

---

[1] Ложные солнца и луна.

— Да такого, который бы ответил на мою душевную тревогу: таковы ли будут знамения на небе, на солнце, луне и звездах, которым, по словам Спасителя, надлежит быть пред кончиной мира?

— Видите ли, чего захотели от моего "худоумия"! Нет, батюшка-барин, не моей это меры. — ответил мне на мой вопрос о. Нектарий, — А вот одно по секрету, уж так и быть, я вам скажу: в прошлом месяце, — точно не помню числа, — шел со мною от утрени отец игумен[1], да и говорит мне:

— Я, о. Нектарий, страшный сон видел, такой страшный, что еще и теперь нахожусь под его впечатлением... Я его потом как-нибудь вам расскажу, — добавил, подумав, о. игумен и пошел в свою келью. Затем прошел шага два, повернулся ко мне и сказал:

— Ко мне антихрист приходил. Остальное расскажу после...

— Ну и что же, — перебил я о. Нектария, — что же он вам рассказал?

— Да ничего! — ответил о. Нектарий. — Сам он этого вопроса уже более не поднимал, а вопросить его я побоялся: так и остался поднесь этот вопрос невыясненным... Что же касается до небесных знамений и до того, как относиться к ним и к другим явлениям природы, выходящим из ряда обыкновенных, то сам я открывать их

[1] Скитоначальник, игумен Варсонофий, скончавшийся 1 апреля 1913 года архимандритом и настоятелем Старо-Голутвина монастыря, мой духовник и старец.

тайны власти не имею. Помнится, что-то около 1885 года, при скитоначальнике и старце отце Анатолии, выдался среди зимы такой необыкновенный солнечный закат, что по всей Оптиной снег около часу казался кровью. Покойный отец Анатолий был муж высокой духовной жизни, истинный делатель умной молитвы и прозорливец: ему, должно быть, что-нибудь об этом явлении было открыто, и он указывал на него как на знамение вскоре имеющих быть кровавых событий, предваряющих близкую кончину мира.

— Не говорил ли он вам в то время, что антихрист уже родился?

— Так определенно он, помнится, не высказывался, но прикровенно о близости его явления он говаривал часто. В Белевском женском монастыре у о. Анатолия было немало духовных дочек. Одной из них, жившей с матерью-монахинею, он говорил: "Мать-то твоя не доживет, а ты доживешь до самого антихриста". Мать теперь умерла, а дочка все еще живет, хоть ей теперь уж под восемьдесят лет.

— Неужели же, батюшка, так близка развязка?

О. Нектарий улыбнулся и из серьезного тона сразу перешел в шутливый.

— Это вы, — ответил он, смеясь, — в какой-нибудь из своих книг прочтите.

И с этими словами о. Нектарий разговор перевел на какую-то обыденную житейскую тему.

26 марта

“Днесь спасения нашего главизна”. Темниковский старик и “Наплюйон-антихрист”. Глас народа — глас Божий. Нечто о Наполеоне I как о неудавшемся антихристе. Может ли теперь явиться антихрист. Предостережение г.г.евреям

Вчера был день “главизны нашего спасения”, день Благовещения, когда, по вере народной и моей, и “птица даже гнезда не вьет”.

Как дивно прекрасны под большие праздники и в самые праздники оптинские службы! Только на небе будет лучше, а на земле с ними сравниться ничто не может...

Много еще есть в Оптиной верных и искренних слуг Царя Небесного. Не то у царя земного! Где теперь верные ему слуги? На кого ему положиться, с кем разделить непомерно-тяжкое бремя царского правления?.. Сердце тревожно предчувствует скрытые грозы, вновь собирающиеся над главой боговенчанного, над православною Русью... Кто явится царю помощником, кто, по зову его, извлечет победоносный меч на защиту коренных устоев свято-русской земли?

“Кто в поле жив человек? Отзовись!”

Был у меня один приятель. В дни своей молодости (теперь ему лет семьдесят), стало быть, лет 35 — 40 назад, был он товарищем прокурора по Елатомскому и Темниковскому уездам Тамбовской губернии. Глухие в то время это были места: леса дремучие, пески сыпучие — старая, простая, бесхитростная Русь, богатая еще от века не тронутыми дарами Всевышнего,

богатая зверем, птицей, рыбою и почти библейской простотой сердца, языка и нравов. Лесу была уйма, хотя не было еще лесоохранительных комитетов и в помине. Но и жидов-лесопромышленников тогда в тех местах тоже еще не было...

Было дело это зимой. В одном из глухих лесных поселков задержала на ночлег моего приятеля внезапно разыгравшаяся лютая вьюга. Попросился он ночевать в первую попавшуюся избу — избы в тех благословенных местах хорошие, просторные, — и, поужинав чем Бог послал, стал располагаться на ночлег в отведенной ему горнице. Смотрит, а с печки высунулась и глядит на него старая, седая, лохматая голова, да такая старая, что седины ее уж не белыми кажутся, а в зелень ударяют.

— Дедушка! — окликнул его мой приятель. — Сколько лет тебе?

— Ась?

— Годов тебе много ль?

— А кто ж их знает? Должно, много.

— Француза, небось, помнишь?

— Хранцуза-то? Помню, как не помнить!

— Что ж ты помнишь?

— И хранцуза с Наплюйоном помню, как ей при царе Александре приходил со всей нечистой силой. Ведь Наплюйон-то, сам ведашь, антихрист был.

— Ну, какой там антихрист! — возразил приятель.

— Верно тебе говорю: антихрист. Только ему тогда всех сроков еще не вышло, оттого и

не одолеть было ему нашего царя Ляксандры. А все ж дошел ен до самого Пинтенбурха и царя нашего окружил со своими нечистиками со всех сторон.

— Ну, что ты говоришь, дедушка? Наполеон дальше Москвы не пошел. Москву он сжег, это правда, но до Петербурга и до царя он не доходил.

— А я тебе говорю — дошел; дошел и со всех сторон царя Ляксандру окружил так, что ни к нему пройтить, ни от него проехать никак нельзя было, и подвозу, значит, к царю никакой провизии не стало. Вот тут-то и стало жутко царским енералам, и стали просить они царя Ляксандру, чтобы ен скореича отписал на тихий Дон к казакам, к ихнему атаману Платову. И написал царь на тихий Дон к храброму атаману Платову такое слово: "Храбрый атаман ты мой Платов и храбрые мои казаченьки! Подшел к Пинтенбурху нечестивый Наплюйон с хранцузом и со всякой нечистью и окружил ен меня с моими енералами со всех с четырех сторон. И не стало ко мне никакого подвозу: ни круп, ни муки у меня нетути, и вошь меня заела. Приходи, выручай меня со своими казаченьками". Написал царь письмо и отправил его на тихий Дон с верным человеком. Ну, и пришел, значит, к царю храбрый атаман Платов со своими казачатами и отправил в тартарары и Наплюйона, и хранцуза, и всю ихнюю нечисть, а царя с енералами освободил; царя накормил, а с енералов всю вошь посчистил".

* * *

Припомнился, и так еще живо припомнился мне рассказ этот сегодня, что я решил его записать, дабы не пропало это чистопробное золото народного сказания о тех временах, когда прообраз "грядущего" шел воевать сатане под нозе православную землю Русскую.

Тогда у царя были еще верные слуги, а теперь? Не из тех ли "лучших" людей, что заседают в Думе на левых скамейках?..

Глас народа — глас Божий!..

Не так прост и невежествен был тот старичок с бородой в празелень, который утверждал, что "Наплюйон" был антихрист, которому "сроков тогда еще не вышло". Но что Наполеон действительно готовился сознательно и сам и что его готовил сатана в антихристы, тому в истории Наполеона указаний много, но, к сожалению, никому из историков его эпохи не приходило в голову рассмотреть его жизнь и деяния под этим углом зрения. А следовало бы, особенно в наши дни, такие схожие с тем временем, когда подготовлялась в норах и подпольях королевской Франции и международного еврейского "гетто" так называемая "великая" французская революция. породившая Наполеона.

Бросим же хотя бы беглый взгляд на знаменитого корсиканца с этой точки зрения. Попутно вспомним, что и сам глава Российской Церкви, Св. Синод, в послании своем по случаю вступления Наполеона в 1812 году в пределы России именовал его антихристом.

По преданию Св. Церкви, антихрист в качестве беззаконного вершителя судеб вселенной появится в возрасте Спасителя, исшедшего на проповедь, т.е. лет тридцати.

Наполеон I родился 15 августа 1769 года. Провозглашен первым консулом, т.е. фактическим хозяином Франции, 18 брюмера VIII года, или 9 ноября 1799 года, — ровно 30 лет, 2 месяцев и 24 дней.

Господь наш Иисус Христос именуется Богом Словом. "В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог" (Ин. 1,1).

Когда города Италии подносили победоносному Наполеону ключи от городских ворот, то воздвигали ему триумфальные арки для торжественного вступления в них с такой надписью:

"Слово плоть бысть".

Слово Божие, предуказуя чрез пророков пришествие на землю Сына Божия, поведало, между прочим:

"Из Египта воззвал Я Сына Моего" (Осия XI, 1).

Поход Наполеона в Египет не скрывал ли в себе тайной цели оправдать на вожде французских войск указанного изречения ветхозаветного пророка? Как знать! Но один эпизод из этого похода дает повод думать, что Наполеон в то время в душе своей и сам на себя смотрел как на нового мессию, противника Иисуса Мессии. Вот что про Наполеона в Египте передает один из современных ему историков[1].

---

[1] P.M.Laurent de l'Ardeche. Histoire de Napoleon.

“Бонапарт не был ни мусульманином, ни христианином: как он сам, так и его армия представляли собою в Египте французскую философию, скептическую терпимость, религиозное равнодушие 18-го века. Это позволяло ему без ненависти вступать в серьезные беседы и поддерживать добрые отношения как с мусульманскими имамами и шейхами, так равно и с духовными лицами христианства и иудейства. Духовное его устроение одинаково было далеко как от Корана, так и от Евангелия... Бывши в Египте, он отправился в Суэц, чтобы осмотреть на месте остатки древнего канала, некогда соединявшего воды Нила с Чермным морем. Захотелось ему взглянуть на источники Моисея, и он едва не стал при этом жертвой своего любопытства, заблудившись ночью на берегу моря во время прилива.

— Мне грозила та же опасность, что и фараону, — сказал он и добавил: — То-то бы была благодарная тема христианским проповедникам для проповеди против меня!

А что Наполеон и сам думал о себе как о новом мессии, доказывает, между прочим, и то, что, став консулом, потом императором, он часто возвращался мыслью ко временам своих походов в Египет и Малую Азию, для завоевания которой вместе с Палестиной он призывал стать под свои знамена и евреев, чтобы восстановить их царство.

— Я основывал тогда, — говорил он, — религию; я видел себя на пути в Азию на слоне, с чалмой на голове, с новым Кораном в руке,

который я составил бы по-своему... Париж стал бы столицей христианского мира, а я руководил бы религиозною жизнью всего мира так же, как и политическою.

На другой день после коронации Наполеон сказал Декрэ[1] с нотой некоторого разочарования в голосе:

— Я слишком поздно явился на свет; нельзя больше сделать ничего великого. Моя карьера блестяща, я не отрицаю; мне удалось пробить себе прекрасную дорогу. Но какая разница с античным миром! Взгляните на Александра Македонского: когда он после завоевания Азии объявил себя сыном Зевса, то кроме Олимпиады, которая знала, чего ей держаться, кроме Аристотеля да нескольких афинских педантов, весь Восток поверил ему. Ну, а если бы я вздумал провозгласить себя сегодня сыном Отца Всевышнего и заявил бы, что хочу Ему воздать хвалу и благодарение за такое звание, так не нашлось бы ни одной торговки, которая не высмеяла бы меня в глаза при первом же моем появлении. Народы слишком просвещены в наше время: нечего больше делать!

На острове Св. Елены, в изгнании, Наполеон диктует своему секретарю такие речи:

“Если бы я вернулся из Москвы победителем, я заставил бы папу позабыть о светской власти; я сделал бы из него просто идола, а сам бы руководил религиозной жизнью, как и политической... Мои соборы были бы представителями

---

[1] Морской министр Наполеона I, адмирал.

христианства, а папа был бы на них только председательствующим".

Но не довольно ли и этих свидетельств, чтобы признать, что темниковский древний старец не так уж был далек от истины, называя Наполеона антихристом, явившимся, вопреки мнению самого Наполеона, не "слишком поздно", а слишком рано?

"Сроков еще не вышло!"..

Было еще кому помощь подать государю и "вшей посчистить с енералов".

Молитвенников тогда было еще крепких много в России, молитвенна была еще вся деревенская Русь Православная, крепка и незыблема была вера Христова в народе.

Теперь не то: в народе вера пала, а на верхах международного общества развилось такое суеверие, что приди завтра со знамениями и чудесами ложными новый кандидат в антихристы, он будет принят с распростертыми объятиями всем так называемым образованным миром.

Мы — накануне мировой катастрофы, политической и социальной. К этому все подготовляется, и всякий мало-мальски вдумчивый наблюдатель эту катастрофу если не предвидит, то предчувствует и к ней готовится, каждый по-своему, конечно... Всемирная война, внутренняя усобица, и вот — почва готова для воцарения и обоготворения дарующего мир миру, особенно если мир этот обещан им будет вместе с общей сытостью и даровыми развлечениями. Panem et circenses! Хлеба и зрелищ!

А зрелищ будет много. Мы этих зрелищ и теперь еще, и без антихриста много видим, а что будет при нем, с его знамениями и чудесами ложными?!. Хватит ли только на всех хлеба?

Святые Отцы Церкви утверждают, что хлеба-то именно и не будет, хотя золота, чтобы его купить, девать будет некуда.

Г.г. евреи, готовящие путь своему набольшему[1], потрудитесь-ка взвесить это обстоятельство!

27 марта

Наполеон I как антихрист по отзывам современников. Наполеон — Слово (Verbe) Революция. Причина падения Наполеона. Язык цифр, имен и названий. О. Варсонофий и его об этом речи. Лев Толстой и Ж.Ж.Руссо — предтечи антихриста. Язык цифр. 1885 — 1915-й год

Ожидание близ грядущего "человека греха, сына погибели" (2 Фес. 2, 3), лжемессии евреев, которым исполнено мое сердце, все продолжает возвращать меня мысленно к его первообразу, Наполеону I. Вот что еще пишут о нем его современники:

"Угрюмый, желчный, равнодушный к людям и мало любимый, точно обладаемый каким-то мучительным чувством, душу свою открывает только Бурьенну, да и то в порывах непримиримой ненависти".

---

[1] См. мою книгу "Великое в малом".

"Смеясь над идеями и народами, над религиями и правительствами, он играл с неподражаемым умением и бесцеремонностью людьми, верный себе в выборе средств и цели, изумительный, неистощимый виртуоз в уменьи подкупать, обольщать, соблазнять, запугивать и очаровывать, обаятельный, но еще более страшный, точно какое-то великолепное и дикое животное, ворвавшееся в стадо домашней скотины, мирно жующей свою жвачку".

"Я человек иного порядка, чем все остальные, — говорил он сам, — всякие законы нравственности и приличия писаны не для меня. Такой человек, как я, плюет на жизнь миллионов людей".

"Страх, который он внушал, вызывался исключительно странным действием его личности почти на всех, кто с ним сталкивался. Чувствовалось, что его не может затронуть никакое сердечное движение. На человеческое существо он смотрит как на факт или вещь, а не как на нечто подобное себе... Он не признает никого, кроме себя... В его душе чувствовалось какое-то холодное и острое лезвие, леденящее и наносящее раны; в уме — беспощадная ирония".

"Этот диавол в образе человека, — говорил про него один из его боевых генералов, Вандамм, — имеет надо мною какое-то обаяние, в котором я не могу дать себе отчета, и это в такой степени, что я, который не боюсь никого, готов дрожать, как ребенок, когда подхожу к нему; он мог бы заставить меня пройти сквозь

игольное ушко, чтобы броситься после того в огонь".

"Этот человек носил в себе что-то убийственное для добродетели... Все свои средства для господства над людьми он выбирал из числа тех, которые унижают человека... Он прощал добродетель только тогда, когда мог ее высмеять".

"У него была даже какая-то сатанинская усмешка, которая появлялась каждый раз на его губах, когда представлялся случай подписаться под необходимостью какой-нибудь резкой меры или осуждения".

6 марта 1799 года Наполеон взял приступом Яффу и отдал ее на разграбление своим солдатам, а жителей предал избиению. Когда солдатская ярость превзошла всякие пределы, тогда он для усмирения ее послал своих адъютантов, Богарне и Круазье. Они явились как раз вовремя, чтобы спасти жизнь четырем тысячам арнаутов, или албанцев, составлявших часть яффского гарнизона и избежавших общей резни. Как только Наполеон увидел эту массу пленных, он в негодовании воскликнул:

— Что же они мне прикажут делать с ними? Кормить их? Нет провианта. Отправить в Египет или Францию? Нет транспортов. Какой черт заставил их это сделать?

Адъютанты старались извинить себя тою опасностью, которой они могли бы подвергнуться в случае отказа этим людям в капитуляции; они напомнили Наполеону, что и посланы-то они были им в целях гуманности.

— Ну да, конечно, — возразил он с живостью, — с гуманностью в отношении к женщинам, к детям, к старикам, но не к вооруженным солдатам. Лучше было бы вам самим умереть, чем приводить ко мне этих несчастных. Что прикажете вы мне делать с ними?

10 марта все эти четыре тысячи человек были расстреляны по приказу Наполеона.

. . . .

“Я никогда не слышал, — пишет о Наполеоне Меттерних, — такого резкого, такого жесткого голоса. Когда он смеялся, то в улыбку у него складывался только рот и часть щек; его лоб и глаза оставались неизменно мрачными... Это сочетание улыбки с серьезностью производило впечатление чего-то страшного, пугающего”.

Тот же Меттерних говорит: “Стремление к всемирному владычеству заложено в самой природе его; это стремление можно сдержать и умерить, но подавить его не удастся никогда”.

И, наконец, в “Мемориале” под 30 ноября 1815 года сам Наполеон свидетельствует о себе в таких выражениях:

“Подчинить себе Европу и все человечество, добраться до этой вершины я мог бы только пройдя через всемирную диктатуру; ее я и домогался”.

. . . .

Разве все это не черты того антихристова образа, который нам, христианам, дан в творениях Св. Отцов Церкви: Ефрема Сирина, Иоанна Златоустого, Ипполита Римского, Иринея

Лионского, Феофилакта Болгарского, Кирилла Иерусалимского, Андрея Кесарийского? И подумать только, что попытка воплощения этого образа была совершена сатаною еще так недавно, что отцы наши знали его современников, могли знать даже его соратников.

Это не легенда, не миф — это почти вчерашняя очевидность! Полной своей реализации как всемирного царя и лжемессии образ этот не получил: на пути к ней восстала неодолимой преградой православная и самодержавная Россия, возглавленная благословенным Александром и сонмом преподобных во главе с Преподобным Серафимом Саровским. Тогда не было в Церкви Божией ни гапонов, ни петровых, ни семеновых, ни всех тех расстриг, что десятками и сотнями со дней возвещения пресловутой "свободы совести" опозорили своим отступничеством Церковь Русскую...

Кто теперь противостанет "грядущему"?..

. . . .

Еще черта, сближающая Наполеона с антихристом: Наполеон был сыном революции, ее воплощением, ее словом (Verbe), как он и сам себя называл, и как его называли многие его современники и историки. Теперь доказано, что революция эта была от начала до конца подготовлена и совершена масоно-еврейским заговором. Цель этого заговора разрушить христианский мир с его государственностью и на развалинах его воздвигнуть свое всемирное царство, где князьями будут евреи, а царем и

богом их мессия-антихрист. Сами иудеи теперь уже более этого не скрывают.

Наполеон по матери Летиции Рамолино, едва ли не вел своего происхождения от одного из колен (не Данова ли?) находящегося в рассеянии Израиля. Пусть это и не доказано, а только лишь предполагается. Но вот что доказано исторически, это, во-первых, то, что ближайшие к нему маршалы: Массена, "любимое дитя побед", и Сульт были евреи, а во-вторых, следующее: декретом 17-го марта 1808-го года, данным Наполеоном в Тюльери, было повелено:

1) Деньги, данные евреями взаймы несовершеннолетним, женщинам и военным, взысканию по суду не подлежат.

....

....

4) Новые переселенцы евреи в Альзас, сверх уже там живущих, не допускаются.

5) Прочие департаменты Империи доступны евреям только при условии, что они будут заниматься исключительно земледелием.

6) Каждый еврей должен отбывать воинскую повинность лично; заместители не допускаются.

В 1808-м году этот декрет был издан, а в следующем 1809-м году "тайной властью масонства" был сообщен всем масонским ложам свой декрет, постановивший "объявить Наполеона покинутым".

Конец карьеры Наполеона известен.

“Грядущему” это послужит наукой, и он “покинут” не будет.

А, все-таки, и ему и его отцу-диаволу один конец:

Геенна огненная.

. . . .

“Язык цифр”!...

Как-то раз о. Варсонофий спросил меня:

— “Знаете ли вы, что значит Калуга?”

Я подумал на город Калугу и не поняв хорошо вопроса, ответил незнанием.

— “Калуга”, — сказал батюшка, — “значит огражденное место. Таков и наш город Калуга. А чем он огражден, как вы думаете?”

— “Скажите, батюшка!”

— “Святыней нашего края — монастырями, где почивают святые мощи Калужских чудотворцев: преподобного Тихона Калужского, праведного Лаврентия и преподобного Пафнутия, игумена Боровского, нашей святой обителью с ее почившими великими старцами Львом, Макарием, Амвросием, архимандритом Моисеем, игуменом Антонием и прочими сокровенными Оптинскими угодниками Божиими.

Все это — Калуга, и счастливы вы, что Господь привел вас пожить в таком огражденном месте. И знайте, что очень часто название местности, в которой вы живете, фамилия лица, с которым вы встречаетесь — словом, название или имя в самих себе носят некий таинственный смысл, уяснение которого часто бывает небесполезно. Смотрите, в Ветхом Завете почти всякое имя что-нибудь да означает: Ева — жизнь, ибо она стала матерью всех живущих; Сам Бог по-

велевает Авраму называться Авраамом, “ибо”, — говорит, — “Я сделаю тебя отцом множества народов, а Сару — Саррой, не “госпожею моею”, а “госпожею множества”...

Итак, во всей Библии — название и имя всегда имеют сокровенный и важный смысл. Сам Господь преднарек Себе имя человеческое — Еммануил, что значит “с нами Бог”: и Иисус, “ибо Он спасет людей Своих от грехов их”. Видите, как это значительно и важно”.

— “Вижу, батюшка”.

— “Но, кроме этого, так сказать, языка имен и названий, существует еще и язык цифр, тоже сокровенный, значительный и важный, только не всякому дано расшифровывать его тайну. На что велика была тайна воплощения Бога Слова, а и она была заключена в таинственном счислении родов потомства Авраама: “от Авраама до Давида”, — говорит св. Евангелист Матфей, — “четырнадцать родов; и от Давида до переселения в Вавилон четырнадцать родов; и от переселения в Вавилон до Христа четырнадцать родов”. Замечаете цифру 14? Она повторяется трижды”.

— “Замечаю”.

“Она составлена из удвоения цифры 7, а 7 есть число в Библии священное и означает собою век настоящий, а веку будущему усвоена цифра 8, которою век этот и обозначается. Видите, что и цифры имеют свой язык?”

— “Вижу, батюшка”.

— “Ну и хорошо делаете, что видите: быть может, это вам когда-нибудь и пригодится”.

Вспоминаю я эти слова о. Варсонофия, и приходит мне на мысль: нашего ересиарха, Льва Толстого, многие зовут предтечей антихриста; так, кажется, его называл и покойный о.Иоанн Кронштадтский. Если Толстой, действительно духовный предтеча антихриста, то кому иному это звание, как духовного предтечи Наполеона, должно быть усвоено, как не Жан-Жаку Руссо? Как Толстым открылась новая эра в литературе, основанием которой легло сперва "непротивление злу", а затем и открытый союз со злом, так и Жан-Жаком Руссо, своими "Эмилем" и "Общественным Договором" положен был первый камень в основание школы энциклопедистов, духовно подготовивших французскую революцию 1793-го года, а, следовательно, и ее порождение — Наполеона I-го.

Попробуем обратиться к языку цифр.

Жан-Жак Руссо родился: в 1712-м году.

Наполеон I-й родился: в 1769-м году.

Через 57 лет.

Лев Толстой родился: в 1828 году

Новый Наполеон родился (?) в 1828+57=1885-м году.

Не может ли быть годом воцарения этого нового Наполеона в качестве всемирного, скажем, "супер-арбитра" (идея арбитража теперь усиленно навязывается народам) год 1915-й, когда ему исполнится 30 лет от рождения? и число имени его 666?

Как знать? Язык цифр — тайна, но он существует.

Числа имени Наполеона я не знаю, но имя это, написанное по-гречески и разложенное по слогам, в указанном ниже порядке, подтверждает слова о. Варсонофия, что и имена имеют свой сокровенный смысл и значение.

Ναπόλεων — Наполеон
πόλεων — государств
λέων — лев
ὤν — сущий.

Наполеон — лев государств.

Язык имен, названий, цифр.

Тайна!

Но нет тайного, что бы не сделалось явным. Откроется, долго ли, коротко ли, и эта тайна.

4 апреля

Дни радости и дни плача. Старец Исидор Гефсиманский и мой путь. "Ховье-Цион". "Ганнибал у ворот"

Вот прошла, как чудный сон, и Светлая седмица... Есть ли еще место на Руси, кроме ее святых обителей, где бы так торжественно и весело-радостно праздновалась Пасха Господня? Думается, что нет... И вот после дней радости вспоминаются мне дни плача моего...

Было это во дни, непосредственно предшествовавшие страшным дням октябрьских "свобод". Доходил до конца сентябрь 1905 года. В эти дни и в моей личной жизни совершался перелом великий, и стоял я, как в былине витязь, на распутье; а на распутье том столб, а на столбу слова:

Прямо ехать — живу не бывать,
Нет пути ни прохожему, ни проезжему,
ни пролетному...

А мне хотелось идти прямо, а не околицей...

У преосвященного Никона, в то время епископа Серпуховского, викария Московской митрополии, я встретился с одним из ближайших его сотрудников по изданию “Троицких Листков” и “Божией Нивы”, Д.И.Введенским. Встретились, разговорились и порешили, что надо мне повидаться, перед принятием какого-нибудь решения в обстоятельствах моей жизни, со старцем Гефсиманского скита, иеромонахом Исидором.

— Дороже всего вам помолиться у своего угодника, преподобного Сергия, — говорил мне Введенский, — потом жалуйте ко мне, а от меня к старцу, тем более что он вас знает по тем статьям, которые вы пишете.

Введенский был тогда преподавателем Вифанской семинарии и жил в Вифании.

Так я и сделал.

И сказал мне старец Исидор:

— То, что ты замыслил, не твой путь; а читай-ка ты почаще житие преп. Феодота-Корчемника: это тебе больше подойдет. Память этого Божия угодника празднуется 18 мая. Возьми Четь-Минеи, да и читай почаще это житие.

Так я и сделал. А в житии том, между прочим, сказано следующее:

“Тогда бысть Христова Церковь, аки корабль посреде волн зельных бедствуяй, и погряз-

новения боящься: нечестивии бо нападающе на домы верных, расхищаху вся, извлачаху же мужей и жен, юнош и девиц бесстудно, и овыя к нечистотам своим сквернии человецы, овыя же ко узам и темницам влачаху: и несть мощно изрещи беды оныя, во время тое на Церковь бывшия. Иереи от храмов Господних бежаша, двери отверсты оставивше, и не обреташеся бегающим от беды место, в немже бы скрытися. Разграбленным же бывшим имениям, належаше глад, паче всякия муки тягчайший: тогда ходящий по пустыням и крыющиеся в горах и вертепах мнози, не стерпевше глада, вдашася в руки нечестивых, надеющеся некия от них милости. Тяжко убо бе тое зло беглецем оным, изряднее же тем, иже во многом довольстве и изобилии бяху воспитани, а тогда корение грызяху пустынное и зелием дивиим от нужды питахуся...

Федот же блаженный... не корчемствоваше бо тако, якоже неции о нем мнят, аки бы да злато соберет, но нарочно корчемствовати притвори себе, да корчемницу свою пристанище и покой безбоязнен сотворит гонимым братиям..."

И вот, едва ли не с первых дней переселения нашего в Оптину, началось на нас с женой исполнение слова гефсиманского старца Исидора: дом наш, по обилию посетителей, стал действительно походить на гостиницу.

Кого-кого только в нашей "корчемнице" за протекшие годы не перебывало! Даже один французский виконт пожаловал, а своих, русских, и не перечислить!..

Похоже ли современное состояние Православной Церкви Божией на то, в котором она находилась во дни пр. Феодота-Корчемника? Сбываются ли на ней слова старца Исидора? Думается, что и тут не прошло мимо его прозорливое слово: той силы явного, открытого гонения еще как будто не видно, но скрытое, упорное, последовательное уже началось, и притом не со вчерашнего дня.

Не за горами завтрашний день, а за ним — и явное.

В "Колоколе", от 15-го февраля, сообщено, что на этих днях, в Одессе, открылся съезд евреев-палестинофилов ("Ховье-Цион"). Ведется агитация о немедленном переселении в Палестину.

В книге моей "Великое в малом", издания 1905-го года, в статье "Антихрист, как близкая политическая возможность", говорится так:

"Наступает время, перед которым побледнеет Пугачевщина и Разиновщина. И пока мы внутри себя будем сводить огнем и мечом безпорядочные домашние счеты, русский и европейский Израиль, прикрываясь движением так называемого сионизма, выберется в Палестину, как черные тараканы из дому, которому угрожает пожар, и оттуда мановением жезла своего всемогущего синедриона бросит на русских и европейских богоотступников, в полной безопасности для себя, несметные желтокожие орды, вооруженные на капиталы Сиона по последнему слову братоубийственной науки"[1]

---

[1] "Великое в малом", изд. 2-е, 1905 г. 416 стр.

Нарыв всемирной бойни, по всем признакам, назревает; России предназначается стать его стержнем, окруженным воспалительным процессом со всех сторон: с юго-запада — ожидовленная Ротшильдовская Австрия; с запада — Германия Блейхредера, Мендельсона и К°; с севера — Финляндия Мехелина, Воймы и жидовских агитаторов из "Речи", с юга — Кавказ и скрытая армянская революция, поддерживаемая Турцией, находящейся в когтях жидов из младо-турецкого комитета "Единение и Прогресс" и, наконец, с востока — желтый поток "обновляемого" Китая во главе с "обновленной" нашей кровью, на деньги американских жидов, Японией — это ли не гениальный план всеобщего разрушения, достойный его вдохновителя, диавола?!

"Великая" французская революция и плод с ее дерева — Наполеон — не жалкая ли это игрушка в сравнении с той мировой катастрофой, которая теперь подготовляется на виду у всех, кто только хочет видеть?"

"Hannibal ante portas!" "Ганнибал у ворот!"

Новый Наполеон уже где-то дозревает... Где только?

До открытого им гонения на Церковь Божию близко. На западе Европы оно идет уже давно

Помилуй нас, Господи, помилуй нас!

7*

6 апреля

Сказание одного из наших богомудрых о монахе Савватии и иеродиаконе Филарете

Заходил сегодня один из наших богомудрых.

— Какие люди были прежде, а какие теперь стали! — сказал он к разговору. — Какие тогда были монахи, а мы-то!.. — и он горестно махнул рукой. Я подумал с еще большей горечью: если ты про себя так говоришь, батюшка, то мы-то что тогда?..

А он продолжал:

— Уж не будем поминать наших почивших старцев — это были при жизни чудотворцы, — возьмем рядовых монахов: ну хоть Савватия, иеродиакона Филарета больничного — это все почти наши современники, трудники монашеского подвига 80-х годов только что кончившегося столетия: не более тридцати — сорока лет нас от них отделяет, а насколько выше они стояли в подвиге даже лучших из нас, теперешних! И каких зато они откровений удостаивались! Нам о таких и думать не приходится... Вот расскажу вам об одном из таких откровений. Скончался преподобно и праведно иеродиакон Филарет, при жизни с необыкновенной любовью несший послушание в больнице, но немало страдавший от клеветы человеческой. О. Савватий его очень любил и горевал, что лишился в нем сердечного себе друга. И вот занездоровилось как-то о. Савватию; прилег он на скамеечке у себя в келье, заснул и видит такой сон: вошел он будто бы в святые ворота неизвестно-

го ему монастыря, а в монастыре том три храма. Захотелось ему осмотреть этот монастырь. Сначала он направился в тот из храмов, который был от него направо, подошел к нему да у входа остановился, боясь войти туда, и стал прислушиваться. Вдруг слышит, что внутри храма кто-то разговаривает. Сотворил о. Савватий молитву; ему ответили: аминь! Он вошел, но очутился не в храме, как предполагал, судя по внешности, а в какой-то келье, в которой сидело три молодых монаха в подрясниках и шапочках наподобие афонских, каждый за маленьким столом с письменными принадлежностями. Комната имела вид канцелярии.

Монахи разговаривали о том, какую пользу приносит усопшим поминовение, при этом они вспоминали некоторые места из Св. Писания, из св. Отцов, поминали они в разговоре и слово св. Григория Двоеслова, и других.

— Какой это монастырь? — спросил о. Савватий.

Ему ответили:

— Симонов.

— Что же это за храм направо стоит? — продолжал он спрашивать. — И почему около него такая зелень и деревья в цвету, тогда как везде зима?

(О. Савватий сон свой видел в ночь с 29-го на 30 января 1886 года.)

— А в этом храме, — отвечают ему, — приносится бескровная Жертва за души новопреставленных. Милосердием Божиим усопшие получают от поминовения великую пользу:

грешникам прощаются грехи их, а праведники получают большую благодать.

Такое рассуждение молодых монахов очень понравилось о. Савватию, и он сказал им:

— Вот у нас недавно умер очень хороший и близкий мне человек...

— Это вы про о. Филарета говорите? — спросили они его.

— Да, про него.

— А не хотите ли вы его видеть?

Сердце о. Савватия так и замерло от радости.

— Да, я бы желал! — сказал он робко.

Тогда тот из монахов, который казался постарше, сказал младшему:

— Доложите, что желают видеть о. Филарета.

Тот пошел и, возвратившись очень скоро, позвал о. Савватия следовать за ним. Ввел он его в соседнюю комнату, внутри которой находилась лестница, с которой как раз в это время сходил юноша лет восемнадцати, в светлом стихаре.

— Вам о. Филарета? — спросил он о. Савватия. — Пожалуйте за мной!

Они пошли вверх по очень крутой лестнице, и о. Савватий, несмотря на свою обычную боль в ноге, которой он страдал издавна, не чувствовал ни боли и ни малейшей усталости и шел, как будто по воздуху.

Долго поднимались они, пока не достигли опять какого-то храма огромных размеров, с необыкновенно высоким куполом. Храм был круглый, и в нем иконостаса не было. Под ку-

полом были видны лики святых, расположенные группами, как будто на облаках. Между ними о. Савватий рассмотрел лик мучеников, лик святителей, преподобных и других святых, от века благоугодивших Господу... Внизу под ними был виден ряд икон, а наверху, несмотря на отсутствие окон, изливался откуда-то необычайный свет. О. Савватий остановился в немом восхищении перед этим дивным светом и видит, что все изображения святых внезапно ожили, начали двигаться и беседовать между собою.

Это крайне поразило о. Савватия.

— Вы о. Филарета ищете? — спросил его кто-то из них. — Его еще здесь нет. Ему готовится место с праведниками и юродивыми.

Тогда о. Савватий, обратясь к своему спутнику, шепотом спросил его:

— Разве он лишен монашества?

— Не лишен, а еще повышен, — отвечал он.

Пошли они дальше и, повернувши направо, вошли уже в настоящий храм, которому тот храм служил как бы преддверием. Оба храма эти были соединены аркою. Боковых приделов там не было. Везде горели лампады. Кругом храма шли хоры.

О. Савватий стал глядеть на иконостас, но, заметив, что проводник его смотрит кверху в противоположную сторону, быстро повернулся и, взглянув туда же, увидал на хорах о. Филарета.

— Филарет, ты ли это? — воскликнул он.

— Я, — ответил, кланяясь ему, о. Филарет.

Лицо у о. Филарета было очень веселое; одет в светлый стихарь, перекрещенный орарем. Стоит, опершись обеими руками на перила хор, и, держа в руках бумажный свиток, ласково смотрит на о. Савватия.

— Можно ли мне с тобой повидаться? — спросил о. Савватий.

— Можно! — сказал, улыбаясь, о. Филарет.

Стал искать о. Савватий лестницу, чтобы подняться на хоры, но лестницы не оказалось. И говорит он о. Филарету:

— Где ж к тебе войти?

— Входи, — ответил о. Филарет, — я помогу тебе.

Думая, что он ему подаст веревку, о. Савватий спросил его: “Почему же здесь нет лестницы? Как же ты-то взошел сюда?”

— Меня вознесли сюда, — ответил о. Филарет, — клеветы человеческие. Прежде я стоял там же, где и ты теперь стоишь.

И лицо о. Филарета из веселого вдруг сделалось печальным.

И только о. Савватий успел помыслить в сердце своем: Филарет, ты был при жизни так милостив к клеветникам твоим! — а уже о. Филарет в ответ на эту мысль говорит:

— Я всегда сожалел и прежде о тех, которые клевещут, а теперь и еще более того жалею о них. Теперь я на опыте узнал, что клевета на брата вменяется клеветнику в тот же самый грех, в котором он оклеветал брата. В этом же грехе он и осудится, если только не покается.

И опять подумал о. Савватий: Филарет, у тебя столько было любви к ближнему! И на эту мысль опять Филарет ответил ему:

— Только здесь и можно узнать, какое великое воздаяние бывает от Господа за любовь и милость к ближнему. Вам, сущим еще на земле, и понять этого невозможно!

— Хорошо ли тебе? — хотел было спросить его о. Савватий. А тот молча уже развернул свиток, который держал в руках, и о. Савватий прочел написанное там большими блестящими буквами:

"Праведницы во веки живут, и в Господе мзда их".

При конце каждой строчки божественных слов этих стояло по золотой, ярко сиявшей звездочке.

Тут как будто на хорах отворилась дверь, и о. Филарета кто-то позвал, и он, поклонившись, удалился.

На этом о. Савватий проснулся.

Болезни, которую он чувствовал, ложась спать, как не бывало; больные ноги стали как здоровые. Душа его была преисполнена неизъяснимой радости и восторга.

Такое-то вот сказание слышал я сегодня от одного из наших богомудрых, удостоивших посетить наше пустынножительство.

И хотел было я предложить ему вопрос: можно ли каким бы то ни было снам верить? Но не предложил, ибо **и моя душа была преисполнена неизъяснимой радости и восторга.**

20 апреля

Видение в Шамординой. О.Памва, простец оптинский, и протоиерей о. Александр Чагринский (Юнгеров). "Христианин" и мужик. "Антихриста дождемся"

Давно не заглядывал в свои записки: все это время был занят приготовлением к печати рукописи своей "Святыня под спудом" и разбором старых писем. Много их накопилось за последние годы; многие из них обречены на уничтожение, но есть такие, с которыми не только жаль расстаться, но хочется их перенести даже на страницы моего дневника, чтобы как-нибудь не затерялись...

Вчера к нам заглянули и чай пили у нас о. Нектарий, о. Варсис и о. Памва. О. Варсис служил на днях в Шамординой. Его сестра ездила в Петербург, в Иоанновский монастырь, вернулась на днях обратно и заказывала у себя, в Шамординой, заупокойную обедню по о. Иоанне Кронштадтском. За "Херувимской" одна больная монахиня внезапно увидела о. Иоанна, который вместе с великим входом вошел в алтарь царскими вратами. Монахиня закричала:

— Батюшка, возьми меня!

К ней подбежали, думая, не случилось ли с ней чего.

— Да разве вы не видели батюшки? — изумилась она. — Ведь вот он, только сейчас вошел в алтарь!

Раньше ничего подобного с этой монахиней не случалось.

О. Памва — один из простецов оптинских; старик, годам к семидесяти; уроженец самарских степей. Много он мне рассказывал про ихнего самарского о. Александра (Юнгерова), протоиерея, кончившего земную жизнь свою в Чагринском женском монастыре. По рассказам о. Памвы, да и по другим, в разное время доходившим до меня слухам, истинно великий был это пастырь словесных овец Христовых. Это он направил о. Памву в Оптину.

— По грехам твоим, — говорил он о. Памве, — давно бы тебе надо было гореть в геенне, да сердцем-то ты прост, и за то милует тебя Господь. Только бросай, брат, свои скверные дела, рассчитайся с миром и иди в Калужскую губернию, в Оптину пустынь; там поработай Господу и обители, сколько сил хватит, и, Бог милостив, спасешься. Прост ты и неграмотен, этим ты не огорчайся: таким Господь тайны Свои открывает, а от премудрых и разумных скрывает. Увидишь ты и блаженное царство жизни будущего века, и муку вечную — много такого даст тебе Господь видеть, о чем грамотные и в уме не содержат...

— И все это, — обращаясь ко мне, сказал о. Памва, — я видел, да и теперь, братец ты мой, вижу.

— Что же ты, о. Памва, видишь?

— Бесов вижу, все козни бесовские вижу... Мне и о них о. Александр сказывал, что я их буду видеть: вот и вижу.

— Какие они? — спросил я о. Памву.

— Ну, братец, — сказал он, — о них лучше тебе не знать и не спрашивать.

— А что?

— Больно гнусны уж! Я, бывает, их и вижу, да и не рад, что и вижу. И силу ж они теперь забрали над миром! Несдобровать миру!

— А крест-то на что?

— Крест?! Крест, братец ты мой, сила неодоленная там, где кресту веруют и по кресту живут. А в миру, братец ты мой, как живут-то теперь? В миру живши, не кресту теперь служат, а диаволу и всей похоти его. В миру, братец ты мой, не Христа теперь на помощь призывают, а диавола зовут. Вон, мужики мимо гостиницы о. Пахомия дрова в Козельск на станцию возят; послушай-ка, кого они все поминают? Да все "его" ж! Прежде хороший крестьянин что бы ни делал, все — "Господи Иисусе Христе" да "Господи Иисусе Христе". Потому-то он и был "христьянин", что Христа поминал. А теперь он стал мужик, да не простой мужик, а вражий, а все потому, что к каждому слову или "врага" поминает, или мать позорит и проклинает. Враг-то сам по себе, без зову бы не пришел и не мог бы прийти — ему благодать крещенская доступу бы к человеку не дала, — ну, а ежели самовольно "самосильно" зовут его? Ну, тогда он тут как тут, с нашим, значит, удовольствием! И стал, братец ты мой, мир теперь уже не Божий, а вражий... Мне покойный о. Александр еще годов с двадцать тому назад сказывал, что антихрист в миру одной ногой уже стоит, а другую заносит: скоро, значится

(о. Памва говорил не “значит”, а “значится”), придет время ему и на царство поступать; не миновать — дождемся!

— Если не покаемся, — возразил я.

О. Памва махнул рукой:

— Ну, этого-то вряд ли дождемся!

Много разных чудес из своей сокровенной жизни сказывал мне простец о. Памва, но мое сердце больше всего задели его слова об антихристе. Протоиерей о. Александр Юнгеров, прославленный своей богоугодной жизнью и прозорливостью во всем Саратовском и Самарском Поволжье, я, человек книжный, и сын простого народа, когда-то пахарь, а теперь монах-духовидец, — и все мы трое одномысленны:

Антихриста дождемся!..

Да, дождемся, если не обратим сердец наших к покаянию и не принесем плодов, его достойных.

22 апреля

“Будем записывать! 1905-й год в России и на Афоне. Записки моего приятеля: Иерусалимские впечатления; великая суббота в Иерусалиме

Дождемся ли мы антихриста, или не дождемся, про то Бог весть, а дело свое делать нужно. Вложил мне Господь в руки перо, посадил на берегу Божьей реки, у ограды Оптинской: пиши, раб Божий Сергий, записывай все, что, как Божий дар, в часы твоей молитвы внесет река в раскинутые мрежи.

Будем записывать!

Эти дни что-то потише стало в нашем доме. И в самой Оптиной народу поменьше, особенно из так называемой "интеллигентной публики": можно подольше беседовать со своими записками.

Вот, передо мною лежат записки с Афона одного сердечного моего друга по вере и общим христианским упованиям. Писаны они были им в виде дневника в памятный 1905-й год. Долго год этот будут помнить и Афонские иноки, и русские люди! Недаром мы — родные братья по духу с Афоном.

— "Возьмите", — говорил мне мой друг, — "эти записки и делайте с ними, что хотите. У меня они пропадут, а вам, быть может, для чего-нибудь и пригодятся".

Вот дошел теперь черед и до этих записок.

Приятель мой был торговец и в 1905-м году ушел на старый Афон искать "небесного Иерусалима". Теперь он опять торговец, но любви к доброму монашеству не утратил и, когда есть время, наезжает в Оптину помолиться Богу, поговеть, побеседовать со старцами, поплакать со мною о том, что было и что стало на земле родной...

Хороший человек; святая душа!

Записки его охватывают период времени от 20-го марта 1905-го года по 30-е мая 1906-го.

Тогда на Афоне тряслась земля[1], а у нас — великое русское царство.

Знаменательное совпадение!

---

[1] Известное землетрясение на Афоне.

"Господи, благослови!"

Так начинаются записки моего друга.

"Сего 1905-го года, марта 20-го дня, в воскресенье, выехал я в Киев, где на Благовещение приобщался Святых Христовых Таин. В тот же день выехал в Одессу, откуда 29-го марта, на пароходе "Лазарев", отправился через Константинополь в св. град Иерусалим.

В пути я обрел себе двух компаньонов, одного из Кимр, а другого из Одессы — оба простосердечные, хорошие люди, с которыми мы безпечально совершили путешествие до самого Иерусалима. Море было поразительно хорошо.

Константинополь дивно прекрасен по местоположению, но за то население его — это нечто невыносимое по внешней грязи, производящей удручающее впечатление. Если бы не подворье Афонских монахов, то добром бы и не помянуть мне Константинополь.

Попутные города не лучше.

10-го апреля 1905 года, на Вербное воскресенье, в 6 часов пополудни мы прибыли в святой град Иерусалим. На другой день с неразлучными своими спутниками отправился в желанный великий и святой храм Воскресения Христова, где Голгофа, где гроб Господень, откуда "возста Господь, яко от чертога".

Сердце билось и трепетало, как голубь крыльями...

Но, увы, уже на пути к храму, чувства мои были парализованы частью утомлением от большого морского переезда, но больше обстановкою того пути, по которому пришлось идти

к храму: гул и гам от крика и говора всевозможных народностей, со всего света собравших своих представителей в этот духовный центр всего мира, рев ослов и других животных; вид калек и грязных, нахальных нищих, назойливо требовавших подачки; улицы, грязные, узкие, усеянные грубыми и грязными торговцами разной мелочи и полуживыми бродячими собаками — все это расхолаживающе и угнетающе подействовало на мою впечатлительность, и, входя в храм, я уже не испытывал чувств никаких.

В храме опять грязь греческого неблагоговейного хозяйничанья, жадность проводников — умиления как не бывало. Наш проводник, желая поскорее от нас отделаться, чтобы захватить новую партию паломников в добычу, толкал нас чуть не по шее, заставляя на рысях прикладываться к показываемой святыне. Это переполнило чашу нашего терпения, и мы ушли с горечью, чуть не плача от разочарования.

На другой день — другое искушение. Пришли в храм и пожелали в нем остаться на ночь. Турецкая стража на ночь запирает его от 8 вечера часов до 3 или 4 утра. На меня и на моих спутников напал сон, и нам предложили уснуть на хорах, где были разостланы грязные ковры с грязными тюфяками и подушками. Не более двух — трех часов пролежали мы на них, и набрались такого множества всевозможных насекомых-паразитов, что потом долго от них не могли отделаться.

Но всем искушениям настал конец перед неописуемым величием и силой впечатления дня 16-го апреля, Великой субботы, во время так называемой "Благодати", схождения святого огня, благодатно сходящего свыше на Гроб Господень. Собственно говоря, по торжественной праздничности этот день в Иерусалиме и есть Пасха: к этому-то именно дню и стекаются паломники со света: кто ревнитель благочестия, кто ради праздного любопытства или приключений и сильных ощущений — словом, люди всякого сорта и всевозможных национальностей.

Уже со страстной пятницы город кипел народом; улицы и без него тесные, стали непроходимы; в воздухе шум и гомон стояли невообразимые...

Храм еще с вечера на субботу был оцеплен турецкими войсками и постепенно наполнялся народом, заблаговременно покупавшим себе места, ценою от 50 коп., на наши деньги, до 10 рублей.

Мы решили идти в храм в субботу в 9 часов утра. В нашей миссии нам было объявлено, что служба в Воскресенском храме перед "Благодатью" начнется около часу дня. Народ огромными толпами направлялся к храму. Лавки все были закрыты. Близ храма народу было — пушкой не прошибешь. Солдаты турки отгоняли народ плетьми, но и это мало помогало — народная волна все приливала и приливала.

...Что будет дальше? Как нам пройти?.. Господи, благослови! — и мы нырнули в тол-

пу, как в океан, который нас, на гребне своей волны, вынес в самый храм.

На наше счастье, по милости Божией, еще оставались продажные места для присутствования в храме на богослужении. Мы заняли места в первом ряду, близ Кувуклии, но турецкая стража схватила нас за шиворот и вытолкала в главный храм. В главном храме нас ожидала та неприятность: там паломники спихнули нас с передовых позиций. Показное смирение уступило место грубому эгоизму; каждому было дело только до самого себя. Повсюду слышалась брань; все толкались. Но, к радости нашей, то не были наши русские паломники, а греки и другие иностранцы. Эти без всякого стеснения готовы дать по шее, лишь бы самим занять место поудобнее.

Тяжело было бороться за место, да и жара к тому же стояла невыносимая, но нечего было делать — надо было держаться до часу начала богослужения, до получения благодатного огня, этого великого чуда милости Божией.

С двенадцати часов дня греческое духовенство начало готовиться к богослужению. Нами и всеми присутствовавшими стало овладевать лихорадочное нетерпение. И, Боже милостивый! — что только тут начало твориться с арабами, коптами и абиссинцами — с темнокожими нашими единоверцами! Такой поднялся топот и гомон, что этого и передать невозможно... От такого неблагочиния состояние моего духа понизилось еще на несколько градусов. Впору было уйти вон из храма...

Наконец, около часу дня, патриарх в одном хитоне вошел в Кувуклию и был заперт там. Ожидание стало еще более лихорадочным. И, вдруг, шум затих, все замерло, и наступила такая тишина, что слышно было только биение одного тысячегрудного сердца всей массы находившихся в храме. Минуты переживались неописуемые, неизобразимого, священного, какого-то никогда неиспытанного, духовного томления...

Около двадцати минут второго в отверстии Кувуклии показался патриарх Дамиан с пуком огня, и от этого огня мгновенно запылал весь храм.

Что было со мною — писать отказываюсь: такой восторг, такой подъем духа, такой трепет!.. Я был вне мира, где-то над землей, в надмирной вечности, в пещи огненной с тремя отроками, неопаляемый пламенем ее седмеричного разжжения. И, действительно, я был в море огня, который не опалял и не жег, несмотря на то, что кругом меня люди совали себе его в рот, огнем крестили лицо, волосы, руки. Я и на себе самом испытал это необъяснимое, дивное свойство этого неопаляющего благодатного огня.

Такое свойство благодатный огонь сохраняет в себе только несколько минут, после чего становится обыкновенным, стихийным.

На первый день Пасхи Иерусалим наполовину опустел. Мы этот нареченный и святой день встретили в нашей миссии, по-российски, но не так восторженно-радостно, как дома: благодатный огонь несколько умалил красоту это-

го великого дня, подавив силою впечатления все наши чувства.

"Огонь пришел Я низвесть на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!"[1].

Ты и низвел его, Господи! Он со дней Твоих земных невещественно горит в сердцах Тебе верных, а вещественно — каждогодно на честном Гробе Твоем в Иерусалиме.

Слава силе Твоей, Господи!

23 — 30 апреля

Продолжение записок моего приятеля: Афон. О.Никодим. Путешествие по Афону. Отъезд паломников. "Будничный" Афон и землетрясение 1905 года. Конец Афонским запискам и послушанию моего приятеля

Из Иерусалима мы отправились на Афон, куда прибыли с Божиею помощью, благополучно в мае 1905-го года.

Афон нас поразил своим величием и красотою. Пантелеймоновские монахи встретили нас чрезвычайно радушно, тем еще более, конечно, расположили нас к Афону. Особенную любовь к богомольцам проявлял начальник фондарика[2], известный всем афонским паломникам о.Никодим[3]. Об этом любвеобильном человеке я слышал еще на пути из Иерусалима, почему и направил свои стопы прежде всего в монастырь Св.Великомученика Пантелеимона, что-

---

[1] Лук. XII, 49.

[2] Гостиница.

[3] Ныне умерший.

бы от о.Никодима испросить благословение остаться навсегда на Святой Горе Афонской. Но в Пантелеимоновском монастыре, как большом и шумном, у меня не было намерения оставаться.

О.Никодима я удостоился увидать в самый день моего приезда, и, действительно, старец этот поразил меня своею любовью. Рассказал я ему вкратце свое положение, объяснил ему, что предпочитаю стать бродягою на Св.Горе, чем вернуться обратно в мир, и в ответ услышал от него такое слово:

— "Довольно! Клади три поклона перед Св.Великомучеником Пантелеимоном: отныне ты будешь ему служителем. Господь привел тебя сюда".

И я безповоротно решил навсегда остаться в этой обители, привлеченный к ней любовью о.Никодима.

Прибыли мы на Афон в пятницу и в Пантелеимоновском монастыре пробыли до понедельника, а в понедельник, после обеда, о.Никодим отправил нас с монахом С. путешествовать по Св. Горе.

К вечеру мы пришли в Андреевский скит. Ничего я не нашел в нем достопримечательного, кроме грандиозного собора; во всем же остальном этот скит — копия монастыря Св.Пантелеимона, только значительно ниже своего оригинала.

На следующий день мы посетили Георгиевскую келью, расположенную у подошвы горы — шпиля. От нее надо было совершить восхож-

дение на вершину Афона. Мне очень не хотелось этого, тем более, что трудность восхождения не окупалась красотою видов, так как шпиль Афонской горы почти всегда покрыт облаками и туманами. И, действительно, очень крутой подъем на шпиль оказался крайне затруднительным и продолжался около трех часов, измучивших меня до того, что пот лил с меня градом, когда я и мои спутники добрались, наконец, до вершины, где мы увидели греческую церковь, по обыкновению, бедную и неопрятную, как и все отселе виденные мною греческие церкви. В этой церкви мы прочитали акафист Покрову Пресвятой Богородицы.

Если подъем на гору был тяжел, то спуск был прямо ужасен, угрожая нам ежеминутно падением в пропасть и конечною гибелью. Но, слава Богу, спустились мы благополучно, употребив на спуск около двух часов. Видов из-за тумана никаких не видали, да и ничего, кроме камней, холодных и бесплодных, тоже не видели, ибо растительности вверху, кроме редких цветов по расщелинам, нет никакой.

После спуска, зашли мы в Георгиевский монастырь; оттуда, подкрепившись пищею, отправились в греческий Афанасьевский монастырь и в нем ночевали. Наутро пошли на источник Св. Афанасия, явившийся по повелению Царицы Небесной, и в его святых, чистых струях удостоились омыться. Какое обилие воды! и что за вода! — светла, как хрусталь, и сладка, как манна. Все поклонники были необычайно утешены и со свежими силами двинулись отту-

да в греческий Иверский монастырь, где слушали обедню и прикладывались к чудотворной Иверской иконе Божией Матери, Вратарницы Афонской и Московской заступницы, красы Первопрестольной. Икона эта невольно вызвала во мне воспоминание о недавно покинутой мною Москве, об оставленных в ней близких...

Облобызав несколько раз, с умиленными слезами, эту святыню, отслужили перед нею молебен, приложились к почивающим в обители мощам и к обеду отправились в Артемьевскую пустынь. Чудная пустынь — чистенькая, приветливая, хлебосольная!..

Ильинский скит, куда мы прибыли к поздней обедне, был последним этапом, где наше общее путешествие кончилось. Отсюда я с одним из своих спутников отправился в Сретенскую пустынь, до которой от Андреевского скита не более получаса ходьбы. Там я должен был встретиться с о.В., подвижником этой пустыни, с которым я познакомился в пути от Одессы, и который звал меня в свою обитель с тем, чтобы в ней и обосноваться для монашеского подвига. К великому нашему горю, о.В. не было дома: он уехал по делам в Солунь. Вероятно, насельники его келлии были уже им предупреждены о возможности нашего прихода, ибо нас приняли так радушно, что мы забыли даже и об о.В. и о неудавшемся с ним свидании. Впечатление и от пустыни, и от братии было самое лучшее; к тому же и местоположение, с чудным видом на Андреевский скит и Карею, нам чрезвычайно понравилось.

В пустыни находится небольшое жилое здание, ветхое, но уютное, окруженное хорошим, хотя тоже небольшим, садом и огородом. На всем какой-то семейный, а не казенный, отпечаток. Есть церковь, есть звонница, трапезная и другие монастырские постройки, как и в больших монастырях. Служба отправляется тоже по чину больших афонских обителей.

Пока нам готовили чай, мы, по предложению заместителя старца о.В., диакона, молодого и очень добросердечного человека, осматривали пустынь, которая на нас произвела самое отрадное впечатление. Церковка маленькая, человек на пятнадцать, но чистенькая и убранная с необыкновенной любовью. Все было дешевенькое, но все блистало чистотой и благоговеинством. И пришло мне на ум: не такова ли была первая Церковь, апостольская? Не здесь ли любовь неотпадающая? Не здесь ли братское между собою единение? Не здесь ли все общее, един дух и едино сердце? Но как узнать это?..

Трапезная устроена также человек на пятнадцать. И в ней тоже чистота отменная. Вся она украшена священными изображениями. Келлии маленькие — с трудом поместиться одному. Настоятельская келья побольше, но все-таки не более, как на полтора человека. В ней меня и поместили на ночь. На кровать старца я, однако, не посмел лечь, и под свой ночлег занял то место в келье, которое могло быть занято только пол-человеком; на нем я и устроился, хотя и не без труда, но спал отлично.

Наутро о.диакон водил нас осматривать сад и огород. Всего понемногу, но все там есть: и виноградник, и плантация масличных деревьев, и смоковницы, и другие фруктовые деревья. Мы видели также небольшой источник ключевой воды с резервуаром.

Но вот нас попросили на террасу к чаю, который был подан с отличным свежим вареньем и вкусным белым хлебом. Поблагодушествовав за чаем, мы с о.диаконом пошли в церковь, где он начал править вечерню со своими и с соседними келлиотами. Это было под воскресенье.

После вечерни нас опять пригласили на трапезу. Все было приготовлено замечательно вкусно. Трапеза стояла из трех блюд, подаваемых прямо с огня. Видно было, что готовил мастер своего дела. С тех пор как мы уехали из дома, мы ничего подобного не только не ели, но и не видали. Потеряв тут меру строгого монашеского правила, мы не стесняясь, уписывали предлагаемое. Отцы поощряли нас, подкладывали и подливали: и оказалась трапеза наша более чем обильной по вине все того же искусника — повара, жившего, оказывается, в миру в лучших кухнях. Много мы были ему благодарны за угошение. В пустыне он живет первый год.

После трапезы, мы пошли с о.диаконом в церковь править повечерие, после которого нам было предложено подкрепиться сном, а сам о.диакон отправился просить священника, чтобы на утро, ради воскресного дня, служить утреню и литургию.

Утреня была в 2 часа ночи, а за нею вслед обедня, отслуженная очень парадно, с красным звоном и с певцами из других келлий. Товарищ мой был от всего в полном восторге.

По окончании службы, нас попросили к чаю. С нами были приглашены и служивший священник, и гости, монахи-келлиоты. Все были одеты чисто, по-праздничному. У всех монахов были приятные, простые, добродушные лица.

Хорошо нам было в этом обществе!..

После чаю все отправились на трапезу, где все вели себя чинно, но вместе с тем и вполне непринужденно, весело, по-праздничному. Обед состоял из трех блюд, великолепно приготовленных, и с хорошим вином в изобилии. В заключение нам двоим подали чай с душистым вареньем и сдобными баранками. Потом мы с соседским священником, служившим в келлии литургию, опять сходили в церковь, где кое-что пропели и сделали отпуст. Мы не находили слов благодарности за такой радушный прием. Монахи дали нам провожатого, и мы с большим сожалением расстались с этим благословенным уютным уголком.

Когда из паломничества по Афонским святыням мы вернулись в Пантелеимоновский монастырь, то там нам было объявлено, чтобы мы с понедельника начали говеть к четвергу для приобщения в этот день Св. Христовых Таин. В этот же четверг желающие могли отправиться на пароходе в Одессу.

В четверг я приобщался за ранней обедней на фондарике, в церкви Преображения Господня.

После обедни о.Никодим отслужил отъезжающим поклонникам напутственный молебен, после которого сказал им теплое прощальное слово. Потом была трапеза, после которой о.Никодим принимал всех отъезжающих у себя в келье. Всем им он надавал и книг, и икон на благословение и вновь сказал несколько задушевных слов. После благословения у себя в келье, о.Никодим повел поклонников к о.Архимандриту, где они все до единого вновь получили благословение и книгами, и иконами, и просфорами. Надо было видеть восторг поклонников от всей этой благодати!

В 4 часа отъезжавшим была предложена вторая трапеза, после которой они отправились на пристань Дафну, находящуюся в 5 верстах от Пантелеимоновского монастыря, чтобы там сесть на пароход, отправляющийся в Одессу.

В местной монастырской бухте к 6 часам вечера, 19-го мая 1995-го года, уже была готова к отплытию в Дафну флотилия монастыря. На баркас и две лодки уселись около трехсот паломников. Багаж их уже был уложен раньше. Общий любимец всех поклонников, о.Никодим, сам вышел их провожать. И тут происходили умилительные сцены прощания. Энтузиазму, казалось, не была предела.

— “Прощай, дорогой Афон! Прощай, дорогой отец Никодим”! — раздавались крики: “благослови нас, чтобы благодать Афонской

горы пребывала всегда с нами и с нашими близкими"!

Пока готовились отчаливать, некоторые по нескольку раз выходили из лодки, чтобы передать что-либо о.Никодиму, или еще раз принять от него благословие, поцеловать еще раз его руку и одежду. И он с неиссякаемой любовью отверзал свои объятия всякому из случайных духовных чад своих, которых отпускал теперь с благословенного Афона в далекую Россию... А что делалось в лодках, того и не изобразить пером! Все друг перед другом старались погромче, чтобы быть услышанным, прокричать свой прощальный привет Афону и святому старцу:

— "Прощайте! Благословите"!

Умилительная картина! У многих отъезжающих текли слезы.

— "Благослови, о.Никодим, отчалить"! — крикнул вахтенный. О.Никодим поднял руку и благословил: — "Отдай"!

И с этим словом отданы были чалки, буксирный пароходик запыхтел, закачались лодки, — и флотилия двинулась. Паломники запели пасхальные стихиры и стали медленно удаляться от берега.

В день причастия, ради величия Таинства, я стараюсь безмолвствовать. Но как было тут безмолвствовать, когда, с отъездом двух моих товарищей по путешествию, порывались для меня последние две ниточки, связывавшие меня с дорогой моей родиной, с Россией?! Они стояли в лодке, на виду у меня, и делали мне рукой прощальные знаки. На сердце у меня за-

щипало, холодом одинокой тоски повеяло в душе; но, с Божьей помощью, я скоро оправился и предал себя всецело в волю Божию.

Скоро утешил меня Господь: с пятницы на субботу, во время бдения, отвели меня к о.Архимандриту Нифонту. Он вежливо, но кратко, спросил меня, что мне нужно. Я ему ответил довольно несвязно, что хочу монашества. Он спросил: почему? и задал еще несколько кратких вопросов. Затем благословил и сказал, что примет.

— "Седмицу", — сказал он, — "походите по монастырю".

— "Нельзя ли поскорее?"

— "Хорошо"! — ответил он.

Я поклонился и, утешенный, вышел. Все представление о.Архимандриту, решавшее, казалось, всю мою судьбу, продолжалось не более 2 — 3 минут.

Вместо седьмицы прошло почти полторы.

Через полторы недели, в среду, меня опять повели к о.Нифонту. Раньше меня принял благословение на поступление в монастырь один нижегородский старик, из богомолов. О.Архимандрит послал его на послушание в красильню. Давая мне благословение после него, о.Архимандрит сказал:

— "И вы тоже пойдете в красильню".

Вот сегодня, в четверг, 2-го июня 1905-го года, отведут меня, раба Божия, Димитрия, на место моего монастырского послушания, начала моего монашеского подвига. Что ждет меня? Прощай, брат мой Ваня, прощай сестра, про-

щай вся семья Ванина, такая мне дорогая и близкая!.. Конечно, ничто меня не смущает: я на раны готов; сам препоясываться не хочу — пусть Он, Господь мой, Сам меня препояшет и ведет. Всему я очень рад. Наконец-то наступило время служения моего Богу безраздельно! Какое бы ни назначили мне послушание, — почетное или унизительное, — Его святая воля да будет! Желал бы я только одного, чтобы время не тратилось без пользы для монастыря и спасения моей души, и чтобы Бог помог приладиться к послушанию, да чтобы уж не слишком ломался внутренний строй моей жизни.

Царица моя Всеблагая во всем заступит и вразумит меня. Ей, Премилостивой, себя я поручаю в святом жребии Ее Афонском...

Сегодня благочинный о.Д., при о.Архимандрите, отвел меня и старика-нижегородца на место послушания к отцу В., заведующему красильной. Благочинный заставил нас сделать по два поклона перед иконами, а третий отцу В. При этом о.благочинный посмотрел на меня и изрек:

— "Как я тебя провижу, не прожить тебе здесь более двух недель"!

Горько мне стало. Да не будет сего!

О.В. отпустил нас до вторника. В субботу, под Троицу, Бог сподобил меня причаститься в Покровском соборе. Бдение под Троицын день совершалось по новому афонскому уставу от 12 часов ночи до 10 часов утра. На этот раз Гос-

подь привел стоять без особого труда. Парадная вечерня совершалась в 4 часа пополудни с коленопреклонением, а повечерие — с чтением акафиста Пресвятой Троице.

Сегодня вторник: 7-го июня, день начала моего послушания. Я встретил его совершенно спокойно. Был в церкви и после ранней обедни, в 12 ч. дня, представился отцу В., как его послушник. Со мной пришел и старик-нижегородец. О.В. ласково к нам отнесся и поручил своему монаху отвести на трапезу и накормить (трапеза мастеров бывает раньше общей).

Первое послушание нами выполнено было блистательно.

Затем нас одели в рабочую монашескую одежду, надели на голову войлочный черепенник, дали маленькую краскотерку и заставили тереть краски. Это было мне по силам. Затем, когда я стер краски, заставили таскать щелочную золу. Это уже мне не было по духу, но я и это послушание понес без ропота, убеждая себя, что послушание есть венец монашеских подвигов. Тут за стариком-товарищем пришел благочинный и перевел на другое послушание.

На другой день, в среду, таскал в сарай сено с монастырской пристани.

Трудно мне привыкать к моему послушанию: оно грязно и непосильно — тяжело для меня; здоровье мое мне не позволяет быть на черных работах. Но во всем полагаюсь на Царицу Небесную. Решил терпеть даже до крови.

Благочинные не скупятся на дерзкие выговоры: каждый день я получаю их в изрядной порции. Для новоначальных, быть может, это и требуется, но для меня трудно переваримо: такое обращение противоречит словам послания Св. Апостола Павла — “вы, духовные, исправляйте таковых духом кротости”, “все любовию у вас да бывает”, или — “носите немощных немощи”...

Решился отправиться к о.Архимандриту просить облечь в послушническую одежду и дать келью. Едва до него добрался. Меня, кажется, от него оттирают. Не успел и рта я разинуть, как о.Нифонт сейчас же приказал выдать мне одежду, но насчет кельи вопроса не решил.

19-го июня оделся в послушническую одежду и на этот же день получил записку о переводе меня в канцелярию, под начальство к отцу С. Тут уже совсем другая атмосфера: писаря — народ деликатного обращения, и если куснут, то с вежливостью и исподтишка.

Атмосфера в канцелярии другая, а люди-то все те же. Главный наш всех порок — болезненно-развитое самомнение и самолюбие; все — учителя, и никому не хочется учиться. В солдатах, в новобранцах, мне приходилось испытывать нечто подобное тому, что довелось понести в канцелярии. Казалось бы, что общего? А между тем все то же: внешний устав соблюдается, снаружи благочинно, а любви нет. Благо-

дарение Господу, старец — начальник, о.С., человек, кажется, кроткий, доступный и снисходительный, да, кроме того, и тактичный, ибо умеет улаживать отношения и приводить к миру.

Понемногу начинаю свыкаться со своим писарским званием. На товарищей стараюсь меньше обращать внимания, а все-таки, тяжело за себя и за них. Где цель наша — искание чистого монашества? Вечно в пересудах зависти, нелюбовности; все думаем о себе, что мы нечто, тогда как мы ничто без руководящего нас Господа.

Надоедают послушания во время утрени на кухне, надоедают и не нравятся. Кроме того, отрывают и на иные послушания: то в прачечную, то на кладбище, то в усыпальницу, куда кладут черепа и кости, отрываемые из могил после трех лет со дня преставления.

Сегодня я был назначен с другими четырьмя братьями сторожить тела двух утонувших по неосторожности в споре рабочих. Это случилось в ночь с 26-го на 27-е июня. На горестное и вместе полезное размышление навело меня это послушание. Стоя против трупов, уже смердящих, лежащих на полу в рогожах (здесь так убираются тела усопших), тянул я четки и поминал утопленников — Димитрия и Иоанна. Ужасное совпадение! Это имена — мое и моего брата, о котором болит и плачет мое сердце, и которого с волнами житейского моря я теперь

оставил бороться без моей помощи. И нужно же было из тысячи Пантелеимоновских монахов попасть на это послушание мне!

Но не все для меня темно в обители, много и свету в ней для моего измученного сердца: постоянно, когда не на послушании, в церкви; благочестие и религиозность не вышучиваются, как в миру, и не высмеиваются. Приобщаться новоначальных обязывают раз в каждые две недели. Монахи причащаются еженедельно. Это ли не милость?

С радостью примечаю, что раздражительность моя начинает ослабевать, и на ее место водворяется мир, почти ненарушимый; совесть уязвляется реже; мирской мятеж слабо отражается в сердце, несмотря на то, что из России доходят слухи о наших тяжких поражениях на Дальнем Востоке, о буйствах внутри родной страны, в Одессе в особенности. Волнует это все душу, но только пока слушаешь сообщение... А у меня не пылка ли любовь к родине! Но предаешь и себя, и все Богу, и становишься опять мирен.

---

24 июня приобщался Св. Христовых Таин. Вот уже с Троицы не пью чаю во избежание простуды. Здесь многие болеют от простуды, несмотря на стоящие жары... Присматриваясь построже к своей духовной жизни, убеждаюсь, что она у меня замерла, и в обитель Царицы Небесной и Св. Великомученика Пантелеимо-

на я прибыл как раз вовремя, а то нельзя было бы уж и возбудить к жизни мою омертвевшую душу. Да и теперь, — дышит ли еще она? жива ли? Чуть слышно мне биение ее пульса. А мусору-то, мусору-то сколько! Много нужно поработать, чтобы очистить всю грязь и копоть греховную, и воскликнуть, вместе с пророком: "жив Господь и жива душа моя!"

Помилуй меня, Господи!

Кроме главного моего писарского занятия, идут своим чередом и неожиданно на меня налагаемые частные послушания: сегодня — уборка в трапезной, а 30-го читал псалтирь по усопшим. Благодарение Господу, житейские мои скорби и превратности приучили меня к терпению, а то бы не вынести этой монашеской пробы моего характера. О.о. благочинные ни одного дня не пропускают без выговора в самой грубой форме, то за поклоны, то за шапку, которую забываю вовремя снять в церкви во время Богослужения. Все это — мелочи, но они раздражают и повергают в некоторое расслабление и даже уныние. Может быть, такое обращение и правильно, — судить не берусь, — но я покоряюсь ему с большим принуждением и очень смущаюсь. По-моему, оно не отвечает учению свв. отцов и руководителей монашеской жизни; нетактично и неспасительно применять ко всем без различия такую грубую, озлобляющую систему духовного воспитания. Я пришел в монастырь закаленным злобою мира, от скорби великия, а то бы исполнилось на мне

предречение благочинного, о.Д.: не прожил бы я и двух недель в обители...

Время идет невидно: работа и передышка следуют друг за другом; некогда даже и на Афонскую природу полюбоваться. Все имеет свою и хорошую, и дурную сторону: хорошо на Афоне, но много и тяжелого...

27-го июня, в 5 часов утра по местному времени (по-нашему, в половине первого ночи) было довольно сильное землетрясение. Я спал и проснулся, не понимая, в чем дело. Повернулся на другой бок и заснул, избежав тем тягостного страха и волнения. Говорят, такие землетрясения на Афоне бывают довольно часто. Найдется, кроме того, и другое кое-что — частые разбои и нападения греков на русских келлиотов...

Все неприятности, с Божией помощию, переношу благодушно. Нашлись и благодетели, которые ободряют меня. "Все пройдет", — говорят они, и называют новоначалие в монастыре временем самого тяжелого искуса. Обещают скорое пострижение.

Это время (по 8-е июля) шло мирно. Кроме писарского, других послушаний не нес из-за пореза пальца на левой руке. Только в прачечной, где я в первый раз мыл свое белье, произошло у меня легкое столкновение. Простое это дело — стирка, но к нему, все-таки, нужно приспо-

собиться. Расположение духа было неважное. Попросил у одного молодого монаха указания, как приступить к этому новому для меня делу, и получи насмешливый ответ:

— "Сам узнаешь"!

Этого было довольно, чтобы лишить меня мирности, и я ответил ему дерзкой фразой. Мы побранились, к счастью, не слишком горячо. Горечь этого события сменилась вскоре удовольствием: первый опыт стирки прошел довольно удачно, и белье мое мне показалось довольно чистым.

Мытье белья здесь обязательно для всех, даже для старцев-иеромонахов. За деньги здесь ничего не делают, и я уже второй месяц не знаю употребления денег и их совсем у себя не имею.

Это ли не рай на земле?!

Сегодня, 8-го июля, в день Казанской Божией Матери, я сподобился причаститься Св. Христовых Таин и теперь благодушествую в ожидании перехода из фондарика (гостиницы) в свою келью в монастыре. Время идет, но перемен в моей жизни не видится. У служб бываю только у литургии и повечерия: остальные службы заменяют послушаниями; чаще всего приходится быть на кухне. Послушание это тяжелое и грязное, да, кроме того, дышишь плохим воздухом.

С большим интересом ожидал я главного монастырского праздника Св. Великомуч. Пан-

телеимона. Перед праздником в монастыре все мылось, прибиралось и чистилось для встречи гостей. Гости эти — большею частью, почетные монахи Св. Горы, их приближенные и сиромахи, т.е., пустынники, живущие в самых диких местах Афона.

Гости прибыли в монастырь накануне праздника, утром.

Их встречал о.настоятель с братию торжественно; с колокольным звоном и ружейной пальбой. Гостей собралось около тысячи. Это была как туча черная. Вид сиромахов был ужасен: худые, бледные, изможденные; одежда рваная. Между ними попадались и иконописные лики маститых старцев, как видно, не вотще текущих.

С назначением меня к пожарным рукавам, для поливки монастыря во время вечерни, наблюдения мои кончились. Я не видел знаменитого бдения, начинающегося в полночь и оканчивающегося почти в полдень: эту ночь и утро я провел на послушании в кухне. От ранней обедни, на самый день праздника, я тоже был отправлен до вечера на кухню, и это меня очень огорчило.

В день этот мне пришлось участвовать в кормлении сиромахов. Они с жадностью набрасывались на всякую пищу, какая только им ни попадала под руку. Монахи с ними обращаются с большим пренебрежением, не как с гостями, а как с презренными нищими, едва не толкая их по шее. Терпению и выносливости их я удивлялся. Покормивши их, им дали денег, и к

вечеру во всем монастыре уже не оставалось ни одного сиромаха.

На второй день праздника монастырская жизнь потекла своим обычным порядком.

За время моего пребывания в обители со мною случилось два серьезных искушения: заели, было, паразиты и вернулась старая моя болезнь; но, милосердием Божиим, оба эти искушения скоро меня оставили. Много меня в это время утешал о.Никодим.

На этих днях меня освободили от частных послушаний. Это огромная для меня льгота.

Сегодня, 11-го августа, через о.В., из Сретенской кельи, получил письмо от сестры из России: брат мой, Ваня, умер. Это известие меня как громом поразило. Первою моею мыслью было сейчас же лететь утешать сирот и заменить им собою отца. Но подумал, и решил предать и их, и себя в волю Божию.

Господи! не до конца прогневайся на нас, не погуби нас с беззакониями нашими. Обрати, Господи, гнев Твой на милость, не помяни грех юности нашея и неведения нашего, Человеколюбче!

Вот уже несколько дней прошло, как я получил келью и ключ от нее. Остается испросить благословение настоятеля побелить и переходить. Что будет мне келья эта: гроб ли, или добрая жизнь?

Пресвятая Богородице, помоги!

На Преображение приобщался Св. Христовых Таин и, кажется, утолил несколько скорбь об умершем брате. Но что будет с сестрой нашей, что будет с сиротами?..

Сегодня понедельник, 22-е августа. Перебрался в келью. По первому впечатлению, хорошо. Размер кельи 5 $^1/_2$ аршин на 3 $^1/_2$. Внутри обелена известкой; мебель деревянная: кухонный стол, крашенный, внизу шкафчик; табурет; шкаф с занавеской для платья; кровать — доски на козлах — вот и все, да больше ничего и не нужно.

Но вскоре обнаружились и неудобства: единственное окно моей кельи выходит к конюшням и помещениям наемных рабочих. Несмолкаемый их говор и крики мулов — это неприятно, да, кроме того, и помещение-то мое находится вне монастырской ограды. Самого-то главного и дорого — монастырской тишины, — я, оказывается, и лишен, да, к тому же, и удален от центра всей своей деятельности, которая вся проходит внутри обители. Говорят еще, что в холодное время вредный ветер дует именно с той стороны, куда выходит единственное окно моего помещения. Пока это еще не страшно: хотя уже и 1-е сентября, но жара стоит невообразимая, и солнце палит ужасно. И такая-то погода стоит с мая, от которого до сих пор было не более двух — трех дождей. Ежедневная температура — от 35 до 40°. Для меня это невыносимо. Хорошо еще, что по временам дует прохладный горный ветер.

Масса больных дизентерией и другими болезнями. Больницы переполнены до того, что уже нет места для новых больных. Трудненек мне Афон, но Царица Небесная не дает совсем падать духом. Все мои старые болезни, которые я когда-либо имел, здесь все ополчились на меня сразу, как грозные кредиторы, с неумолимым требованием расплаты. Невольно напрашивается мысль: на что я годен? Работать не могу, писать трудно, петь и читать вредно. То не могу, то не умею, то вредно — весь немощен, весь ни к чему не потребен. Хочу носить немощи других, а сам для них являюсь бременем.

Но не в немощах ли наших сила Божия совершается?!

Вот уже и 18-е сентября. Вчера приобщился Св. Христовых Таин. Какое истинное утешение и благо! Его не заменить никакими земными благополучиями и утехами...

Вчера вспоминал молитвенно моих именинниц и крестниц, — дочерей моего усопшего брата, а с ними и других близких. Болезненно заныло мое сердце при этом воспоминании: что теперь с ними?

Здоровье мое несколько улучшилось.

На днях ходил на виноградники, принадлежащие Пантелеимоновскому монастырю, для резания винограда. На это послушание, по обычаю, ходят все монахи — и старые, и молодые — как на прогулку. Этим послушанием я остался очень доволен. Завтра отправлюсь в

дальние келлии монастыря на 3 дня резать виноград.

2-го октября. Вот уже второй день и Покрова. Это местный праздник, подобный дню Св. Великомученика Пантелеимона, но почему-то без особенной сутолоки. И этот праздник прошел торжественно и спокойно.

Накануне праздника, в 2 часа пополудни, прибыл настоятель Андреевского скита и с ним братии до 10 монахов. Встретили их со звоном, со славою, ввели в Пантелеимоновский собор, отслужили краткий молебен, а затем проводили на покой в царский фондарик, где гостям было предложено угощение. Здесь с давних пор заведено, что во время праздников настоятели обоих монастырей замещают друг друга для совершения Богослужения: Пантелеимоновские праздники служит в Пантелеимоновском монастыре Андреевский настоятель, а Андреевские в Андреевском — наш о.архимандрит Нифонт.

Сиромахи уже с утра толпились в нетерпеливом ожидании удовлетворения главного и неизменного их кредитора — чрева.

Увы, увы! насколько велико здесь стремление к удовлетворению телесных потребностей, физического голода, настолько мал запрос на духовное питание. У всех на уме трапеза и "утешение" — сухарики, бараночки, конфекты, сливочное масло, яблоки, всякие сласти и... вино.

Чрево и самолюбие — это две главные пружины Афонской жизни; все остальное, чем жива

душа человека, замерло. Есть, конечно, и добре подвизающиеся, — иначе бы не стоять Афону, — но их не видно, они скрывают себя, и я их не знаю.

Поживу подольше, может быть, и увижу...

Накануне праздника меня назначили в чайную, чтобы поить сиромахов, а после них — арагатов[1]. Сиромахов пришло на праздник человек 300. Были и молодые, и старые — и те, и другие оборванные и худые, как скелеты. Аппетит у них волчий. Они пили чай с неимоверной жадностью и все умоляли подбавлять сухарей из белого хлеба, которых им разнесли несколько больших мешков. Чаю они выпили неисчислимое количество. Нас, служащих, было 10 человек, и мы едва успевали подавать, несмотря на то, что чай с сахаром уже заранее был приготовлен в больших котлах, и наше дело было только разливать готовое. Бог с ними! Эти были хоть благодарны. Не то арагаты: им ничем нельзя было угодить, и они пили и ели чуть не с проклятием.

---

6 октября. Погода здесь, как у нас в августе.

---

24 октября тихо и безболезненно скончался праведной кончиной Архимандрит Нифонт. Несколько раз приобщался и был пособорован.

[1] Монастырских рабочих.

Царство ему небесное! К телу Архимандрита прикладывались монахи; был допущен и я. Лежит он на диване в своей келье, в обстановке довольно бедной, в монашеском келейном одеянии, совершенно как живой.

Прислушиваюсь к разговорам и толкам, вызванным кончиной настоятеля, и вывожу заключение, что мы точно не аввы лишились, а какого-то дальнего родственника: большинство совершенно равнодушно; были бы и еще равнодушнее, если бы не неожиданность кончины. Шел толк о том, какие будут гости, да какое будет угощение. Смущает это меня, немощного.

---

26 октября. Сегодня на день моего Ангела, Св. Великом. Димитрия Солунского, удостоился причаститься Св. Таин. Кончилась служба в храме, где я был, а через полчаса кончилась и литургия в Покровском соборе, где стояло тело почившего нашего настоятеля. Из Покровского собора тело после литургии было перенесено в Пантелеимоновский, где полагается отпевать всю старшую братию. Монашествующего люда собралось множество во главе с архиереем, несколькими архимандритами и игуменами. Картина отпевания была торжественная. При перенесении тела из собора в собор производилось фотографирование процессии.

Блажен почивший, избежавший бедствий, грядущих на вселенную, в частности — на начальников монастырей! У меня невольно вы-

зывалось восклицание: "Блаженны умирающие о Господе"!..

Отпевание длилось около 3-х часов. Поминальная трапеза началась только в пятом часу, и ею закончилось земное странствование Архимандрита Нифонта.

После вечерни я пришел в свою келью и поблагодарил Бога за то, что день моего Ангела прошел так мирно и благочестно. Вспомнилось, что в миру не так проводился этот день... Нет, в монастыре все-таки лучше!..

Наступила ночь. В 4 часа утра я лег спать. Только что я заснул, как проснулся от страшного стука, повторившегося два раза: это, как оказалось, бушевал психически больной, живущий в нашем коридоре. Какое-то смутное безпокойство закралось мне в сердце, но я все-таки вновь заснул на короткое время. Без четверти в шесть часов я проснулся, но, по лености своей, опять лег, хотя до заутрени оставалось только час, и его надо было употребить на канон. Без четверти семь я снова проснулся и только хотел было встать, как — о, ужас! — затряслось все наше здание и запрыгали в моей комнате все предметы, как живые. Я вскочил и бросился на колени пред образом Спасителя, затем, стремглав, побежал в собор к утрени, чтобы хоть там обрести себе успокоение, ибо страшно был испуган. На этот раз все монашествующие, без отсталых, были в храме и все в великом страхе. И было с чего: живущие более 40 лет в монастыре стар-

цы говорят, что таких толчков они еще не испытывали на Афоне.

Перед началом утрени затрясло опять, но толчки были слабее. К общему удовольствию, вместо утрени, начали служить молебен Божией Матери. Всем хотелось молиться, и молебен на всех подействовал успокоительно. Но вот пошли опять толчки все сильнее и сильнее; заколебалось и застучало здание храма, в котором мы молились. Но все-таки и это землетрясение не было сильным. После молебна началась утреня, во время которой толчки повторялись. Молодежь едва владела собою, но старцы были довольно спокойны... Толчки продолжались, но легкие... Вот тут-то и постиг я впервые отчетливо-ясно все непостоянство и суетность земного...

Только что возгласили: “Богородицу и Матерь Света в песнех возвеличим”, — как ударил такой сильный толчок, что тут и старые, и молодые — все утратили душевное равновесие и устрашились. И было с чего, когда на наших глазах стали расседаться своды, а в алтаре из куполов посыпалась штукатурка и полетели кирпичи.

“Вот и конец тут всему”!..

Сердце заколотилось в груди, готовое из нее вырваться.

Утреня прервалась. Диакон взволнованным голосом стал тянуть четку:

— “Пресвятая Богородице, спаси нас”!

Все стали метать поклоны. После сотницы стали продолжать утреню и, слава Богу, окон-

чили ее благополучно. Толчки повторялись, но уже не такие сильные.

После утрени во всех храмах начались ранние обедни, а после них назначен был крестный ход вокруг монастыря. Во время ранней обедни был изрядный толчок, а затем все стихло.

В начале второго часа дня ударили в колокол к крестному ходу. Монахи собрались все до единого, и начались толки: один рассказывал, что видел знаменательный сон; другой, что это землетрясение было предсказано каким-то подвижником и т.д., и т.д... Стенные часы, оказывается, остановились у всех вместе с курантами на колокольне.

Крестный ход окончился благополучно, хотя почва все еще продолжала колебаться, но не сильно, не угрожающе. В 6 часов вечера все утихло, и все приступили к обычным своим занятиям.

В 8 часов вечера вновь начались довольно сильные толчки и земля опять заколебалась, и опять всеми овладел жуткий страх. Под землей слышался гул. По монастырю всюду повреждены храмы и здания; сломаны дымоходные трубы; съехали черепичные кровли; своды и стены дали значительные трещины. Со всей горы идут известия о катастрофе, сопровождаемой повсеместным разрушением. Страшно!

На повечерии опять сильно трясло, но только с расстановкой. После службы мало кто и пошел на отдых в свои кельи, боясь оказаться погребенными под их развалинами. Нервы у всех были напряжены до последней степени.

Некоторые монахи ночь провели в кущах, а кто пошел в свою келью, тот не спал. Я часочка два, от сильного утомления, успел вздремнуть, хотя небольшое трясение продолжалось еще всю ночь. Понемногу даже и к нему начинали привыкать, но спокойствие едва ли кому удалось вернуть.

28-го октября опять трясло и за заутреней, и за ранней обедней. В трапезе на три дня назначили пост. На занятия явились, но без всякой энергии — у всех руки точно отвалились. Земля все еще колебалась. В 10 часов вечера был опять сильный толчок, за повечерием тоже. Эту ночь опять провели без сна. Толчки продолжались всю ночь.

Так же беспокойно прошел и день 29-го октября. 30-е пришлось на воскресение. Назначено бдение и крестный ход. Слава Богу, воскресный день прошел благополучно.

Общее несчастье благотворно отозвалось на взаимоотношениях старшей и младшей братии: сразу установилось нечто вроде равенства и братолюбия, чего до землетрясения не было и в помине, ибо послушники и монахи, иеромонахи в особенности, отстояли друг от друга, яко востоцы от запад.

Пришел пароход из России, и с ним прибыли новости одна хуже другой: в Одессе будто бы перебили уже более тысячи евреев; Царь подписал, якобы, конституцию; будто рвут и предают поруганию царские портреты. Не хочу верить всем этим мерзостям, не хочу о них и слышать; предпочитаю не удовлетворять возбуж-

денного любопытства и умолять Господа о ниспослании сынам России Духа Божия, Духа разума, Духа ведения и благочестия, дабы прекратилось нестроение вражие на дорогой моей родине.

Легкие колебания продолжались 31 октября, 1-го и 3-го ноября от 5 до 6 раз в сутки. С горы идут слухи, что местами, будто бы, появилась лава и бывает виден вулканический огонь; но эти известия требуют подтверждения. Настроение у всех угнетенное, и оно способствует возникновению всякого рода дурных слухов. Из уст в уста передаются якобы пророчества каких-то старцев о том, что сильное землетрясение вскоре повторится и разрушит весь Афон.

6-е ноября. Землетрясение все еще продолжается до сего дня. Замечательно, что сильные толчки бывают через определенные промежутки времени; в час пополуночи, после повечерия и в 7 — 8 часов утра, во время заутрени. Когда происходят такие толчки, то все здание трясется.

Погода у нас стоит все время теплая; ходим в летней одежде, и в кельях все окна открыты. А в Москве уже, наверно, теперь зима.

7-е ноября. Слава и благодарение Богу и Царице небесе и земли: ни вчера вечером, ни сегодня не было больше колебаний почвы, не было и зловещего подземного гула, который не умолкал все время и наводил ужас на всех нас, грешных.

Сегодня торжественно, с красным звоном, встретили нового нашего настоятеля, бывшего наместником и настоятелем на Одесском подворье. Имя его — Мисаил. Он приветлив, обращение его простое, но держит себя с достоинством, по-архимандритски. С его приездом стало как-то спокойнее на душе: случись опять землетрясение, и оно, кажется, не показалось бы таким страшным. Таково влияние на человеческую душу законной власти.

16-го ноября. до сегодняшнего дня все было спокойно. Если и бывали подземные толчки, то такие легкие, что даже не всем были заметны. Но вот сегодня, в 4 $^1/_2$ часа утра опять началось сильное землетрясение. Я спал и проснулся оттого, что подо мной, в буквальном смысле слова, запрыгало мое ложе. Не более 20 секунд продолжалась эта встряска, но, как потом оказалось, она причинила огромные бедствия на всей горе Афонской и сопровождалась даже человеческими жертвами: в Иверском монастыре, в монастыре св. Анны было убито свалившимися с гор камнями несколько человек рыбаков. Камнями же было повреждено, и даже совсем разрушено, много калибок, т.е. маленьких келлий, в которых проживало по одному, по два монаха.

Опять стало тихо. Толчки не повторяются; но за то из России доходят страшные известия. Боже, что творится там! Убийства, бунты, кощунства в церквах, осквернение святыни. Куда

девалось обезумевшее начальство, покинувшее свои посты? Где власть?.. Как-то вас, моих дорогих, в Москве Господь милует? Неужели мой вопль о вас не дойдет до Господа?

Помилуй и их, и меня, Боже, Спасителю мой!

24 ноября. Все это время было относительно покойно. Сегодня же опять в заутреню, в 6 $^1/_2$ часов и в 8 часов утра, были сильные толчки, повторявшиеся с какой-то резкой отрывистостью. Опять все в страхе. Что же это будет?

---

12 декабря. Опять все спокойно. Но что творится на дорогой нашей родине! Там безумие достигает, кажется. своего предела того предела за которым неминуемо должно последовать разрушение Русского царства, если только не оглянется Господь...

Увы! и у нас конец покою: сегодня в 9 ч. 45 м. вечера вновь было землетрясение, сильное и отрывистое, но повреждений от него не было.

---

14 декабря. Подземный гул опять не утихает, и опять трясется земля, хотя и не сильно.

---

20 декабря. В нашем коридоре живет монах, по мнению одних — прельщенный, других же — просто сумасшедший. Есть и такие, кто его считает Христа ради юродивым. Собирался я сегодня в 3 часа дня идти на послушание и встретил, при выходе из кельи, этого монаха. Не успел я опомниться, как он подскочил ко мне и ударил с такою силой, что я пошатнулся и

упал навзничь, ушиб и оцарапал при падении руку.

— "Как ты смеешь меня бить?" — вскричал я, и хотел было, в свою очередь, его ударить, но вместо того дважды осенил его крестным знамением. Монах стоял недвижимо и мне ничего не отвечал. Дело дошло до архимандрита, и ударившего меня монаха отправили в арестное монастырское помещение. Странно: от удара боли нет ни физической, ни нравственной.

Все это не важно. Но вот что важно: плохо духовное мое состояние; есть одно только доброе хотение, а дел не имею и все время творю не то, что хочу, а то, что не хочу, делаю. Время же улетает безвозвратно. Когда же восстану во всеоружии Божием, да освятит мя Христос Бог?..

11-го января 1906 года. Проводили Рождество Христово, новый год, Крещение — эти великие и святые дни для верующих. На Афоне праздники эти — не в церковной, конечно, жизни, а во внешней, — мало чем отличаются от обыкновенных ней. Если бы не церковные службы, не календарь да не особые кушанья в трапезной, я бы не заметил и праздников. Не было духа праздничного.

Трапеза была следующая: первое блюдо было греческой кухни. Название его я забыл, но монахи говорили, что кушанье это долго готовится и дорого стоит — 50 к. на человека. Это какая-то кисло-сладкая размазня, острого вкуса, и состоит из овечьего сыра, разных сор-

тов орехов и других приправ. Мне это блюдо не понравилось. Второе блюдо, — “мурун”, — белуга, разрубленная на мелкие кусочки, в холодном соусе. Третье блюдо — жареная рыба. При этом каждому полагалось по 2 апельсина и вино.

Чреву, стало быть, был праздник.

Сегодня был гром и молния, и льет дождь. Это вместо наших крещенских морозов... Землетрясения не было.

Но что в России? До нас доходят слухи, что в Москве совершается невообразимое революционное буйство. Молюсь за вас, мои дорогие, да не коснется вас эта казнь Содомская! Где-то теперь вы? Что с вами?

20-го января. Хочу поскорее связать себя с Афоном. Сегодня представлялся отцу настоятелю и просил его постричь меня в ближайший постриг, т.е., Великим постом. О.Мисаил советовал обождать еще год. Я настаивал.

— “Слова не даю”, — сказал мне настоятель, — “поговорю со старцами”.

Беседу эту я передал о.Никодиму. Он уверил, что постригут обязательно.

Буди на все воля Божия!

Земля, слава Богу, успокоилась, но мое сердце волнуется и едва выносит тот “мир”, который заполонил собою внутреннюю монашескую жизнь, загнав духовность в такой дальний угол, в котором ее и днем с огнем не отыщешь. Афон, Афон! долго ли еще твоему стоянию по-

терпит Господь, и не отступает ли уже от тебя благодать Царицы Небесной, обещавшей блюсти тебя до скончания века, пока монахи твои сами блюсти будут во всей святыне свое монашество? Боюсь, что время гнева на тебя уже близко; и не к тому ли заколебалась под тобою с такою силой земля, что дела твои взвешены на весах правосудия Божия и оказались слишком маловесными?.. Не за то ли и над сестрой твоей по духу, Россией, уже гремит гроза Господнего гнева, и брат восстает на брата, и льется потоками родная кровь? Не так же ли легковесны стали и твои дела, дорогая моя родина?

Страшно!

7-е февраля. Вот уже и сырная неделя наступила, в миру "широкая масленица". Здесь ее не заметно. Только сегодня за вечерней поклонами показался пост, Великий и спасительный. Первая его неделя здесь может показаться многим непосильной: первые ее два дня — неядение для всех, и только во вторник вечером трапеза, состоящая из ломтя хлеба и смоквы; от среды же и до субботы — сухоядение. Пост я встречаю с радостью, жду благодатной помощи, а также и того, что речет о мне Господь, ибо желаю Ангельского образа.

Сегодня видел Афонскую зиму: в воздухе покрутилось несколько снежинок, да со своей бороды смахнул их две или три — вот и вся зима. Холодновато, но мороза нет.

12-го февраля. Сегодня Прощеное воскресение. Вечерня началась ранее обыкновенного — в 8 часов вечера. Необычен здесь час последней перед постом вечерней трапезы, которая бывает в два часа пополуночи. Промежуток времени между вечерней и этой трапезой проводится в хождении по духовным отцам, старцам и всей братии; у всех испрашивается прощение.

В половине второго пополуночи дали повестку на трапезу. Я с большим любопытством поспешил увидеть это, как мне говорили, необычайное зрелище. Действительно, вид ярко освещенной трапезной был великолепен: всюду зажжены фонари, как для иллюминации; множество ярких ламп и, кроме того, на каждом столе свечи — все это давало столько свету, что едва не ослепляло глаз, отвыкших от такого ночного освещения. На столах же были расставлены, по монашескому выражению, "вся благая": щи из свежей капусты, холодная белуга под соусом (мурун), жареная свежая рыба, по одному вареному яйцу на брата, макароны с овечьим сыром и вино. Братии собралось душ 800. Необычайно было видеть при таком ярком свете, среди ночи, черные фигуры пирующих монахов.

После ночного пира все отправились в Покровский собор для прощения с о.настоятелем и взаимно друг с другом. Кто не видал этого прощения, тот не может себе представить его умилительности. Меня этот древний монашеский обычай тронул до слез.

Это было одним из немногих моих истинно-духовных впечатлений за все время моего пребывания на Афоне, и красота его сохранится моим сердцем на всю жизнь, где бы ни довелось мне ее окончить.

После прощения, в канцелярии, на месте моего послушания, нам, канцеляристам, был предложен чай. Ровно в четыре часа утра все закончилось, и я отправился в свою келью на отдых до 8 асов утра.

25-е февраля. Вот и вторая неделя Великого поста. Всю первую неделю я провел без пищи и неопустительно посещал все службы. Занятий по послушаниям ни у кого не было. Подвиг поста и молитвы мне здесь дался легко, и потому-то, должно быть, не было получено мною всей полноты того духовного утешения, какое, бывало, я получал, когда пост доставался мне с большим трудом. За легкий труд, видно, и малое вознаграждение... Теперь, во время поста, буду причащаться Св. Таин еженедельно. Великая это для меня милость, которой и цены нет на этом свете!

19-е марта. Сегодня годовщина тому, как я, бросив свое дело, уехал из Москвы, и поезд уносил меня в Киев. По настоянию своего духовного отца, о.Никодима, три раза был у настоятеля, прося постричь, но всякий раз получал неопределенный ответ. А мне-то так хочется поскорее скрепить свой союз с Афоном!

27-е марта. Вот и Страстная, великая и святая, седмица. Правило этой недели то же, что и первой. Послушания прекратились, и всем предложено заняться "единым на потребу".

На днях было легкое землетрясение, но это здесь считается обычным делом.

Христос воскресе!

С вечера было чтение Деяний Свв. Апостол, до 4 часов. В 3 часа начали освещать храм, и о.Архимандрит каждому благословлял, т.е. выдал собственноручно, большую свечу с тем расчетом, чтобы ее хватило на всю службу первого дня и на трапезу, во время которой свечи два раза зажигаются. В 4 часа началась полунощница, и в конце ее было прочитано пространное поучение. В начале седьмого часа (около 12 часов ночи, по московскому времени) начали трезвонить, архимандрит служил в нижнем соборе Св. Вмч. Пантелеимона и там начавши утреню обошел собор крестным ходом и прибыл к нам в Покровский собор.

Христос воскресе! Христос воскресе! Христос воскресе!

Утреня окончилась в 8 часов утра, а в 10 часов началась поздняя обедня. В 12 часов "веселыми ногами" отправились на трапезу, куда со звоном и "славою" прибыл и о.Архимандрит.

Описывать ли трапезу? Думаю, что не стоит, ибо ей и без того, помимо моей воли, отведено в моих записках слишком много места.

— "Ну, что? каково у нас?" — вопрошали, не без гордости, меня, как новичка, некото-

рые из монахов: “ведь, нигде этого торжества не встретишь? Не правда ли”?

Но мне приходилось встречать этот праздников праздник в бедных сельских церквах, при самой убогой обстановке, и не скажу, чтобы там мое сердце меньше трепетало от радости, чем здесь, во внешнем Афонском богатстве и великолепии.

17-е мая. Сегодня — конец моему странствию и послушничеству: с подворья Андреевского скита из Одессы получил письмо со вложением письма от сестры из Москвы. О, ужас! Она и сироты моего брата едва не умирают с голоду и взывают к моей помощи. Что делать? Бегу к дорогому моему о.Никодиму.

— “Поезжай, спасай ближних”! — воскликнул он, выслушав от меня мою повесть, — “это тебе выше монашества”.

Батюшка дал мне 50 рублей на дорогу, и в ночь на 19-е мая я уже отплывал от берегов Афона...

Прощай, Афон!

26-го мая я уже был в Москве.

Таковы заметки моего приятеля о пребывании его на Афоне во дни всероссийской смуты 1905/6 года. Не блещут они ни красотой стиля, ни особой глубиной замысла и наблюдений; но серый будничный Афон, недоступный наблюдениям обыкновенного паломника восторженному взору которого Св. Гора представляется обычно только в праздничном уборе долго-

данной радостной встречи, такой Афон нашел себе в этих записках верное отражение. И, кто знает, не дух ли этого будничного Афона и вызвал те жестокие колебания твердынь его, под развалинами которых едва не погибли и сами Афонские святыни?

Образу благочестия без силы его не охранить ни Афона, ни Русской земли от гнева Божия...

9 мая

Письмо с Афона о нестроениях на Св. Горе. Чудо с юношей в Иверском монастыре

От будничного Афона, отпечаток которого в записках моего приятеля я сохранил на страницах моего дневника, душа моя с новой духовной жаждой вновь стремится погрузить себя в освежающие, тихие струи Божией реки Оптинской, но... с Афоном, видимо, мне еще не суждено расстаться: сегодня получил от одного афонского подвижника письмо, в котором он, между прочим, пишет следующее: "...не особенно давно, в грузинском Иверском монастыре, занятом греками, возникли тяжелые распри, превратившиеся в кровопролитные столкновения. В этом междоусобном столкновении было ранено 30 человек монахов. Греческие монахи не ограничиваются скандалами в своих монастырях, а совершают посягательства и на чужие: недавно они среди бела дня убили старого русского монаха, Моисея; мало того, что убили, а еще и над трупом его издевались... В

Ватопеде состоялось совещание греческих монахов по следующему поводу: за последние десять лет старые и богатые русские люди начали весьма часто приезжать на Афон из России, убегая от внутренних в ней нестроений и желая остаток дней своих провести в молитве и мире. Зная, что они с деньгами и желают поселиться на Афоне, греки принимали их любезно и отводили им участки земли, конечно, за очень хорошую плату. Приезжие ставили келлии, отгораживали землю и обрабатывали ее. Теперь, с падением русского престижа на Востоке, греки одерзились до того, что после помянутого совещания в Ватопеде, в отсутствие хозяев, сожгли 10 келлий и вырубили лимонные и масличные деревья их садов. Когда вернулись хозяева и увидели постигшее их разорение, то с плачем бросились жаловаться игумену Ватопеда, но он над ними только посмеялся. Таковы дела рук человеческих в жребии Царицы Небесной. Мудрено ли, что последним остатком его иноков, хотящих провождать жизнь сколько-нибудь духовную, испытывается страх пред ближайшим будущим Афона? Страх этот усугубляется еще и тем, что не так давно в Иверском монастыре произошел такой, всякого удивления и ужаса достойный, случай, вернее — чудесное событие, не без участия, думается, в нем Самой Царицы Небесной. Дело было, как рассказывают у нас, так: какой-то юноша, родом, будто бы, грузин, пришел в Иверский монастырь и попросил себе у келаря хлеба, сказав при этом, что он умирает с голоду, ибо несколько дней

ничего не ел. Келарь отказал. До трех раз юноша этот приступал к келарю с этой просьбой, пока тот не вытолкал его вон за монастырскую ограду. Выгнанный юноша отошел неподалеку от монастыря, лег под куст и стал ожидать себе голодной смерти. Вдруг видит: подходит к нему необыкновенной красоты и величественности некая Жена[1] и говорит:

— "Ты что тут делаешь, мальчик?"

— "Умираю от голода".

— "Отчего же ты себе не попросил у монахов пищи?"

— "Просил, три раза просил, но мне не только не дали даже и корки, но еще и вытолкали за ворота". Тогда величественная та Жена подала юноше золотую монету и сказала:

— "Поди к Иверским монахам и еще раз попроси у них хлеба; если тебе откажут и на этот раз, то подай им эту монету и на нее попроси подать тебе хлеба. И скажи им, мальчик, что та Госпожа, которая тебе дала эту монету, от них теперь скоро уйдет".

С этими словами Жена та подала юноше золотую монету и удалилась.

Юноша встал и опять направился в Иверский монастырь молить монахов о хлебе. Увидел его келарь и с места начал кричать:

— "Ступай прочь, тунеядец: не будет тебе хлеба!"

Тогда мальчик протянул келарю золотую монету и сказал:

---

[1] Женщин на Афон не допускают.

— "Не даешь даром, так дай хоть за деньги!"

Взял келарь монету в руку, взглянул да как крикнет:

— "Да ты не только тунеядец, а еще к тому же и вор: ты выкрал из иконы Царицы Небесной златицу. Тащите его, братия, к настоятелю!"

И потащил юношу к епископу[1].

— "Вот, владыко святый, привели к тебе вора: он украл у Царицы Небесной златицу!"

Взял настоятель в руки монету, смотрит: монета действительно та самая, которая была на иконе Царицы Небесной; монета та самая. но как мог похитить ее юноша из запертого киота? Пошли смотреть: киот заперт и невредим, а златицы нет — она обрелась в руках голодного юноши, которому отказали в куске хлеба монахи Иверские...[2].

Много об этом событии говорили на горе Афонской. А тут еще, будто бы, в Кутлумуштском монастыре, в какой-то древней книге. сказывают, нашли пророчество о последних судьбах мира. У меня имеется выписка этого "пророчества", и по нем выходит, что наступает время быть великой всемирной войне, а вслед за ней явиться антихристу и, — конец сему видимому миру...

Перенесенное в 1905-м году страшное землетрясение, отъятие внутреннего мира среди

---

[1] В Иверском монастыре настоятельствует ныне епископ.

[2] На месте явления таинственной Жены стоит теперь каменный крест и устроен водоем для дождевой воды. *Прим. редактора.*

насельников Афонской горы, событие со златицей в Ивере, Кутлумушские предсказания и многое другое, о чем не леть ми и глаголати — все это создает на Афоне, по крайней мере, в среде думающих и чувствующих, атмосферу страха, жути какой-то, точно в преддверии неких событий, едва ли не мирового значения, имеющих потрясти до основания ветхий мир, а с ним и наше вековечное монашеское гнездо.

Помилуй нас, Господи!"

Так пишут мне с Афона, четыре года спустя после пребывания моего приятеля на Афоне.

"Аще в сурове древе сия творят, в сусе что будет?"[1].

10 мая

Отношение Оптинских старцев к Афону. Михаил Константинович Ребров — раб Божий. Епископ на покое. "Оправдана премудрость чадами ея". Чудесное исцеление жены сапожника Коваева

Великие Оптинские старцы не благословляли своим послушникам, стремившимся к высшему монашескому подвигу, уходить на Афон. В этом отношении и ныне здравствующие наши старцы не изменяют пути своих великих предшественников, и устремляющиеся к афонскому безмолвию наши оптинские иноки если еще и теперь иногда едут на Афон, то уже на свой духовный страх и риск, по самочинию, а не по старческому благословению. На моих глазах

[1] Лук. XXIII гл., 31 ст.

таких случаев ухода на Афон оптинских послушников было всего три или четыре, не более, и все они в духовном отношении кончались обыкновенно весьма печально.

Вчера и третьего дня заходил к нам и у нас обедал раб Божий, некий Михаил Константинович Ребров (бывший канцелярский служитель в Московском коммерческом суде, ныне послушник Соловецкой пустыни бл. Симбирска), присный духовный сын одного из епископов, живущих на покое, известного многим верующим святостью своей жизни, а некоторым избранникам — и даром прозорливости и чудотворения, тщательно укрываемым от праздного любопытства "необрезанных сердец". Я не знаю этого епископа лично, но много слышал про него не только доброго, но и такого, что его выводит из рядов простых смертных и что кладет на чело его печать особого помазания от Духа Божия. Помню, вскоре после открытия св. мощей Преподобного Серафима Саровского мне довелось быть и в Дивееве, и в Сарове. Было это в первых числах августа 1903 года, когда на местах этого великого торжества православной веры не успел остыть все еще горячий след царского пребывания и общения его с душой коренного русского человека. Приехал я в Дивеев, ему первому поклонился нашею общею с ним радостью оправдания моей и его веры в святость великого старца Серафима. На "Мельничке-питательнице", из-под ручного жернова, дала мне одна из дивеевских сестер горсточку тепленькой мучки и говорит:

— Был тут во время прославления Преподобного владыка (она назвала имя того епископа — Антоний, быв. Вологодский, живущий на покое в Донском монастыре, о ком я веду здесь речь), зашел к нам на эту мельницу, а следом за ним привели глухонемую девочку под его благословение.

Владыка взял щепотку мучки и дал девочке: девочка и заговорила. Кто был тут при этом чуде, аж застонал от дива этого дивного.

То было в Дивееве.

Поехал я следом из Дивеева в Саров. Под вечер, гляжу, один из знакомых мне монахов — Игнатий, иеромонах, благочинный, — чинит в своей келье фонарь керосинно-калильного освещения, которое только что было торжества ради введено в Сарове.

— Что это, — спрашиваю, — батюшка, вы тут делаете?

Он махнул рукой с негодованием.

— А, чтоб его!.. — воскликнул он с сердцем. — Был тут перед вами один сумасшедший архиерей; он взял, да и испортил мне фонарь этот!

Он назвал мне имя этого архиерея: это был тот, кто мучкой Серафимовой исцелил в Дивееве глухонемую девочку.

“И оправдана, — подумал я, — премудрость чадами ея”...

* * *

Так вот, этого-то архиерея мирской послушник в лице М.К.Реброва и навещал нас эти два дня, утешал нас своей беседой о делах и людях

начиная со своего старца-святителя, таких, о которых мир не знает, а если и знает, то ненавидит, ибо ненавидит и Самого Подвигоположника нашего спасения, Господа Иисуса Христа.

Много рассказывал Ребров и о своем владыке, и о другом рабе Божием, некоем Коваеве Димитрии Андреевиче, сапожнике и вместе миссионере, также относящемся к владыке как к старцу... Есть, видно, еще и в наши кривые дни горячая, живая и чудодейственная сила!...

Заболела у этого Коваева жена. Стали ее лечить. Болезнь усилилась. Стали лечить упорнее. Начала помирать старуха. И принялся Коваев отмаливать ее у Господа; молится день-другой, а жене все хуже да хуже...

— Господи! — взывает Коваев. — Ты ведь знаешь, что у меня пять человек детей. Помрет жена, на кого же они останутся? Я молюсь Тебе день и ночь: и на работе молюсь, и в храме, и на постели молюсь, а Ты точно не слышишь. Сотвори же здравой жену мою, чтобы я видел, что Ты, как обещал, внимаешь слезной человеческой молитве.

Так молился Коваев; но жена его оставалась все в том же безнадежном положении. И стало ей, наконец, так плохо, что вот сейчас и дух вон. Побежал Коваев в свой приходский храм, пал там на коленки и так стал молиться, что едва ли не весь пол под собою залил слезами. Помолился. Возвращается домой и слышит, что внутри его точно голос какой-то говорит:

— Очистись! Освятись!

Понял Коваев, что ему нужно поисповедоваться и причаститься. Так и сделал. Опять стал молиться, опять плакать, жизнь жены у Бога вымаливать. А жена все в том же положении: и не умирает, и легче не делается. И пришло ему вдруг на ум Крестителю Спасову молиться. А тут, в соседнем женском монастыре, как раз и икона его чудотворная есть. Помолился он там Предтече Господню, и, надо думать, крепко помолился...

Проходит день... Жене не лучше; лежит в полузабытьи... Сидит Коваев за утренним чаем и думает горькую думу: не слышит его Господь — помирает хозяйка... Вдруг входит в мастерскую какой-то странник. В руке палка, на ногах огромные сапоги...

— Здесь, — спрашивает, — живет Коваев?

Называет его по имени-отчеству и по фамилии.

Коваева точно в сердце пронзило от вопроса, а главное, от голоса, который его окликнул: что-то особенное ему почудилось в этом голосе, а что — и сам не знает. Поднялся он навстречу страннику...

— Здесь, — отвечает, — пожалуйте!

А странников Коваев любит принимать.

— Мир дому сему! — сказал гость.

— Да он, — говорит Коваев, — у меня никогда из дому и не выходит.

— А кто, — спрашивает странник, — здесь хозяин?

— Хозяин здесь я! — отвечает Коваев.

— Я спрашиваю: кто здесь хозяин? — опять настойчиво повторил свой вопрос странник.

— Ну, когда так, — ответил Коваев, — так хозяин здесь вон кто! — И указал на икону Спасителя. — А я, — продолжал он, крестясь на икону, — у Него управитель.

— Ну, стало быть, — сказал странник, — давай здороваться, знакомы будем!

Сели они вместе чай пить. Выпил странник стакан чаю, поднялся да прямо к постели страждущей. Не спросил даже, чем больна, а подошел к ней, да и говорит:

— Вставай, Пелагия, вставай-ка, мать! Давай мне чистую рубашку да штаны!

Та и встала; пошла доставать белье. А у Коваева точно кто память отшиб; забыл, что жена больна была, что сейчас только чудом Божиим встала, а думает про себя только одно: принял странника, как Христа, а он оказался вымогатель. Подумал он так-то, а странник ему:

— Не лукавь, Димитрий! Господь жену исцелил, а ты что помышляешь?

Взял рубашку и штаны, — к ним Коваев и сапоги трудов своих прибавил, — простился с хозяевами... Потуда его и видели.

Все это свершилось так неожиданно и так быстро, что супруги Коваевы точно во сне все это видели. Бросились вдогонку за странником, а его и след простыл.

Это мне сегодня рассказал раб Божий М.К.Ребров, духовный сын архиерея "на покое", исцелившего в Дивееве глухонемую девочку, и брат по духу тому, кто в своей сапожной мастерской удостоился принять в образе

странника кого-то, чье имя и происхождение знать нам еще не дано, пока не будет оно открыто там, где все тайное наконец станет явным, где будем видеть лицом к лицу то, чему здесь можем только веровать или видеть только "якоже зерцалом в гадании", как бы сквозь тусклое стекло...

11 мая

Соблазнительное слово в старческой келье. Ночная посетительница скитской кельи. Материнское проклятие

Заходил сегодня к старцу о. Иосифу и не дозвонился. Должно быть, пришел слишком рано, и келейники старца отдыхали послеобеденным сном. Подергал я раза три за ручку дверного колокольчика, подождал, прислушался к звонку. Я уже собрался уходить, как вдруг взгляд мой остановился на изречениях подвижников духа, развешанных по стенам первой прихожей кельи старца. Стал читать и, к немалому для себя изумлению и даже, не скрою, соблазну, прочел написанные четким полууставом слова:

"Егда внидеши к старцу, то удержи сердце свое от соблазна. Аще даже узриши старца твоего и в блуд впадша, не ими веры и очесем твоим".

Дословно ли так я записал эти смутившие меня слова, я не могу поручиться; за точность смысла ручаюсь.

И было мне это изречение в соблазн немалый. Хотел я дозвониться к отцу своему духовному и старцу о. Варсонофию, но поопасался

потревожить и его послеобеденный отдых. Так и ушел из скита с соблазном в сердце.

Хорош тот старец, которого глаза мои застигнут на блудодеянии!.. Очень удобное изречение для ханжей и лицемеров!.. И как только оно могло приютиться в таком святом месте, как келья наших чистых от всяких подозрений и праведных старцев?..

Горько мне было... И вдруг я вспомнил... Было это в прошлом октябре. На день памяти одного из великих ветхозаветных пророков были именины одного из старых, почитаемых скитских монахов, о. Иоиля, сподвижника и помощника великого старца Амвросия по постройке Шамординского монастыря. Я был приглашен на чай к этому хранителю оптинских преданий. Собралось нас в чистенькой и уютной келье именинника человек шесть монахов да я, мирской любитель их и почитатель. За весело кипящим самоварчиком, попивая чаек с медком от скитских пчелок, повели старцы, убеленные сединами, умудренные духовным опытом, свои тихие, исполненные премудрости и ведения монашеские беседы...

Господи мой, Господи! Что за сладость была в речах тех для верующего сердца!..

И вот тут-то, за незабвенной беседой этой, и поведал нам сам именинник о том, что было с ним в те дни, когда, после кончины старца Амвросия, управлял скитом и нес на себе иго старчества скитоначальник о. Анатолий[1].

---

[1] Зерцалов, скончавшийся года два спустя после кончины о. Амвросия. Мой духовник, о Варсонофий, был его духовным сыном и учеником.

Призывает он меня как-то раз к себе наедине, да и говорит:

— О. Иоиль, скажи мне всю истинную правду, как перед Богом: никто не ходит к тебе по ночам из мирских в келью?

— Помилуйте, — говорю ему, — батюшка! Кому ходить ко мне, да еще ночью? Да где и пройти-то? Ведь скит кругом заперт, и все ключи у вас в келье.

— А калитка, что в лес, на восток?

— Так что ж что калитка? И от нее ключ у вас.

— Вот, — говорит, — то-то и беда, то-то и горе: ключ у меня, а к тебе все-таки какая-то женщина ходит.

Я чуть не упал в обморок. Батюшка увидал это и говорит:

— Ну-ну! Успокойся. Я тебе верю, раз ты это отвергаешь. Это, видно, поклеп на тебя. Ступай с Богом!

— Батюшка, — спрашиваю, — кто донес вам об этом?

— Ну, что там, — говорит, — кто бы ни донес, это не твое дело; будет с тебя того, что я тебе верю, а доносу не верю.

Ушел я от него, а на сердце обида и скорбь великая: жил, жил монах столько лет по-монашески, а что нажил? Нет, при батюшке Амвросии такого покору на меня не было бы... Горько мне было, лихо!

Прошло сколько-то времени. Опять зовут меня к скитоначальнику. Прихожу. Встречает меня гневный.

— Ты что же это? Ты так-то?

— Что, батюшка?

— Да то, что я теперь сам, своими глазами, видел, как к тебе из той калитки сегодняшней ночью приходила женщина. Сам, понимаешь ли ты, — сам!

А я чист, как младенец. Тут мне кто-то будто шепнул: да это враг был, а не женщина. И просветлело у меня сразу на сердце.

— Батюшка! Верьте Богу: невинен я! Это нас вражонок хочет спутать, это он злодействует.

О. Анатолий взглянул на меня пристально-пристально, в самую душу сквозь глаза заглянул, и, видимо, успокоился.

— Ну, коли так, так давай с тобой вместе помолимся Богу, чтоб Он извел правду твою, яко полудне. Давай молиться, а ночью, часам к двенадцати, приходи ко мне: увидим, что речет о нас Господь.

Усердно помолился я в тот день Богу.

Пришел близ полуночи к старцу, а уж он меня ждет одетый.

— Пойдем! — говорит.

И пошли мы к той калитке, из которой, он видел, ходит ко мне ночью женщина. Стали в сторонке; ждем. Я дрожу, как в лихорадке, и творю молитву Иисусову. И что ж вы думаете? Около полуночи, смотрим, калитка в лес отворяется, и из нее выходит закутанная с головой женщина, выходит, направляется прямо к двери моей кельи, отворяет ее и скрывается за ней в моей келье.

— Видишь? — говорит батюшка.

А я, ни жив ни мертв, отвечаю:

— Вижу.

— Ну, — говорит, — теперь мы ее поймаем!

Подошли к двери, а она заперта. Была перед нашими глазами открыта, и тут вдруг заперта!.. Отворяю своим ключом. Входим. Никого!.. Осмотрели всюду, все норки мышиные оглядели: нигде никого. Перекрестились тут мы оба, и оба сразу поняли, от кого нам было это наваждение. С той поры о той женщине уже не было никакого разговора.

Этот рассказ о. Иоиля я вспомнил сегодня, и отошел от меня сразу соблазн на изречение, прочитанное мною в прихожей старца Иосифа.

Мне-то ясно это. Ясно ли будет тем, кому попадутся на глаза эти строки?..

И еще вспомнился мне рассказ того же о. Иоиля из дней его молодости, когда он еще жил в миру, в Ефремовском уезде Тульской губернии.

— От родины моей неподалеку, — так говорил нам свой сказ о. Иоиль в тот же незабвенный день своего ангела, — находится уездный город нашей же губернии — Епифань. И вот в этой-то Епифани, на моей памяти, произошел следующий случай. Пришла в ветхость одна градская церковь. Порешили ее сломать, а на ее место выстроить новую. Когда доломали церковь до фундамента и стали заводить основание для нового храма, то около старого фундамента нашли совершенно нетленного покойника. По облику и по одежде он, видимо,

был из местных мещан и погребен был сравнительно недавно, годов так с 50 — 60, не больше, назад, судя по покрою одежды. Стали доискиваться да допытываться, кто ж он был: великий ли Божий угодник, сподобившийся нетления, или уж такой грешник, что его и мать сыра земля не принимает? Изнесли покойника из земли, перенесли в часовенку и стали по старикам епифанским дознаваться о роде его и о племени. Долго дознавались, все никак не могли дознаться. А покойник все стоит да стоит себе в часовенке, как живой, точно его вчера только в гроб положили. Наконец, разыскали где-то такую древнюю-предревнюю старуху, что и годов своих не помнит. Самые старые старики про нее сказывали, что, когда они еще малыми мальчишками без штанов бегали, она уже была старой старухой.

Приступили к старухе:

— Не знаешь ли чего о покойнике?

— О каком?

— Да о том, что нашли у старой церкви.

— Знать, — говорит, — не знаю и ведать не ведаю.

Хотели свести показать покойника — не пошла. А старуха была пребодрая и в полном разуме. Заметили, как будто что-то притаивает старуха, что-то как будто не договаривает, когда уж очень не с короткими приступают к ней с расспросами; заметили, да и припугнули.

— Ну, — говорит, — коли дело на то пошло, так уж знайте, что если земля не прини-

мает покойника, так, значит, это не кто другой, как мой сын, чтоб ему на том свете пусто было.

— За что же, — спрашивают, — ты его уж так немилосердно?

— А за то за самое, что бил он меня, свою мать родную, безо всякого милосердия, всю свою анафемскую жизнь бил, а под самый собачий конец свой так избил, что оторвал мне косу. Я тут же и прокляла его, а он, с моего материнского проклятия, и подох на месте, как бешеный пес. Когда его хоронили, я ему под голову свою косу и положила, чтобы за нее с ним и на суде Господнем судиться, чтобы и там на нем проклятие мое не снималось. Если у него, у покойника-то вашего, найдете под головой в подушке косу, так и знайте, что это он, мой кровопивец.

Под головой у покойника, в подушке, действительно нашли материнскую косу.

Тут взялся за старуху священник того прихода, в котором нашли покойника, и стал ее увещевать простить сына, снять с него проклятие. И она все свое:

— Будь он, анафема, трижды проклят!

Но недаром совершилось чудо Божие: побился-побился со старухой батюшка и привел-таки ее в чувство.

— Ну, — сказала она, — пусть Бог его простит, а я прощаю.

Пошла проститься с покойником, взглянула на него, перекрестила, сама перекрестилась, поцеловала...

Покойник тут же, в виду всех, прахом рассыпался, а мать и трех дней не прожила — Богу душу отдала.

О любовь! О милосердие Божие!

12 мая

Чудо св. великомученика Пантелеимона в Торопецкой уездной управе. Гибель адмирала Макарова в необычном освещении

Сегодня, перелистывая свою записную книжку, я напал на копию с постановления Торопецкой[1] уездной земской управы, присланную мне одним боголюбцем в такое время, когда на родине моей, в Орловской губернии, ожидали холеры и для встречи этой страшной гостьи принимали все меры, указанные "наукой". Прочитал я постановление это и скорбно задумался: куда, в какую "страну далече" отошли мы, дети, от отцов наших?! Мыслимо ли теперь в любом из земских собраний постановление, подобное нижеследующему, что постановили русские люди Торопецкого земства?

Постановление это я выписываю здесь во всей его неприкосновенности.

"С 1865 года, — так пишется в этом документе, — земские собрания и комитеты народного здравия почти во всех городах и уездах империи стали принимать меры против ожидаемой в 1866 году эпидемической холеры. Земское собрание Торопецкого уезда, имея в виду,

---

[1] Псковской губернии

что в 1830-м и 1848 годах в городе Торопце и его уезде холеры не было и зная твердую веру народа в милосердие Божие, не делало посему никаких особых распоряжений. Между тем Псковская земская управа просила Торопецкую сообщить ей, какие меры принимаются ею в случае появления эпидемии. Члены Торопецкой управы, сознавая ответственность свою перед обществом в случае непринятия ими мер при появлении холеры, решились, по совещании, отвечать так: хотя земским собранием указания на сей предмет не сделано, Торопецкая управа просит Псковскую уведомить, какие распоряжения делаются по сему предмету в других городах губернии, дабы и она, в случае надобности, могла сделать то же самое.

Когда составлено было такое отношение и писец Антонов стал переписывать его, то, написав, что "на принятие энергических мер к предупреждению эпидемии указаний от уездного земск...", поднял лист, чтобы посмотреть, хорошо ли им написано. В эту минуту сидевшие против него писаря — Кожевников и Черепенников — заметили на обороте листа какое-то неясное изображение.

— Ты пишешь на картинке, — сказали они ему и, рассмотрев лист, увидели как бы тень или слабый отпечаток изображения какого-то святого, о чем тотчас же объявили секретарю Райкову, а он доложил членам управы.

Случилось это в феврале 1866 года. Молва распространилась, и желавшие видеть это изображение находили, что оно есть лик святого ве-

ликомученика и целителя Пантелеимона, что впоследствии, по внимательном рассмотрении, оказалось действительно так.

Холера 1866 года, вырвав свои жертвы в окрестных уездах, и в этот, уже третий, раз миновала Торопец и его уезд; а в октябре того же года мощи святого целителя Пантелеимона[1] посетили Торопец.

Посему члены Управы, имея в виду:

1) что на единственной бумаге, в которой в первый раз управа выражала предположение человеческих средств против непонятной болезни, обозначился лик угодника Божия и целителя Пантелеимона;

2) что холеры в 1866 году в Торопце не было:

3) что бланк, или лист, на котором было написано отношение в губернскую управу, печатанный в Москве, есть один из нескольких сот, имеющихся в управе, на котором оказалось изображение;

4) что мощи св. угодника Божия Пантелеимона в тот же год посетили г. Торопец, —

постановили:

В память вышеуказанных событий лист с оттенком изображения угодника Пантелеимона просить освятить 14 октября и хранить в уездной управе, в воспоминание милости Божией и угодников Его, избавляющих город Торопец и уезд его от холеры.

[1] Во второй половине 60-х годов прошлого столетия афонским монахам из монастыря св. великомученика Пантелеимона был разрешен пропуск для служения молебнов по всей России. Монахи сопровождали св. мощи целителя Пантелеимона

Подлинное подписали: председатель управы Петр Языков. Член управы Иван Харинский. Секретарь управы коллежский асессор Райков".

Как за какие-нибудь 45 лет изменилась Русь, когда-то святая! Но та, прежняя Русь рождала Суворовых, а теперешняя?..

И вспоминается мне герой несчастной Японской войны — адмирал Макаров, надежда русского флота, восходящая звезда его славы, и... смерть его. В те великоскорбные дни, когда был пущен ко дну "Петропавловск" вместе с адмиралом Макаровым, в газете "Русь", служившей, как известно, целям революции и, следовательно, не имевшей, казалось бы, никакого отношения к явлениям и знамениям потустороннего мира, была напечатана корреспонденция из одного южнорусского города (помнится, из Кишинева). Там, в крайней бедности, проживала родная сестра погибшего адмирала[1].

В самый день и час гибели "Петропавловска" адмирал Макаров, как о том его сестра передавала корреспонденту "Руси", явился ей во сне. Вид его был жалкий, растерянный, печальный.

— Я не погиб еще, Варя[2], — сказал он, — взрыв был в кормовой части броненосца. Мне страшно тяжело, Варя, но я еще не погиб окончательно.

---

[1] Записываю я это по памяти. С тех пор столько событий вихрем промчалось над бедной моей родиной и над моей головой, что мне немудрено и позабыть кое-какие подробности этой корреспонденции. Но все главное я сохранил здесь неизменным.

[2] Кажется, так было ее имя.

Сообщение это было записано корреспондентом, что называется, между прочим, — не то ему, да и его читателям, было нужно, — а между тем в нем мне чудятся огненные слова:

Мене. Текел. Упарсин.

"Аще не покаетесь, вси такожде погибнете!"

Когда провожали на войну адмирала, то за ним в пути следом подвигалась целая армия газетных ищеек. Подхватывалось каждое его слово, каждый его жест фотографировался — все заносилось на страницы уличной печати, яркой представительницей которой в то зловещее время была газета "Русь". И вот на столбцах этой газеты в дни выезда Макарова из Петербурга навстречу смерти было напечатано следующее[1]:

"Адмирал занял место в купе, куда к нему вскоре подсел старый его товарищ, теперь находящийся уже не у дел. Произошел, как водится, разговор на злободневные темы, и, в частности, о последних событиях, вырвавших из строя нашей Тихоокеанской эскадры столько судов и человеческих жизней, погибших без славы и без пользы для дела.

— Ну, уж я-то не собираюсь так погибать! — воскликнул Макаров...".

И погиб.

И все мы так же погибнем, если не покаемся, и, кажется, уже погибаем, ибо не каемся.

Ах, как далеко нам до членов Торопецкой уездной земской управы состава 1866 года!

---

[1] Пишу по памяти

13 мая

Из воспоминаний епископа Сегюр. Смерть генерала В.

Моя жена[1] находится в родстве с графами Ростопчиными. Одна из Ростопчиных, дочь знаменитого московского военного губернатора, была замужем за французским графом Сегюр. В воспоминаниях ее сына, римско-католического епископа Сегюр, рассказан, между прочим, случай, весьма сходный с описанным мною вчера и касавшимся адмирала Макарова. Вот что пишет епископ Сегюр:

"Это было в России немного раньше войны 1812 года. Мой дедушка, граф Ростопчин, московский военный губернатор, был связан узами сильной дружбы с графом Орловым[2], настолько же безбожным, насколько и бравым. Однажды, во время ужина с обильными возлияниями, граф Орлов и один из его друзей, генерал В., такой же вольтерианец, как и Орлов, начали шутить над религией, и в особенности стали прохаживаться насчет ада.

— А что, — сказал Орлов, — если кто случайно окажется по ту сторону?

— Прекрасно! — возразил ему на это генерал В. — Тот из нас, кто пойдет туда первым, пусть возвратится и уведомит другого.

— Превосходная мысль! — воскликнул Орлов. И оба тут же дали друг другу честное слово не забывать об этом обещании.

---

[1] Урож. Озерова.

[2] Алексеем Григорьевичем.

Через несколько недель после этого русская армия отправилась в кампанию, и генерал В. получил в ней высшее назначение.

Прошло две-три недели, как он покинул Москву. Однажды, очень рано утром, в то время как мой дедушка занимался еще туалетом, дверь его комнаты вдруг с силой отворилась, и в комнату вошел граф Орлов — в халате, в туфлях, с растрепанными волосами, с угрюмым взглядом, бледный, как смерть...

— Орлов, это ты? — вскрикивает Ростопчин. — В такое время и в таком костюме! Что тебе нужно, что случилось?

— Мне кажется, — ответил Орлов, — что я с ума схожу: я только что видел генерала В.

— Да разве он возвратился?

— Ах нет! — ответил Орлов, бросаясь на диван и хватаясь за голову. — Нет, он не возвращался, и в этом-то весь ужас!

Ничего не понимая, дедушка попросил объяснения.

— Несколько времени тому назад, — сказал Орлов. — В. и я поклялись, что если кто из нас умрет первым, то должен будет прийти и сказать что-нибудь о потустороннем мире. Около получаса тому назад я преспокойно лежал в своей постели, совершенно о В. не думая, как вдруг занавесь моей постели с силой раздвинулась, и я в двух шагах от себя увидел В. Бледный, прижав руки к груди, он сказал мне: “Ад существует, и я там!” Сказал и исчез. Я тотчас же пошел к тебе. У меня голова идет кругом. Странно мне это, удивительно странно!

Дедушка успокоил его, как мог. Потом приказал приготовить экипаж и отвез его домой.

Десять или двенадцать дней спустя курьер из армии привез известие о смерти генерала В. В то самое утро, когда его видел и слышал Орлов, даже в тот самый час, когда он явился в Москве, несчастный генерал, выходя, чтобы рассмотреть неприятельские позиции, был сражен пулей в грудь навылет и тотчас же умер".

16 мая

Родительская суббота под Троицын день. Общение праведников и грешников кающихся, Церкви торжествующей и Церкви воинствующей

Сегодня, ради родительской субботы, пошел я к обедне помянуть наших дорогих усопших. В церковь пришел рано, до звона минут за десять. Со мною вместе вошел в храм наш старший свечник, иеродиакон Никон. Заказал я ему, какие и каким иконам поставить свечи, и дал разменять рубль. Стал о. Никон открывать ящик с выручкой, чтобы достать мне сдачи, и ахнул:

— Это что такое? Откуда?

Смотрю — в руках у него откуда-то взялась старинная маленькая медная нательная иконка и на ней два полуистертых временем изображения какого-то преподобного с потиром в руках, а над ним — Нерукотворенного Спаса.

— Да разве не ваша она? — спрашиваю.

— То-то что нет, — отвечает, — и откуда взялась? От утрени уходил, убирал ящик, ее не было.

— О. Никон, — говорю, — если нет и не найдется этому образку хозяина, дайте тогда его мне, благословите им меня!

— С удовольствием.

И он трижды перекрестил им меня и отдал.

Спрятал я, как великую драгоценность, иконочку эту в левый свой боковой карман — поближе, значит, к сердцу, — и с нею отстоял литургию. Сердце радостно трепетало...

Пришел домой, перекрестился, поцеловал новое свое сокровище, взял лупу и в нее стал разглядывать едва заметную надпись у главы преподобного. Прочел:

"ПРЕП. СЕРГИЙ"

Христолюбцы! Да что ж это такое? Канун Троицына дня! Родительская суббота! Храм Божий Введения во храм Пресвятыя Богородицы![1] Обретение иконы Спаса Нерукотворенного и верного служителя Пресвятыя Троицы, пр. Сергия, имя которого я, недостойный, недостойно ношу, и — благословение им меня от руки ктитора храма, иеродиакона, носящего имя пр. Никона, ближайшего ученика и сотаинника пр. Сергия!.. Сердце мое так и залилось волной какого-то необычайно радостного чувства... Неужели же и я, последнейший любитель истинного монашества и списатель чудес и тайн монашеского духа (я только что успел

[1] Летний собор Оптиной пустыни, как и сама св. обитель, посвящен Введению во храм Пресвятыя Богородицы.

поставить последнюю точку в рукописи моей "Святыня под спудом"), неужели и я не забыт молитвами моего Ангела пред престолом Пресвятыя Троицы? И кому отправляется моя рукопись? **Епископу Никону**, и он будет печатать ее в типографии Свято-Троицкой Лавры, обители пр. Сергия! И сам-то он, мой редактор, цензор и издатель, свое начало полагал в той же Лавре под крылом того же Преподобного! И имя-то он носит то же, что и благословивший меня иеродиакон!..

"Верою и Раав блудница... не погибла с неверными" (Евр. 11, 31).

Так незримо, но сердцу внятно общается Цер-ковь торжествующая с Церковью воинствующею, небо — с землею, праведники с грешниками, ищущими прощения и спасения.

Дней 10 — 12 тому назад в нашем же доме было дано и другое свидетельство попечения вышних о нижних.

Что-то около 1900 года, в сонном видении, преподобный Макарий Желтоводский вразумил меня соблюдать Петровский пост. Сон этот и глубоко назидательные обстоятельства, его сопровождавшие, были мною своевременно записаны, но по нерадению и из ложного смирения не были оглашены в печати для укрепления веры в братиях моих по вере. И вот дней двенадцать тому назад в нашей моленной, во время, кажется, чтения молитв на сон грядущим, образок пр. Макария Желтоводского, висевший высоко в ряду других икон, каким-то

образом, без всякого сотрясения извне, сорвался со своего места и упал на пол. Я приписал это падение недостаточной крепости гвоздика, на котором он был укреплен, повесил его пониже, приложился к нему и особого значения этому обстоятельству не придал. С этого времени мне пришлось наряду с другими иконами, до которых можно было достать, прикладываться ежедневно и к нему. И вот всякий раз стал мне приходить на сердце помысл: да как же это ты, раб Божий, до сих пор не явил твоим читателям бывшего тебе вразумления?.. И было это мне и раз, и два, пока я не сел и не написал владыке Никону для Троицких его листков о том, что сотворил мне преподобный[1]. Написал, отослал по назначению и... иконы преподобного на новом ее месте уже не нашел. Жена моя, которой я ничего еще не успел рассказать из совершившегося в тайниках моего сердца и связанного с этой иконой, уже успела перевесить ее на старое место.

Совершилось это как бы само собою, и сообразилось уже после того, как совершилось.

19 мая

Легкая смута. Житие и подвиги схимонаха Феодора (с найденной рукописи)

Записал я под 16-м мая со мною бывшее в храме Божием в канун Троицына дня и забыл упомянуть, что в самый день благословения

---

[1] Напечатано в "Троицком Цветке" под заглавием "Небесные пестуны".

меня образом пр. Сергия меня за литургией, на земном поклоне, неожиданно хватил так называемый "прострел", да так сильно, что не разогнуться: едва из церкви вышел. Я уже думал, что мне ни у всенощной, ни за литургией с вечерней на Троицу и в церкви не бывать. Однако пересилил боль, кое-как доплелся ко всенощной, а уже литургию и вечерню на другой день выстоял как ни в чем не бывало.

"Кому-то" что-то не понравилось, и "он" мне хотел показать свои когти.

Тот же "он" хотел, было, из-за "Святыни под спудом" замутить и чистейшие мои отношения кое с кем из оптинской старшей братии, но и это "ему" не удалось, по милости Божией, хотя "он" и работал над этим более недели.

Но о делах вражиих не леть ми и глаголати.

В оптинских рукописях мне довелось найти жемчужину — рукописное житие схимонаха Феодора, ученика великого молдавского старца Паисия Величковского. Паисий Величковский для русского монашества конца 18-го и 19-го века, а также и для современных добре живущих иноков был тем же, чем некогда для пустынножителей Египта и Ливии был пр. Антоний Великий. От него повелось и великое оптинское старчество, возглавленное старцем иеромонахом Леонидом, в схиме Львом. Схимонах Феодор, чье краткое рукописное житие я нашел в книгохранилищах оптинских, был учителем и сотаинником старца Леонида. Понятно, с каким интересом я отнесся к найденной рукописи и с какой любовью перенес с ее зажел-

тевших листов драгоценные ее письмена в заветные свои заметки.

"Житие и подвиги схимонаха Феодора"

"Приятно и полезно воспоминание о прошедшем. Время, рассекая цепи пристрастий, обнажает мрачность приманчивого зла, раскрывает красоту беспритворной добродетели. Столетия, даже вечность сама, благоговеют пред великими людьми; их деяния, самые имена светятся на своде небесном. События времен предков соделываются наставниками потомства на обширном поприще жизни.

Не хочу говорить здесь о знаменитых героях, о славных правителях народных: в честь им стоят великолепные памятники, в их славу гремят лиры поэтов и приговоры историков. Не прельщает меня мудрец Афинский, видевший сквозь дары рубищ Антахореновых гордость сего философа и высказывавший свою колки-

ми и презрительными изречениями, прикрытыми личиной великодушия. Предметом недостойного пера моего и слабых сердечных восторгов есть муж из священного лика тех истинно-великих мужей, которые расторгли иго страстных похотений, обнажили меч духовный против законопреступных помыслов; были гонимы, других не гнали; были убиваемы, сами не убивали; любили всех, благотворили врагам и за убийц своих предавались на смерть произвольную — того, словом, лика священного, коего основание и глава сладчайший Христос.

Исторгнутый блаженною кончиною из тризны сего жития, болезненного и многоплачевного, перенесенный в обители безконечного веселия, к сему лику благополучному причислен милосердием всемилостивого Владыки схимонах Феодор, ясно доказавший делами горячее желание свое милосердия Владычнего. Не прельстился муж сей, поистине премудрый и святый, сия луна, осветившая ночь нынешних бедственных времен, не прельстился он суетною, скоропреходящею славою; не был ослеплен пустым блеском тлеющего богатства; не оставил человеческого благородства погрязнуть в тине зловонного болота сладострастия: он возжаждал почестей горних, пленился сокровищами сердечными; уязвился любовью к несказанной сладости, Подателю всех наслаждений, Господу Иисусу Христу. Для отыскания сего дражайшего бисера, сокрытого в земле сердечной каждого православного христианина, он продал имение пристрастий, облобызал нищету

духовную устами безпрекословного послушания и обнимал оную, как бы руками, деланием всех животворящих Божественных заповедей. Тот, Кто человеколюбным и многоблагоутробным Оком взирает на кротких и смиренных, трепещущих пред святыми Его глаголами, воззрел на труд и смирение добровольного мученика и исповедника, растерзал Пресвятым Духом Своим узы его страстей, облек в блистающую багряницу безстрастия, успокоил даром превосходнейшего рассуждения и, очистив в горниле искушений, подобно чистейшему злату, вознес в чертоге счастливейшей вечности.

Сын родителей благочестивых, Феодор увидел свет в г. Карачеве, уездном городе Орловской губернии, в 1756 году по воплощении Бога Слова. Отец, которого он лишился в младенческом возрасте, был из купеческого сословия, мать — из духовного. Сирота-отрок был отдан родительницею в дом карачевского протопопа для обучения грамоте и пению. Скоро он обнаружил исключительные способности к быстрым успехам в учении; в особенности блистало в нем дарование к пению, соединенное с превосходным голосом. В то время, как он чувственным языком пел церковные песни, таинственный язык этих песнопений неприметно проникал в его сердце: сердце отрока, младенчествующее злобою, не засоренное еще страстями, удобно растворяется для принятия божественных впечатлений. Изучение грамоты вручило ему ключ сокровищниц, хранящий крупный жемчуг мысленных приобретений, — говорю о книгах Свя-

щенного Писания и отеческих. Добрые дела, послушание, простота, полезное чтение, самое время воспитывали в Феодоре ту мудрость и те чувства, которыми он впоследствии должен был возблагоухать на жертвеннике благочестия.

Из священнического дома возвратился он, уже юношею, в дом родительницы и, по ее требованию, занялся торговлей — завел лавочку в Карачеве и в этом занятии провел около двух лет. Но сердце, познавшее вкус духовной сладости, не может примириться с мечтательною, обманчивою суетою: насильственно принужденный к образу жизни, противному его наклонностям и мыслям, Феодор вздыхал в глубине души своей о тихом пристанище, и в его уме стало созревать намерение покинуть мир и восприять легкое бремя иночества. Несильный противиться справедливым требованиям совести, сердечному чувству, которым человека обыкновенно призывает Сам Бог, он оставляет родительский дом, ночью уходит из Карачева и, не открыв никому своей цели, устремляется в Площанскую пустынь, лежащую от Карачева в 80 верстах. В ней Феодор скрывается от козней многопопечительного мира.

Площанская пустынь, управляемая тогда добродетельным и довольно искусным старцем Серапионом, украшалась и благонравием братии, и стройным чином церковного богослужения. Здесь юный Феодор вступил в тризну иноческого послушания, дабы наружным рабством купить внутреннюю свободу, наружным уничижением выработать внутреннее душевное

благородство, с послушанием старался соединить терпение, которым скрепляется и связывается все здание добродетелей. Терпение же он основывал на смирении...”

20 мая

И риторика бывает нужна и полезна. Продолжение жития схимонаха Феодора

Вчера начал я списывать житие схимонаха Феодора, ради заключающегося в нем некоторого великого откровения о жизни христианской богоугодной души в потустороннем мире, а сегодня задаю себе вопрос: не проще ли, отложив к сторонке риторство составителя этого творения, списать в свои заметки только то из него, что меня поразило как откровение?.. “Нет, — решил я, — буду продолжать, как начал: недаром же Господь лучшие Свои жемчужины скрывает в самой глубине моря, между скалами и рифами, под угрозой всевозможных опасностей, таящихся в его изменчивом коварстве”. Итак, продолжаем!

“По прошествии недолгого времени родительница узнала, что сын ее живет в Площанской пустыни. Она спешит в сию обитель, исторгает юношу из защищенной и спокойной монастырской жизни и ввергает его в поток мирской молвы и соединенных с нею соблазнов. О, любовь плотская, любовь безумная! Недостойна ты святого имени, коим назвал Себя Сам Бог! Ты, по проречению Спасителя, часто воо-

ружаешь ослепленных родителей беззаконным пламенем, и те, кто получил от них телесную жизнь, от них теряют душевную и истинную!..

Снова Феодор возвращается в лавочку, и снова чувства высоких желаний волнуют его душу; снова, пользуясь темнотою ночи, бежит он из дома, из города и достигает монастыря, известного под названием Белые Берега, тогда еще малозначащего. Из Белых Берегов он отправляется опять в Площанскую пустынь и опять из нее похищается насильно матерью, распаленною желанием подружить его с миром, желанием едва ли естественным...

Утомленный такими препятствиями, думая, что его предприятие воинствовать в мысленном воинстве не угодно Богу, Феодор хотел, по крайней мере, не лишиться сладостных животворящих заповедей Господних, хотел, придерживаясь их, как за нить, выйти из лабиринта мирской жизни и мечом делания заклать чудовище, пожирающее всех, кто блуждает по этому лабиринту, не руководствуясь златосияющею нитью заповедей Христовых. Его ворота были открыты для странников; нищий не отходил от окна его, не обрадованный подаянием; больные утешались его состраданием и услугами; враги не могли сказать, что за зло он платил злом; свободное же время он посвящал чтению, стараясь сладчайшее имя Иисусово лобызать непрестанно и устами, и мыслию.

Но человек подвержен переменам; колеблется не одна молодость ветреная и пламенная, колеблется и старость, гордящаяся постоянством

и опытностью, часто мнимыми. Лишенный тишины пустынной, лишенный наставления старцев, обуреваемый нестройным вожделением юношеского тела, Феодор начал омрачаться мыслями преступными, и мало-помалу вкрались в его сердце сладострастные чувствования: он пал.

Приступим к трогательной и наставительной повести его тяжких поползновений, укажем ров беззаконий, в который он ввергся, и познаем великое могущество покаяния, когда увидим его на высочайшей степени добродетелей. "Кораблекрушение праведника, — говорит божественный Златоуст, — соделывается пристанищем грешнику: когда праведник упал с небес, то и я уже не отчаиваюсь в своем спасении. Изувеченные ранами войны сподобляются от царя особенных почестей: так и подвижники умственной брани получают блистающие венцы, когда они являются пред лицо Царя царей, обагренные кровью своих падений, сими самыми падениями победив, посредством покаяния, победителя их диавола".

В то время, как Феодор продолжал упражняться в маленькой торговле своей, открылось в их городе выгодное приказчичье место, на которое и был приглашен юноша благоразумный и ловкий. Хозяин дома скончался; его вдова, женщина целомудренная, но простодушная и лет преклонных, не могла сама входить в управление домом и вручила его Феодору. В этом-то доме и распростерты были сети, в которых запуталась нога его. Вдова была матерью четырех взрослых дочерей, прекрасных собою. Фе-

одор, увлеченный преступной страстью, погряз в беззаконное смешение сперва со старшею, потом и с младшею сестрою. Долгое время валялся он в этом болоте разврата, — сладострастие закрывает умственные очи человека, — и, наконец, желая прикрыть свои греховные раны, соединился браком с младшею сестрою.

Но узел преступления сим не развязался. Просыпается в нем совесть: он узнает цену потерянных им сокровищ; сердце его уязвляется желанием их возвращения. Он начинает посещать с прилежанием храмы Божии — словом, удваивает старание об исполнении, по силе своей, всех обязанностей христианина. Но свет, прежде в нем сиявший от послушания иноческого, не получил прежней чистоты своей.

Проникнутый глубокой печалью, Феодор примечал во всех делах своих большие недостатки, примечал, что мир рассыпал повсюду препятствия к житию богоугодному. Не в силах переносить тяжкой язвы скорби о потере утешительных чувств, не находя никакой отрады в суетных занятиях, он решился, наконец, оставить отечество, имение, супругу, младенца-дочь и, обнажившись всего, вступил снова в поприще, приятности которого он уже испробовал. Утаивая истинное намерение, он открывает подружию своему, что хочет побывать в Киеве и поклониться св. мощам преподобных отцов Печерских. С ее согласия, он отправляется в этот город, взяв с собою денег только четыре рубля и 50 копеек. Там он предает себя молитвам угодников Божиих, а затем поспеш-

но устремляется к границам России и Польской Подолии, переходит границу и отправляется в Молдавию, в которой сиял тогда великий светильник, старец Паисий Величковский, архимандрит Нямецкого монастыря.

Монастырь этот лежит в 120 верстах от города Ясы, при подошве Карпатских гор. Под ведением этого монастыря было тогда около 700 человек братий. Чин церковного богослужения и духовного окормления монашествующих находился в цветущем состоянии: иго турок и нищета братии много способствовали успехам внутреннего человека. К сему-то стаду, руководимому воистину премудрым вождем, Паисием, захотел сопричислиться и Феодор. Сам архимандрит Паисий находился тогда уже в болезненном состоянии и почти никуда не выходил из келии. Феодор умолял, чтобы его приняли приближенные, но получил отказ: ему представили многочисленность братии, недостаток в средствах. Юный странник Феодор находился в крайности: деньги, взятые им из России, были истрачены, летнее пальто, в котором он вышел из Карачева, обветшало от путешествия; наступала зима. Далеко зашедший в сторону, лишенный всего необходимого, отвергаемый приближенными старца, Феодор просил по крайней мере, чтобы его допустили принять благословение Паисия. Это ему было позволено, и он предстал земному ангелу.

Паисий, увидя рубище и отчаянное положение юноши, заплакал от сострадания, уте-

шил его словами любви сильными и причислил к своему священному стаду. С этого времени святой муж строго запретил, чтобы впредь кому бы то ни было отказывали без его ведома.

Обрадованный Феодор был отведен в хлебню. Свободной кельи не было. Для откровения помыслов и душевного назидания врученный Паисием духовнику, старцу Софронию, Феодор исповедал перед ним, по обычаю той обители, все грехи, содеянные от самой юности, и был отлучен на пять лет от приобщения Св. Таин Христовых.

Проведя несколько дней в хлебне, видит он в одну ночь во сне множество людей, как будто приведенных на суд; в числе их был и он. Перед ним пылал громадный огонь. Внезапно откуда-то явились какие-то необыкновенные мужи, извлекли его из толпы и ввергли в пламя. И стал он размышлять: отчего из всей этой большой толпы я один только брошен в этот страшный огонь? И на мысли его те мужи ответили:

— Так угодно Богу!

Проснувшись, он рассказал это видение старцу, и от него получил такой ответ:

— Огонь этот предзнаменует пламень искушений, которые должны тебя постигнуть на иноческом поприще.

Из хлебни Феодор поступил в послушание к строгому старцу, которому был поручен присмотр за монастырскими пчелами. Здесь Феодор таскал на своих плечах ульи, копал землю — словом, занимался необычной для него черной

работой. Трудно изобразить терпение, с которым он переносил подвиги телесные, укоризны начальника, непрестанно укоряя самого себя, со смиренною мыслью, что несет достойное наказание за многочисленные грехопадения свои. Пот трудов, чаша бесчестий, непрестанно им испиваемая, собственное смирение породили в нем чувство сокрушения и плача. Блаженная печаль эта, сокрушающая сердце, растворила молитву его особой силой. Иисус Господь, призываемый глубокими воздыханиями и нелицемерным сознанием немощей, мало-помалу очищал его ум, разгонял мрак страстей и возвеселял ученика Паисиевой обители и Своего странными и сладостными ощущениями, которых никогда не вкушала гортань мирянина, погребенного в житейских попечениях.

Так протекло около двух лет. Феодора, за непорочность жизни, отставили от тяжелого послушания на пчельне и сделали помощником на просфорне, находившейся в монастыре Секуле, зависевшем от Нямецкого и лежавшем от него в 12 верстах.

Подробно не будем говорить о трудах его в этом послушании; перейдем к обстоятельствам, которыми Бог возвел его на высоту добродетелей.

В пустынном месте, при потоке Поляна-Ворона, в пяти верстах от скита того же имени, жил старец Онуфрий, украшенный сединами не одних преклонных лет, но и сединами божественной мудрости. Происхождением из русских

дворян, Онуфрий возлюбил Христа с самых ранних дней своего нежного детства. В юности он в продолжение шести лет юродствовал Христа ради и, оставив юродство, удалился на Украину с другом своим, впоследствии иеромонахом Николаем, и на Украине принял ангельский образ. Онуфрий и Николай проходили вместе царский путь умеренности и взаимного совета. Обрадованные слухом о высоких достоинствах Паисия, они переселились из Украины в Молдавию и вручили себя великому старцу. Напитавшись чистою пшеницей его наставлений, получили от него благословение поселиться в пустыне, на потоке Поляна-Ворона, и там напоеваться потоками божественного созерцания.

Находясь в просфорне, Феодор все более и более приобретал чувство внутреннего умиления и горения сердечного. Чем более человек питается духовною пищею, тем более алчет ее. То же произошло и с Феодором. Душа его устремилась к жизни пустынной, и он стремление свое предал на суд старца своего, Софрония, прося его благословения послужить престарелому и ослабевшему уже в силах Онуфрию. Старец Софроний одобрил его намерение, тогда Феодор обратился с помыслом своим к великому старцу Паисию, и Паисий с любовью и радостью благословил его намерение и отправил к Онуфрию.

Переселившись к Онуфрию, Феодор вступил на путь совершенного и неограниченного послушания. Отсекая волю пред своим ду-

ховно-искусным и святым старцем, исповедуя ему все, даже мгновенные помыслы, он постепенно умирал миру, совлекал с себя мрачную одежду пристрастий ветхого человека и облекался в светозарный хитон нового — в блистающее святостию бесстрастие. Блаженное древо послушания произрастило свой обычный плод — христоподражательное смирение. "Смиренного, — говорит Лествичник, — Бог обогащает даром рассуждения".

Этим даром рассуждения и возблагоухал смиренный Феодор не наружно только, но и сердцем, внутренно.

Три подвижника эти — Онуфрий, Николай и Феодор — имели прекраснейший обычай ежемесячно приобщаться Святых, Пречистых, Животворящих Христовых Таин и ими очищались, просвещались, укреплялись в духовных подвигах и распалялись огнем божественных желаний. Онуфрий и Николай жили как братья. В келью Онуфрия, обиловавшего даром рассуждения, стекались толпы удрученных недоумением. Николай внимал самому себе и, не испытывая в глубоком безмолвии помыслы своего сердца, служил жертвою чистоты Существу Чистейшему. Феодор проходил то делание, которое святые отцы поставляют наряду с исповедничеством, — святое послушание. Кажется, можно безошибочно сказать, что эти три земных ангела не только числом, но и самой жизнию сияли во славу Животворящей Троицы. Не буду говорить об их терпении, кротости и воздержании — повесть сделается слишком про-

странной, — довольно упомянуть о царице добродетелей, о той добродетели, именем которой назвал Себя Господь, — о святейшей любви. Ее драгоценными узами соединялись эти три небесных человека воедино с Богом и друг с другом, горя пламенем чистейшей любви, усердно нося немощи немощных и отвергая всякое самоугодие. Николай и Феодор забывали себя, услуживая немощному телом Онуфрию, употреблявшему от немощи самую легкую пищу, и ту в весьма малом количестве. Онуфрий забывал свои немощи, духовным разумом своим облегчая им духовное делание.

Истинно, посреди их невидимо обитал несказанно сладостный Иисус, по неложному обещанию.

За единодушие их жизни посещены они были однажды тяжелым искушением, которое ясно засвидетельствовало благоволение к ним Домовладыки, сказавшего: “его же люблю, наказую”. Пошел Феодор в скит для таинства исповеди и святого Причащения. В его отсутствие, во время самого всенощного бдения, напали на их пустыньку разбойники и, похитив их малые запасы провизии, находившиеся в келье, возложили преступные руки свои на двух старцев и оставили их израненными, едва дышащими. Заботливый и любящий уход за ними Феодора помог им поправиться. Тогда сам Феодор поражен был болезнью, которая едва не свела его в могилу. Но Бог хранил дни праведника для пользы грешников”.

22 мая

Продолжение жития старца схимонаха Феодора. Великие откровения этой части жития приснопамятного старца

"Приближается новая печаль: кончина старца Онуфрия. За двенадцать часов до смерти открылись его сердечные очи: явилось ему судилище, которое встречает всякую душу, излетевшую от тела, и судилище это было как бы зримо соратникам Онуфрия. Праведник, истязуемый существами, для окружающих невидимыми, томился и давал ответы, из которых ясно виделось, что строгое осуждение человеческих недостатков было причиной этого страшного томления.

Онуфрий преставился весной, в марте[1].

Предав земле священные останки отца своего, Феодор продолжал жить с Николаем. Но пустыня, лишенная Онуфрия, не казалась уже для него столь любезною: ему попущено было уныние, вероятно, для того, чтобы светильник не оставался под спудом. Он вышел из пустыни, в которой жил пять лет со старцем Онуфрием и полгода с Николаем. Уходя, он получил от Николая заповедь приехать за ним следующею весною и взять его с собою в Нямецкий монастырь.

Феодор с радостью был принят архимандритом Паисием и начал проходить различные монастырские послушания: переписывал кни-

---

[1] Нетленная глава его и перси свидетельствуют по смерти о его несомненном спасении и святости.

ги Отцов, переводимые Паисием с греческого языка на славянский, пел на клиросе, на котором впоследствии сделан был уставщиком, и под руководством Паисия обучился искусству всех искусств — умному деланию, умно-сердечной Иисусовой молитве[1].

С этого времени его начала преследовать зависть, и преследовала до гроба.

По окончании зимы он, получив благословение великого старца Паисия, отправился на поток Поляну-Ворону, откуда взял с собой смиренного и безмолвного Николая и вместе с ним возвратился в Нямецкий монастырь. Но недуги и глубокая старость стали истощать телесные силы Николая. На руках Феодора скончался великий Николай, и мощей его не коснулось тление.

Феодор пребывал в Нямце до 1801 года и присутствовал при кончине знаменитого Паисия. Преемник Паисия по управлению монастырем, согбенный летами, лишенный зрения, старец Софроний также уже приближался к своему закату.

Между тем на российский престол вступил Александр Благословенный. Милостивый манифест, им изданный, дозволял свободно возвращаться в отечество бежавшим из него за границу. Софроний, видя расстройство своего монастыря, побуждаемый некоторым предчувствием, посоветовал Феодору воспользоваться монаршею милостию и возвратиться в Россию.

---

[1] О ней см. в "Добротолюбии".

Феодор послушно оставил Молдавию и вернулся в Россию, облеченный в великий ангельский образ (схиму) старцем Софронием, питавшим к нему любовь необыкновенную.

Возвратившись в Россию, он явился к орловскому архиерею Досифею и, по его желанию, избрал местом жительства Челнский монастырь. Здесь он занимался приведением в стройность чина богослужения, копал пещеру и, что всего важнее, начал уделять ближним от тех духовных сокровищ, которые приобрел в Молдавии. Но злоба и зависть скоро восстали на Феодора, и он перешел в Белобережскую пустынь, где был строителем иеромонах Леонид[1], несколько времени живший при нем в Челнском монастыре и питавшийся манною его учения. Но и здесь не укрылся он от зависти, ибо, по сказанию духоносцев, возвышался духовным совершенством, не имеющим пределов духовной высоты. Беспрестанно стекались в келью его братия, отягченные бременем страстей, и от него, как от искусного врача, получали исцеление. Не сокрыл он от них драгоценного жемчуга, хранимого в уничиженной наружности послушания, о котором он узнал не слухом только, но самим делом.

Он не погрузил в неизвестность таинства частого и стесненного призывания страшного имени Иисусова, которым христианин испепеляет сперва терние страстей, потом разжигает себя любовию к Богу и вступает в океан видений.

---

[1] Впоследствии великий основатель Оптинского старчества.

В то время в Белые Берега занесена была горячка. Ею заразились многие иноки. За ними ходил и прислуживал милосердный и любовный схимник Феодор. Но и его сломила болезнь. Он пришел в большую слабость: в течение девяти дней он не принимал никакой пищи. Все думали, что для праведника пришел час смертный: в нем внезапно онемели все чувства; глаза широко открыты; дыхание едва заметно; движение членов прекратилось, но уста осветились райской улыбкой, и на лице играл нежный, яркий румянец.

Трое суток он находился в этом необыкновенном положении и затем очнулся.

Прибежал о. строитель Леонид.

— Батюшка! — спросил он. — Ты кончаешься?

— Нет, — ответил о. Феодор, — я не умру. Мне это сказано. Смотри — бывает ли у умирающих такая сила?

И с этими словами подал ему руку.

В это время к о. Феодору вбежал его любимый ученик.

— Я почитал тебя великим, — сказал ему о. Феодор, — но Бог показал мне, что ты весьма мал.

Вслед за этим он встал с постели, в одной рубашке, и, опираясь на костыль, поддерживаемый учениками, пошел к больным, о которых ему было что-либо возвещено во время его исступления.

Невозможно изобразить всего того, что ему было открыто во время его замирания: чув-

ственный язык не может с точностью изображать предметов духовных, и потому о них можно говорить только иносказательно и притом несовершенно; к тому же многие лица, о которых было открыто в видении, еще и поныне[1] наслаждаются временною жизнью, призываемые к покаянию.

Это состояние видения началось таким образом.

За несколько дней до болезни, однажды вечером о. Феодор примирял одного своего ученика с настоятелем и внезапно почувствовал в сердце своем необыкновенное утешение. Не будучи в состоянии скрыть этого чувствования, всю его непомерную сладость, он открылся в них намеком о. Леониду. Затем началась болезнь, имевшая странное течение. Во все ее продолжение о. Феодор был в полной памяти, но на лице его обнаружилось обильное действие внутренней сердечной молитвы. Болезнь же тела проявлялась только жаром в теле и большой слабостью. Когда с ним началось состояние исступления и он выступил из самого себя, то ему явился некий **безвидный** юноша, **ощущаемый и зримый одним сердечным чувством**; и юноша этот повел его узкою стезею в левую сторону. Сам о. Феодор, как потом рассказывал, испытывал чувство, что уже умер, и говорил себе: "Я скончался. Неизвестно, спасусь ли или погибну".

— Ты спасен! — сказал ему на эти помыслы незримый голос. И вдруг какая-то сила,

[1] Писано приблизительно в 30-х годах прошлого столетия.

подобная стремительному вихрю, восхитила его и перенесла на правую сторону.

— Вкуси сладость райских обручений, которые даю любящим Меня, — провещал невидимый голос. С этими словами о. Феодору показалось, что Сам Спаситель положил десницу Свою на его сердце, и он был восхищен в неизреченно-приятную как бы обитель, **совершенно безвидную, неизъяснимую словами земного языка**[1]. От этого чувства он перешел к другому, еще превосходнейшему, затем к третьему; но все эти чувства, по собственным его словам, он мог помнить только сердцем, но не мог понимать умом.

Потом он увидел как бы храм, и в нем близ алтаря как бы шалаш, в котором было пять или шесть человек.

— Вот для этих людей, — сказал мысленный голос, — отменяется смерть твоя. Для них ты будешь жить.

Тогда ему был открыт духовный возраст некоторых его учеников. Затем Господь возвестил

---

[1] "Спаситель многими обителями у Отца называет различные меры ума водворяемых в оной стране, т.е. отличие и разность духовных дарований, какими наслаждаются по мере ума. Ибо не по разности мест, но степени дарований назвал обители многими. Как чувственным солнцем наслаждается каждый соразмерно чистоте и приемлемости силы зрения и как от одного светильника в одном доме освещение бывает различно, хотя свет не делится на многие светения, так в будущем веке все праведные нераздельно водворяются в одной стране, но каждый в своей мере озаряется умственным солнцем и, по достоинству своему, привлекает к себе радость и веселие как бы из одного воздуха, от одного места, престола, зрелища и образа. И никто не видит меры друга своего, как высшего, так и низшего, чтобы, если увидит превосходящую благодать друга и свое лишение, не было это для него причиною печали и скорби" (Исаак Сирианин. "О Небесных обителях". Слово 5-е.)

ему те искушения, которые должны были обуревать вечер дней его. В видении этом ему были даже указаны те самые лица, которые впоследствии устремили на него всю злобу. Но Божественный голос уверил его, что корабль его души не может пострадать от этих свирепых волн, ибо невидимый правитель его — Христос.

В короткое время, без лекарства, обновилось здоровье старца".

23 мая

Продолжение и конец жития схимонаха Феодора

"Желая более уединения и безмолвной жизни, о. Феодор объявил об этом желании настоятелю и братии, и они устроили ему келью в лесу, в двух верстах от обители. В этой келье о. Феодор поселился с добродетельным иеросхимонахом Клеопою. В скором времени к ним присоединился и о. Леонид, добровольно сложивший с себя достоинство строителя.

Но не может укрыться град, стоящий на вершине горы: скоро слава о великих достоинствах Феодора разнеслась повсюду. Беспрестанно толпились при дверях его кельи многочисленные посетители и нарушали безмолвие пустынножителей. Феодор и сотрудники его, утомленные молвою, начали умолять Бога, чтобы Он устроил по святой Своей воле. Вскоре в сердце их возбудилось единодушное чувство, понуждающее их переселиться в северные пределы России. Три года они не могли осуществить сего

на деле. Провидение определило Феодору прежде своих товарищей оставить Белые Берега. Он взял с собою на дорогу тридцать копеек, которые ему подарил игумен Свенского[1] монастыря, и отправился в путь. Зная презрение праведника к деньгам, рожденное крепким упованием на Бога, один из его приверженцев, схимонах Афанасий, вложил тайно в суму его пятирублевую ассигнацию. По дороге, отойдя 60 верст от Белых Берегов, Феодор встретил престарелую нищую и отдал ей эту ассигнацию.

Феодор направился к Новоезерскому монастырю, лежащему в восточной части Новгородской губернии, начальником которого в то время был знаменитый Феофан. Любовно им принятый, Феодор был им приглашен возобновить Нилову пустынь и жить в ней со своими единомышленниками. Получив от Феофана письмо к митрополиту Амвросию, Феодор отправился к митрополиту, но Амвросий не согласился на предложение Феофана и отправил Феодора в возобновлявшуюся тогда Палеостровскую пустынь, лежащую на северном острове Онежского озера.

Здесь провидение судило Феодору вступить в огонь жестоких искушений. Настоятелем Палеостровской обители был некто Белоусов, происхождением купец, купивший себе дворянство, а затем и монашество вместе с достоинством строителя. Никогда не знавший послушания, не сообразжавшийся с заповедями истинного

---

[1] В г. Брянске Орловской губернии.

христианства и иночества, Белоусов заразился завистью к Феодору и начал его притеснять. Не удовлетворившись этим, он с разными клеветами поехал на него жаловаться митрополиту.

От владыки-митрополита Белоусов вернулся с приказанием, в котором было сказано: "Схимонаха Феодора никуда не пускать и ни в какие монастырские распоряжения ему не входить; если же сделает что непристойное, противное своему чину, то, лишенный чина, будет послан в светскую команду". Это было прочитано в трапезе, причем Белоусов запретил добродетельному старцу входить в кельи к другим инокам, впускать их в свою, разговаривать с богомольцами.

— Все сие случилось, — сказал на это смиренномудрый Феодор, — за тяжкие мои грехи, за мою гордость и за невоздержанный мой язык. Слава Тебе, милосердному Создателю моему и Богу, что не оставляешь меня, многогрешного и скверного, но посещаешь и наказуешь меня за мои беззакония Своим милосердием и благоутробием отеческим.

Через несколько времени Феодор стал просить подать просьбу о переводе своем на Валаам, но получил отказ.

— Видно, — сказал он, — так угодно Богу. Буди имя Господне благословенно отныне и до века!

Вновь был послан указ, и в нем было сказано: "Феодора схимника из ворот монастырских никуда не выпускать и не допускать ни в какие советы".

— Милосердный Господь и Создатель мой, — сказал Феодор, — дай мне и сие, и что впредь может случиться за грехи мои, претерпеть с благодушием и благодарением. Дай мне отныне, по крайней мере, положить начало к житию по Твоей святой воле и к люблению Тебя, милосердого Бога, Создателя моего и Искупителя!

Вскоре после этого указа Белоусов послал ему приказание выйти на покос, грести сено.

— Не могу выйти после указа, — отвечал Феодор.

Белоусов разгорячился и закричал:

— Я тебя посажу в погреб и буду кормить травою.

— Как вам угодно, так и делайте, — сказал Феодор, — однако верую милосердому Богу моему: мне сделать могут только то, что Он попустит за грехи мои; а что Он попустит, того я и сам желаю. Лучше мне в сем веке понести наказание, нежели в будущем веке мучиться.

Два года продолжались притеснения со стороны настоятеля. Два года, лишенный одежды и обуви, сплетал он себе венец терпения. Наконец, видя расстройство Палеостровской обители и непримиримую ненависть строителя, он решился явиться к митрополиту для личного объяснения.

Перемещенный им в Валаамский монастырь, он поселился в одном из его скитов, но за самовольную отлучку из Палеострова был на год лишен камилавки.

Еще прежде него переселились в Валаамский монастырь из Белых Берегов иеросхимонахи

Клеопа и Леонид со многими другими приверженцами о. Феодора.

Около шести лет пребывал Феодор в этом знаменитом монастыре и привлек к себе почти всю братию. Это возбудило зависть начальствующих. Составилось сонмище, подобное преступной синагоге, предавшей на казнь Сына Божия, и валаамские мнимые праведники захотели стереть с лица земли праведника истинного. Но об этом довольно будет, если скажем, что тогда сбылись самим делом откровения, виденные им в Белых Берегах, сбылось и избавление, обещанное ему Спасителем. События эти слишком недавни, и потому о них запрещено распространяться.

Предпослав Клеопу в обитель Георгия (?) еще во время своего пребывания на Валааме, Феодор переселился с Леонидом в Александро-Свирский монастырь. Цепь дней его была цепью искушений... За полтора года до преставления его постигла тяжелая болезнь. В тяжкие приступы припадков недуга он твердил одно слово: "Слава Богу!"

За день до кончины он имел видение: он видел себя в некоей великолепной церкви, исполненной белоризцев, и из их среды, с правого клироса, услышал торжественный голос покойного друга своего, иеросхимонаха Николая:

— Феодор! Настало время твоего отдохновения — приди к нам.

Это совершилось в пятницу Светлой седмицы 1822 года. В девятом часу вечера заиграла

на устах Феодора радостная улыбка, лицо его просветилось, черты изменились божественным странным изменением. Ученики, окружавшие одр старца, забыли слезы и сетования погрузились в созерцание величественной, необыкновенной кончины. Благоговейный страх, печаль, радость, удивление овладели вдруг их чувствами: они ясно прочитали на челе отца своего, что душа его с восторгом излетела в объятия светоносных Ангелов.

Смерть праведника есть рождение для новой, радостнейшей жизни; смерть праведника есть сладостнейшая жатва тучных класов, прозябших из семени искушений и подвигов; смерть праведника есть величественное исшествие души, сбросившей деянием и видением страстные оковы темницы тела. Душа эта на пути своем к небу не убоится встречи лукавых демонов. Смерть праведника есть полет его, стремительный и неудержимый, на крыльях любви к Источнику любви, Господу Иисусу.

Отче святый! Ты ныне обитаешь в райских чертогах и ненасытимо наслаждаешься хлебом небесным, пролей о нас молитву пред Царем царей, не предай чад твоих челюстям вражиим, будь нам помощником в страшные смертные минуты и представь нас Лицу Всевышнего, да и мы соединим с ликующим гласом твоим наши слабые гласы и удостоимся с трепетом прославлять в вечные веки Триипостасного Бога, славимого всею вселенной. Аминь".

24 мая

Доброе слово памяти В.И.Аскочевского. Нечто о “догмате непогрешимости” римского папы, о чем вряд ли знают и римско-католики

Сейчас у меня в руках был 21-й выпуск журнала “Домашняя беседа”, того же 24 мая, что и сегодня, когда записываются эти строки, но только сорок лет тому назад — 1869 года. Ровно сорок лет исполнилось сегодня пожелтевшим страницам этим, издававшимся в конце 50-х, в 60 — 70-х годах знаменитым в то время борцом за коренные устои русской жизни Виктором Ипатьевичем Аскочевским, крепким и бестрепетным стоятелем за веру православную, за царя самодержавного, за великий верою своею и смирением народ русский. Либеральные мамаши тех годов именем Аскочевского детей своих пугали, как в доброе старое время няни — букой.

Царство Небесное подвижнику русского духа!

Надо же тому быть, что вчера я окончил выписку в свои заметки из оптинских рукописей жития в православной вере подвизавшегося старца схимонаха Феодора, а сегодня в “Домашней беседе” я нашел выписку из свода определений непогрешимости папы, как догмата, установленного лжевселенским собором при папе Пие IX в 1869 году!

Может ли быть для ищущего вселенской правды что-либо назидательнее и любопытнее, как сопоставление друг с другом этих двух выписок?!

“Папа, — учат латины, — есть Божественный человек и человеческий Бог. Посему никто не может судить его или о нем. Папа имеет Божескую власть, и власть его неограниченна. Ему возможно на земле то же самое, что на небесах Богу. Что сделано папой, то все равно, что сделано Богом. Заповеди его должно исполнять, как заповеди Божии.

Для него возможно все, кроме греха, как все возможно Богу. Только один Бог подобен папе; папа повелевает небесными и земными вещами. Папа в мире то же, что Бог в мире или что душа в теле. Власть папы выше всякой сотворенной власти, ибо она некоторым образом распространяется на предметы небесные, земные и преисподние, да оправдываются на нем слова Писания: “вся покорил еси под нозе его”.

Во власть и волю папы отдано все, и никто и ничто не может ему противиться. Если бы папа увлек за собою в ад миллионы людей, то никто бы из них не имел права спросить его: отец святой, зачем ты это делаешь?

Папа непогрешим, как Бог, и может делать все, что Бог делает. Папская консистория есть Божия консистория, в которой он состоит ключарем и привратником. Никто не имеет права приносить жалобу Богу на папу или на суд, произнесенный папою. Воля Бога, а следовательно, и папы, который есть наместник Бога, — первая и верховная причина всех духовных и телесных движений. Папа имеет верховную власть повсюду. Он опоясан двумя мечами, то есть властвует над духовными и мирскими: над

патриархами и епископами, над императорами и королями. Все люди на свете — его подданные. Он все, выше всего и содержит в себе все. Что он хвалит или порицает, то должны все хвалить или порицать.

Папа может изменить природу вещей, делать из ничего что-либо. Он властен из неправды сотворить правду; властен против правды, без правды и вопреки правде делать все, что ему угодно. Он может возражать против апостолов и против заповедей, преданных апостолами. Он властен исправлять все, что признает нужным в Новом Завете, может изменять Самые Таинства, установленные Иисусом Христом. Он имеет такую силу на небесах, что из умерших людей властен возводить в святые кого захочет, даже против всех посторонних убеждений и вопреки всем кардиналам и епископам, которые вздумали бы тому воспротивиться[1]. Папа имеет власть над чистилищем и адом. Он — владыка вселенной. Неограниченною своею властью он делает все единственно по своему произволу, может делать даже более, чем нам или ему известно. Сомневаться в его могуществе — святотатство. Власть его выше и обширнее власти всех святых и ангелов. Никто не имеет права даже мысленно протестовать против его приговора или суда.

Власть папы не имеет меры и пределов. Кто отрицает верховную власть и главенство папы,

---

[1] Из буллы папы Климента V видно, что он может приказать ангелам вывести из чистилища и доставить на небо, в рай души пилигримов, умерших на пути в Рим.

тот грешит против Святого Духа, разделяет Христа и есть еретик. Только папе предоставлена власть отнимать что бы то ни было у кого бы то ни было и отдавать другому. Папа имеет власть отнимать и раздавать империи, королевства, княжества и всякое имущество. Власть свою папа получает прямо от Бога, а императоры и короли — от папы. Папа есть наместник Бога, и кто отрицает это, тот лжец. Папа есть вместоправитель Бога над добрыми и злыми ангелами; что совершается властью папы, то совершается властью Бога. Никто не имеет права входить в Божию консисторию иначе, как посредством папы и с его дозволения, потому что папа есть привратник жизни вечной. Кто утверждает, что папа не есть глава Церкви, тот заблуждается в догмате веры. Кто не повинуется папе, тот не повинуется Богу. Все, что папа делает, угодно Богу.

Папу не может судить никто, потому что сказано: "духовный востязует вся, а сам той ни от единого востязуется". Власть его распространяется на небесное, земное и преисподнее. Он есть подобие Христа, и в теле его живет Святой Дух.

Папа есть государь всех, царь царей и причина всех причин. Один лишь он может разрешить и уничтожить присягу подданных своему повелителю. Папа превосходит всякое величие и все достоинства земные. Папа есть жених и глава Вселенской Церкви. Папа не может заблуждаться. Он всемогущ; в нем вся полнота власти. Он властен распоряжаться в противность естественному праву. Он выше

Апостола Павла, ибо по призванию своему стоит наравне с Апостолом Петром. Он может поэтому возражать против посланий Апостола Павла и отдавать приказания, противоположные его посланиям. Обвинять папу — все равно что грешить против Духа Святого, что не прощается ни в сем веке, ни в будущем.

Тройственная корона папы означает тройственность его власти: над ангелами на небесах, над людьми на земле и над бесами в аду.

Бог предоставил во власть папы все законы, а сам папа выше всех законов.

Если папа изрек приговор против суда Божия, то суд Божий должен быть исправлен и изменен.

Папа — свет веры и отражение истины.

Папа есть все над всем и может все..."

Таково изложение догмата непогрешимости папы. Осведомлены ли о нем те из рожденных в православии, кто в Римской церкви стремится обрести истину? Знают ли о нем и сами католики?

И вспоминаются мне слова пророка Исайи, обращенные к падшему херувиму Деннице, ставшему богоборцем — диаволом. "...Как упал ты с неба, Денница, сын зари! разбился о землю попиравший народы. А говорил в сердце своем: взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой и сяду на горе в сонме богов, на краю севера; взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему. Но ты низвержен во ад, в глубины преисподней..." (Ис. XIV, 12—15).

Что осталось теперь от светской власти папы? Велик ли авторитет его теперь и в самой-то Римской церкви?

"Разбился о землю попиравший народы!.."

25 мая

С.А.Манаенкова. О том, как я поселился в Оптиной. Слова о. Егора Чекряковского о нашем поселении в Оптиной. Мой сон об о. Амвросии Оптинском. Видение о. Амвросия в тонком сне. Старец о. Иосиф и мой сон

Приехала помолиться, пожить и отдохнуть в Оптиной София Александровна Манаенкова. Эта раба Божия — дитя Оптинского духа: о ней стоит поговорить особо.

Наше знакомство впервые завелось в августе 1907 года, когда мы с женой приезжали из Валдая, где тогда временно проживали, в Оптину пустынь помолиться Богу, поговеть и войти в общение с Оптинскими старцами, которых я любил и знал, но с которыми жена моя лично еще не была знакома. По моим рассказам она уже успела душой привязаться к ним: надо было привязанность эту закрепить личным свиданием, что и было сделано Успенским постом того незабвенного 1907 года, когда старцами было решено наше поселение на жительство с ними, на благословенной земле Оптинской... Впрочем, я. помнится, еще ничего не записал о том, как совершилось это важнейшее в нашей жизни событие. Запишу, пока оно еще свежо в па-

мяти, а потом — честь и место Софье Александровне.

Дело было так.

В конце июля 1907 года говорит мне жена:

— Что же это мы все никак не можем собраться в Оптину? Столько ты мне наговорил о ее духовной красоте, о ее старцах, о живописности ее местоположения, а как ехать туда, так ты все оттягиваешь. Напиши о. архимандриту и о. Варсонофию, что собираемся к ним погостить. Ответят, и тогда — с Богом.

Я так и сделал.

Вскоре от обоих старцев я получил ответ, с любовью нас призывающий под покров оптинской благодати на богомолье и на отдых душевный, сколько полюбится и сколько поживется.

Мы наскоро собрались и поехали.

На жену Оптина произвела огромное впечатление. Про меня и говорить нечего: я не мог вдосталь надышаться ее воздухом, благоуханием ее святыни, налюбоваться на красоту ее соснового бора, наслушаться ласкающего шепота тихоструйных, омутистых вод застенчивой красавицы Жиздры, отражающей зеркалом своей глубины бездонную глубину оптинского неба...

О красота моя оптинская! О мир, о тишина, о безмятежие и непреходящая слава Духа Божия, почивающая над святыней твоего монашеского духа, установленного и утвержденного молитвенными воздыханиями твоих великих основателей!..

О благословенная моя Оптина!

К Успеньеву дню мы готовились, а на самый велик день Богоматери удостоились быть и причастниками Святых Таин. На следующий день, 16 августа, был праздник Нерукотворенному Спасу, день, из-за родового нашего образа особо чтимый в моей семье. Мы были у поздней обедни. После отпуста мы с женой направились к выходу из южных врат храма. У самого выхода, у Казанской иконы Божией Матери, нас встречает один из старцев, иеромонах о. Сергий, и, преподавая нам свое благословение, неожиданно для нас говорит:

— Как жаль, С.А., что вы от нас так далеко живете!

— А что?

— Да вот, видите ли, есть у нас помысл издавать Оптинские листки — вроде Троицких: жили бы вы где-нибудь поблизости, были бы нашим сотрудником.

— За чем же, — говорю, — дело стало? Мы, слава Богу, люди свободные, никакими мирскими обязанностями не связанные: найдется для нас в Оптиной помещение — вот мы и ваши.

— Ну что ж, — говорит старец, — Бог благословит. Переговорите с о. архимандритом и с о. Варсонофием: благословят они — и поселяйтесь с нами: что может быть лучше нашей оптинской жизни?!

Мы были вне себя от неожиданной радости.

Разговор этот происходил во Введенском храме, как раз под Казанской иконой Божией Матери, у правого клироса Никольского придела.

И запали нам слова батюшки о. Сергия в самую глубину сердечную: и впрямь — что может быть лучше жизни оптинской?!..

Когда-то в Оптиной проживал на временном "покое" один из ее знаменитых постриженцев, впоследствии архиепископ Виленский, архимандрит Ювеналий (Половцев). Во внешней ограде монастырского сада он выстроил себе в конце 70-х годов прошлого столетия отдельный корпус со всеми к нему службами, прожил в нем лет десять и оттуда был вызван на кафедру Виленской епархии. С тех пор корпус этот, перешедший в собственность Оптиной, стоял почти всегда пустой, изредка лишь занимаемый на короткое летнее время случайными дачниками. Вот об этом-то корпусе, вернее усадьбе, я и вспомнил после знаменательного для нас разговора с о. Сергием под Казанской иконой Матери Божией. Решили пойти его смотреть. Послали в архимандритскую за ключами и, пообедав у себя в гостинице, пошли около часу дня присматривать себе новое жилище.

В этот час вся Оптина отдыхает.

На площадке между монастырскими жилыми корпусами и храмами не было ни души, никого даже из богомольцев не было видно на всем пространстве обширного внутреннего двора обители, когда я с женой и с одной валдайской старушкой, нашей спутницей, проходили по нему, направляясь в сад к ювеналиевской усадьбе.

Подошли к Казанской церкви. Я остановился перед нею, снял шляпу, перекрестился и,

пользуясь тем, что кругом посторонних никого не было, вслух молитвенно сказал:

— Матушка, Царица Небесная, если Тебе угодно, чтобы мы здесь поселились под Твоим кровом, то Ты уж Сама благослови!

И не успел я до конца промолвить последнего слова — "благослови", как неожиданно из-за угла Казанской церкви показался с полным ведром воды в руках один из старейших оптинских иеромонахов, ризничий о. Исаия, некогда бывший старшим келейником великого старца Амвросия. Услыхал он мое слово, поставил свое ведро на землю и не без живости меня спросил:

— На что благословить-то?

Так нас эта встреча взволновала, что я едва был в состоянии толком объяснить о. Исаии, на что я просил благословения у Царицы Небесной. Снял батюшка с головы своей камилавку и, благословляя нас, растроганным голосом произнес:

— Бог да благословит вас! Да благословит намерение ваше доброе Сама Царица Небесная!

И пока благословлял нас о. Исаия, вокруг нас, откуда ни возьмись, собралось еще три иеромонаха: благочинный, о. Илиодор, о. Серапион и скитский иеромонах о. Даниил (Болотов), наш особо близкий друг и доброжелатель, — и тут все четверо благословили наше водворение под кров обители Оптинской, созданной и освященной в честь и славу Введения во храм Пресвятой и Пренепорочной Приснодевы Богородицы.

Для меня такое “совпадение” было знамением. Знамением оно показалось и всем в тот час с нами бывшим.

Чего только? Тут ли, на земле, это откроется или там, на небе, — одному Богу известно.

О. Даниил — Царство ему Небесное! — пошел с нами в наше будущее гнездышко и на коленях, милый и любвеобильный старец, помолился там с нами пред иконой Смоленской Божией Матери[1], чтобы укрыла Она нас в гнездышке этом от зла века сего, от клеветы человеческой.

До чего же нам тогда полюбилось ювенальское затишье!..

О, как было бы желанно в нем и жизнь свою кончить!.. С о. архимандритом уговор о жительстве нашем покончен был с двух слов; обычно же наш авва никому из мирских не позволяет подолгу заживаться в Оптиной. И это нам было тоже в знамение.

Съездили мы тут же с женой к о. Егору Чекряковскому[2], моему присному советнику в важные минуты жизни; он тоже благословил нам поселиться в Оптиной.

— Благословите, — говорю ему, — батюшка, поселиться нам в Оптиной до смерти.

— Да-да, — ответил он. — Годочка два, ну три, — поживите, поживите! Только условие с монахами напишите, а то ведь их там не один человек: мало ли что может случиться!

---

[1] Домовая икона корпуса, Одигитрия-Путеводительница.

[2] О нем — в книге моей “Великое в малом”. Село Спас-Чекряк, где священствует батюшка, от Оптиной на лошадях 55 верст.

— Батюшка! — опять говорю. — Уж вы до смерти нам там жить благословите!

А он все свое:

— Годочка два-три поживите. Ведь вы сами знаете, что теперь почетных мест нет: какие теперь могут быть почетные места-то?!

Очень нам тогда слова эти были не по мысли.

Все это происходило в августе 1907 года, а первую ночь в новом своем оптинском приюте мы провели с 30 сентября на 1 октября того же года.

Первое утро нашей оптинской жизни, таким образом, было утром Покрова Божией Матери: милости Ее искали — милость Ее в Покрове и получили, под кровом Ее обители, в среде Ее верующих послушников оптинских.

И это тоже было вере нашей в знамение.

И вспомнился мне тогда мой сон, виденный мною лет за семь или за восемь до нашего переселения в Оптину. Было это, стало быть, в начале 1900-х годов. В те годы я еще продолжал быть довольно крупным помещиком Орловской губернии. Скорби моей личной и помещичьей жизни тогда впервые меня затянули искать совета и утешения у Оптинских старцев, и тогда же я впервые ознакомился с поразившим мое чувство житием присноблаженной памяти великих старцев Льва (Леонида), Макария и, наконец, нашего современника Амвросия. С этого посещения Оптиной пустыни прилепилось мое сердце к этому великому и святому месту узами неумирающей, святой любви и веч-

ной благодарности; с этого жития и открылся мне тайник сокровенного Оптинского духа, выпестовавшего таких богатырей русской мысли, как братья Киреевские, напоившего до сытости и меня водами источника жизни, приснотекущего в блаженнейшую вечность и именуемого истинным старчеством, истинным монашеством.

Я не застал в живых ни великого Амвросия, ни великого Анатолия (Зерцалова), еще так недавно блиставших чистыми звездами на тверди Оптинской, но узнал и сблизился, в меру моей духовной скудости, с их еще здравствовавшими тогда сотрудниками и сотаинниками. И этого было для меня довольно — предовольно, ибо большего не могло бы вместить убожество моего сердца и духа.

— Выйди от меня, Господи, ибо я человек грешный! — воскликнул первоверховный Апостол Петр Спасителю мира, ибо наполнились лодки и стали тонуть от великого множества рыбы, пойманной им и другими с ним бывшими рыболовами... Не могло бы и мое грешное сердце вместить всего духовного оптинского улова, если бы он открылся мне во всей неизмеримой своей полноте, во всей глубине своей непостижимой...

И вот, вскоре после первой моей поездки в Оптину, я видел сон: иду будто из монастыря в Скит заветной дорожкой и несу к о. Амвросию великую и безнадежную скорбь моей души, обремененной всякими грехами, подхожу к скитским святым воротам и вижу, что на месте "хи-

барки"[1] стоит большое белое каменное здание; но я знаю, что это все-таки прежняя батюшкина хибарка. Вхожу в нее; меня встречает монах высокого роста, плотный и широкоплечий; волосы у него не очень длинные, белокурые, со значительной проседью и вьющиеся природными мелкими завитками. Одет он в белом балахоне, какой летом у себя в келье носят оптинские монахи[2]... Я знаю, что это келейник старца.

— Батюшка! — обратился я к нему. — Можно ли мне видеть отца Амвросия?

— Можно, — говорит, — он вас... — при этом он встал со стула и пристально взглянул мне в глаза, — он вас примет.

— Я слышал, что он все болен.

— Нет, — говорит, — он у нас совсем здоров, совсем здоров!

И с этими словами монах повел меня внутрь "хибарки". Ввел он меня в просторную, высокую, под сводами комнату, сияющую ослепительной белизной своей побелки. Огромное, во всю стену, окно освещает эту комнату яркими и теплыми лучами чудного летнего дня. В ком-

---

[1] "Хибаркой" у Оптинских старцев, живущих в скиту, называется пристройка к их келье, отведенная для приема на совете женщин. Вход в эту пристройку — с наружной стороны скитской ограды. Внутрь ограды вход женскому полу воспрещен.

[2] Я останавливаюсь на подробностях внешности этого монаха, по-тому что именно с этими подробностями я признал теперь, уже спустя 7 — 8 лет, в виденном мною во сне монахе оптинского старца о. Анатолия (Зерцалова), портрет которого я на днях увидал в келье о. Варсонофия, нашего духовника и старца. Портрет этот писан искусной рукой о. Даниила (Болотова) и, сказывают, похож как две капли воды на свой оригинал.

нате стоит аналой, на аналое крест и Евангелие. Никакой мебели в комнате этой не было.

— Подождите здесь, — сказал мне монах. — к вам батюшка сейчас выйдет.

Сказал и вышел.

И он вслед вошел, небесный человек и земной ангел! Вошел в епитрахили и в поручах, светлый, благостный, любвеобильный, старенький, седенький, но живой в движениях и быстрый, и... такой, такой добрый, такой любящий, такой всепрощающий...

Я упал ему в ноги и залился слезами...

И плакал я долго, безудержно, безутешно плакал и, плача у ног его, все говорил, все говорил ему, прерывая слова свои рыданиями, про все скорби мои, про грехи юности моей и неведения, про грехи знания и противления моего, про соблазны и соблазненных мною, любящих меня, любимых мною моих дорогих и близких — про все, про все свое я говорил ему. И когда я все сказал, все выплакал под ноги великому и святому старцу, тогда он поднял меня с полу и стал мне в свою очередь что-то говорить. и говорил долго, ласково, любвеобильно. И по мере того как он мне говорил свои, сердцу моему сладкие речи, тоска и скорбь моей души начинали от нее отходить мало-помалу и все светлее и светлее становилось на сердце, измученном неправдою моей нехристианской жизни. Но что мне говорил великий старец, того не запомнил я ни во сне, не помнил и тогда, когда проснулся... И после речей своих, забвенных мною, покрыл меня батюшка своей епитрахи-

лью, отпустил мне грехи мои многие, дал поцеловать крест и Евангелие, положил мне свою руку на левое плечо и сказал такое слово:

— Ну, вот что, друг, скажу я тебе: и прокурором будешь, а Исаакия все равно не минуешь. Господь с тобою!

И я, весь в слезах, проснулся, а в ушах еще звенели последние слова великого старца.

И подумалось мне: старец скончался во дни настоятельства в Оптиной пустыни архимандрита Исаакия... Уж не монахом ли мне быть в его обители? Мирской человек со всеми своими привязанностями и чувствами, я отогнал эту мысль как нелепую, но сон этот не мог уйти из моей памяти...

И вот я — в Оптиной: Исаакия, стало быть, не миновал, успокоенный, утешенный святыней Оптинского духа и всем, чем наделил меня от щедрот Своих Господь...

Что значит: "и прокурором будешь?.." Сейчас не понимаю. Когда-нибудь узнается, если будет угодно Богу...

Вскоре после поселения нашего в Оптиной пустыни жена в тонком сне, ночью, видела отца Амвросия в нашем доме: вышел старец из нашей моленной, прошел к нам в спальню, подошел к нашей кровати и о чем-то долго со мною говорил, но о чем — жена не слыхала.

Я в эту ночь спал крепко и никаких снов не видел. Про этот сон свой жена рассказала другу нашему, отцу Даниилу (Болотову).

— С нашими старцами, — сказал он, — это бывает: поселится кто в обители новый, они его

навестят непременно, посмотрят, как живет, иногда вразумят, наставят, а то и наказанием взыщут.

Про свой сон об о. Амвросии я рассказывал старцу о. Иосифу. Он не без волнения рассказ мой выслушал и признал его истинным, но объяснения ему не дал. Говорю — "не без волнения", потому что я видел, как во время моего повествования глаза батюшки Иосифа затуманились слезой и одна тихо-тихо скатилась по его ланите...

И вот уже седьмой месяц доходит второго года, что мы живем здесь, в тихом нашем пристанище, тихо и радостно. Что будет дальше?

Твори, Господи, волю Свою!

26 мая

С.А.Манаенкова. Кощунство над девятичинновой просфорой. Беснование как наказание за кощунство. Исцеление Манаенковой на могиле старца Амвросия Оптинского

София Александровна Манаенкова[1], о приезде которой я упомянул вчера, обязана жизнью своей души святыне и дерзновению перед Богом молитв почивших и живых Оптинских старцев.

Вот что с ней было.

— Происхожу я, — рассказывала мне Софья Александровна, — из потомственных дворян Орловской губернии. У родителей моих

[1] Главное действующее здесь лицо названо, с его разрешения, полным его именем.

было маленькое именьице в Елецком уезде. Доходов с имения этого едва хватало нашей семье, чтобы еле-еле сводить концы с концами, питаясь, как говорится, с хлеба на квас. Когда я подросла, меня родители отдали в Орловский институт, который я и кончила благополучно в 80-х годах прошлого столетия. Не успела я окончить курса, как передо мною во весь рост встал роковой вопрос: чем существовать? У матери моей, с ее крохотными средствами к жизни, сил не было содержать меня в праздности. В руках у меня был диплом. Недолго раздумывая, с помощью добрых людей, я открыла в Ельце школу для девочек, постепенно развертывая ее в частную женскую гимназию с правами казенных гимназий. Дело мое пошло настолько хорошо и стало на такую прочную почву, что мой годовой личный заработок начал давать мне средства к жизни в полном довольстве, без роскоши, но ни в чем себе не отказывая.

Неподалеку от имения матери, в нашем же уезде, находилось и имение одной моей институтской подруги, вышедшей к тому времени замуж за известного в Орле доктора Голостенова[1]. Во время летних вакаций я жила в деревне у матери, и мы часто виделись с моей подругой и с ее семьей, проводившей лето тоже в своей усадьбе. У мужа моей подруги была сестра, молодая девушка, с которой я тоже подружилась. Все мы были молоды, здоровы, полны сил и энергии; всем нам жизнь улыбалась — жилось, словом, уютно, дружно, весело, беззабот-

[1] Голостенов Николай Николаевич.

но, не забивая головы никакими сложными вопросами, да и сердца не отягчая ничем, что могло бы заставить его биться сильнее обыкновенного.

И вот в такую-то беззаботную, чуждую всяких духовных запросов жизнь проникло, наконец, извне и нечто от духа: муж моей подруги, доктор Голостенов, увлекся гипнотизмом и спиритизмом и увлечением своим заразил и нас. Завелись в нашем кружке собеседования по этому вопросу, появилась целая литература предмета, возбудился горячий интерес к изучению на практике явлений из области того же духа. "Коего духа" были эти явления, никто из нас не интересовался: какое кому было до этого дело — было бы только интересно и весело да вносило бы оживление в однообразие захолустной деревенской жизни! Взбудоражился наш тихий мирок, обрадовавшись, как дитя, новой, пряной духовной пище, которой ему не была в состоянии дать ни казенная наука, ни то, что нам тогда казалось нашей религией. Религия!.. Мы все были православные по крещению, по диплому, в котором были обозначены наши "успехи" в Законе Божием, но по духу, по проникновению в великое таинство нашей веры и нашего спасения, мы ничем не отличались от язычников. Мы были круглые невежды в нашем Православии, мы были даже хуже язычников.

И вот углубились мы по уши в изучение новых духовных возможностей. От теории, обильно уснащенной примерами практики, мы не замедлили перейти и к самой практике: стали

заниматься внушением и отгадыванием мыслей, стали вертеть блюдечко и вступать в общение с невидимым миром по способу и указке той “науки”, которой до сих пор увлекаются сознательные и бессознательные отступники от веры Христовой. К занятиям этим наиболее способными из нашего кружка оказались я и сестра мужа моей подруги, и мы до того увлеклись производством “чудес” из области новой для нас “науки”, что ради новых радостей духа часто готовы были даже позабыть и об утешениях плоти.

И вот наступил, наконец, день расплаты за наше безумие. Был день ангела моей подруги. Все мы были в сборе у нее в доме. Подруга моя утром была у обедни в своем селе. Мы ждали ее с чаем, с пирогом, с разными подарками. Настроение у всех было приподнятое, праздничное... За чаем было шумно и весело... Отпили чай. Что будем делать? Давай за свое, что более всего захватывало в то время нашу душу, — за внушение. Решено было, что я должна уйти в дальнюю комнату дома, там что-нибудь задумать и задуманное внушить сделать сестре мужа моей подруги.

Дальняя комната была спальней и кабинетом моей подруги и ее мужа.

Я, недолго думая, побежала в эту комнату, конечно, одна, оставив остальную компанию под взаимным надзором в столовой, где пили чай. Первое, на что упал мой взгляд в кабинете, была девятичиновная обеденная просфора, которую от Литургии принесла моя подруга.

Просфора лежала на письменном столе и, как предмет для него необычный, прямо мне бросилась в глаза. Я схватила ее и перенесла на умывальник. Пусть, задумала я, она (сестра мужа моей подруги) возьмет ее с умывальника и переложит обратно на письменный стол. Задумала и крикнула:

— Готово!

На мой крик сбежались из столовой все, а та, которой я внушила исполнить мною задуманное, нимало не колеблясь, кинулась сперва к письменному столу, от него — к умывальнику и только было хотела протянуть руку к просфоре, как внезапно, точно отброшенная чьей-то могучей рукою, перевернулась вокруг себя один раз и грохнулась на пол в обмороке, а я на том же полу уже билась в конвульсиях припадка падучей. Внушенная оправилась скорее, а меня, внушительницу, отходили только через три часа, несмотря на помощь доктора, мужа моей подруги. Обе мы ничего не помнили, что с нами было, не понимали, как и отчего могло это с нами произойти. Ничего, конечно, не понимал в этом и доктор.

И вот, с самого этого памятного и страшного дня, перевернулась до неузнаваемости вся моя жизнь. Никогда не знавшая никакой болезни тела, души же и того менее, я стала подвергаться припадкам так называемой падучей болезни — эпилепсии, как зовется она людьми науки. Сперва изредка — раз в три месяца, — затем каждое новолуние, а потом повторяясь и по нескольку раз в день, припадки эти меня

довели до полного изнеможения, до потери всякой способности к какому бы то ни было труду. Пришлось уйти от любимого моего дела, от источника моего пропитания. И чем дальше, тем все хуже и хуже становилось мое состояние. Дошло до того, что мною овладело полное отчаяние и я стала посягать на свою жизнь. Счету нет, сколько раз покушалась я на самоубийство.

И стала я всем в тягость, а себе ненавистна, как лютый и беспощадный враг. В таком состоянии, в немоготу себе и людям, прожила я что-то около пятнадцати лет... Из молодой, здоровой девушки, видите, в какую я теперь превратилась старуху?[1]

Болезни моей, от которой меня лечили всякими средствами, конечно, никто не понимал. Не понимала ее и я.

Как-то раз, в скитаниях моих по родным с одного хлеба на другой, поселилась я на временное жительство к родной своей сестре. Замужем она за начальником станции. Жалованьишко у мужа небольшое; семья огромная. Жутко мне было сидеть на их спине нахлебницей, да еще припадочной, а делать было нечего — пришлось сидеть. Муж сестры — человек простой, без особого образования, но добрый и глубоко, по-старинному верующий.

— А что, Соня, — спрашивает он меня както раз, — давно ли ты говела?

---

[1] Когда мне С. А. все это рассказывала, ей с небольшим было лет 40 — 45, но на вид она казалась гораздо старше.

— Да с тех пор, — отвечаю, — как больна, ни разу не говела.

— Ах, матушка, — воскликнул он с живостью, — да разве ж так можно? И не нашлось у тебя ни одного доброго человека, кто бы об этом позаботился. Да так-то и без болезни болен сделаешься. Непременно поговей, поисповедайся да причастись Святых Христовых Таин: Бог милостив, глядишь, и выздоровеешь.

Я не отказалась.

Поговела я, походила в церковь, поисповедалась... Припадки мои меня как будто оставили... Наступил день причащения. Литургию я стояла всю хорошо, чувствовала себя сносно, как будто даже здоровой... Открылись царские врата...

— Со страхом Божиим и верою приступите!..

И что ж вы думаете? Меня, изможденную и обессиленную пятнадцатилетними страданиями, к святой Чаше, к источнику жизни, едва могли подвести девять человек: такая явилась во мне невероятная сила противления святыне, такая ненависть к Св. Тайнам, что ярости внезапно во мне проявившейся силы едва могли противостоять девять человек из числа богомольцев, помогавших сестре моей со мной справиться.

Я, институтка, барышня образованная, благовоспитанная, не верившая ни в беснование, ни в кликушество, смеявшаяся и издевавшаяся над этим "бабьим невежеством и притворством", — я сама оказалась бесноватой.

Это был такой ужас, такой ужас, что о нем и вспомнить страшно... Слава Богу, что все это теперь прошло, но и теперь еще, когда вспомнишь об этом прошлом, волос дыбом становится. Корень болезни, однако, был найден, и с этого дня началось уже правильное мое лечение: по совету верующих людей, я часто стала причащаться, стала ездить, насколько позволяли мне средства, к святым местам. Припадки падучей почти прекратились, припадки явного беснования становились все слабее, но им на смену явилось в сердце моем чувство такой неописуемой, нечеловеческой тоски, что, если бы не милость Божия, меня тайно поддерживавшая, я бы не была в силах противиться ее давлению, я бы умерла с этой тоски.

Исполнялось уже восемнадцать лет с того дня, как я дерзнула произвести опыт внушения с девятичиновной просфорой. Одна боголюбивая женщина уговорила меня поехать с нею к Оптинским старцам. Достали мне даровой билет по железной дороге, и я с женщиной этой добралась до Оптиной.

В Оптиной мне все очень понравилось. Понравились ее храмы, чин ее богослужения мне тоже полюбился, как полюбилось и местоположение этой чудной обители; но ни к старцам, ни к старческим могилкам я идти ни за что не хотела, как ни упрашивала меня моя спутница: внутри меня точно все переворачивалось при одной мысли о старчестве вообще и, в частности, о подвижниках оптинских. Глухой, прямо им враждебный протест поднимался во всем

существе моем: “На что они мне? Что в них такого, чего нет у других им подобных людей? Ну их!..” И я упорно обходила во время своих оптинских прогулок и кельи их, и могилы их великих предшественников.

Тоска, меня глодавшая, немного затихшая было вскоре по приезде в Оптину, вновь принялась грызть мое сердце пуще прежнего. Моя спутница уговорила меня говеть, и мы с ней вместе стали готовиться. Вот в это-то время и произошло со мною нечто великое, что навеки связало мою жизнь с Оптинскими старцами несказанною к ним благодарностью.

С тоской, которая мне не давала ни отдыху ни сроку, у меня было связано еще одно чисто физическое ощущение: я чувствовала в груди, под сердцем, как бы клубок какой, который даже ощущался иногда на ощупь. Этот клубок подкатывался под самое сердце, и тогда я готова была кричать от тоски и от боли. И еще было у меня горе — я не могла плакать: потребность плакать была, но не было слез; слезы точно сдавлены были этим страшным клубком и наружу не изливались.

Как же это было ужасно!

И вот в дни говения, перед исповедью о. Серапиона[1], я решилась наконец — не знаю сама как — пойти на могилу о. Амвросия. Решила одна, сама с собой, одна и пошла на могилу. И когда я вошла в открытую часовенку над этой

---

[1] Тот же о. Серапион, который первый призвал нас жить в Оптиной.

могилой, преклонила колени у ее беломраморного надгробия и приложила к нему свою горемычную голову, вот тогда-то я, впервые за все восемнадцать лет своей нечеловеческой муки, почувствовала, что открылся исток моим слезам, что слезы безудержным потоком из груди хлынули к горлу и излились на вольную волю горькими, покаянными рыданиями. И долго, долго плакала я, склонясь головой своей бедной на надгробие заветной могилы, пока не изошло из груди моей слезами все мое многолетнее страшное горе. И тут я почувствовала, что свалилась вдруг с меня какая-то тяжесть и что не стало и в груди моей давившего ее столько лет страшного клубка.

Отец Серапион, которому я на исповеди рассказала всю мою жизнь и то, что со мной произошло на могиле старца о. Амвросия, выслушал меня внимательно, с большой любовью, разрешил мне грехи, содеянные мною от семилетнего возраста и исповеданные ему во время этой памятной исповеди, взял потом требник и стал меня по нему отчитывать. Я кричала, билась, вырывалась из кельи, а потом затихла.

С того часа и поныне припадков моих со мною больше не повторялось. Душевно я стала совершенно здорова.

После причастия я пошла на могилу батюшки Амвросия и тут внезапно почувствовала, что я исцелилась, совсем, окончательно и навсегда исцелилась. И снизошла на меня тут такая блаженная радость, что не только от тоски моей не осталось и помину, но я думаю, что ей

и места уже никогда не будет в сердце, раз испытавшем это неизъяснимое блаженство. И представьте себе, что чувство блаженства этого меня не покидало в течение целого года по возвращении моем из Оптиной домой. Целый год мне даровано было наслаждаться таким душевным миром и счастьем, что я вполне была вознаграждена за 18 лет моей муки, понесенной мною в наказание за грех моего кощунства.

Восемнадцать лет! Ровно по два года за каждую часть просфоры!.. Отстрадала здесь — там, Бог даст, страдать не буду.

Такова незаурядная история Софии Александровны, мне рассказанная ею самою Успенским постом 1907 года.

27 мая

Мед с Оптинских цветов: беседа с отцом Иаковом о старце Амвросии

Есть у нас в Оптиной слепец-монах, о. Иаков. Долгое время он нес в обители послушание канонарха, затем стал терять зрение, а под конец и вовсе ослеп. Очень расположено мое сердце к этому слепенькому подвижнику.

Как-то раз, идя из церкви после всенощной домой, я обогнал о. Иакова, ощупывающего палочкой перед собою дорогу, приостановился, подождал его и повел его под руку в его келью. Прощаясь со мной у порога своей лестницы (его келья во втором этаже), он придержал меня за рукав и говорит:

— Зайдите как-нибудь ко мне: мне есть кое-что рассказать вам из жизни старца Амвросия и моего с ним общения.

Долго я все никак не мог собраться к о. Иакову. Сегодня пошел в час, когда после обеденного покоя по всем монашеским кельям раздувают самоварчики — это едва ли не единственное утешение плоти, которое позволяют себе оптинские монахи. Постучался, помолитвился.

— Аминь! — отозвался из кельи голос о. Иакова. — А, это вот кто пожаловал! Милости просим, — радостно приветствовал меня хозяин кельи, — милости просим! А я думал, что вы уже и забыли про убогого Иакова.

— Не забыл, а все некогда было, мой батюшка, по поговорке: дела не делаю и от дела не бегаю. День за днем, вот под упрек и угодил к вашему преподобию — простите!

А самоварчик кипел уже и у о. Иакова. Присели мы к этому сотаиннику скорбей монашеских, и вот что поведал мне за чайком мой слепенький молитвенник.

— Было это, — сказывал он мне, — лет двадцать пять назад. В то время я еще был только рясофорным послушником и нес послушание канонарха. Как-то раз случилось мне сильно смутиться духом, да так смутиться, что хоть уходи вон из монастыря. Как всегда бывает в таких случаях, вместо того чтобы открыть свою душевную смуту старцу — а тогда у нас старцем был великий батюшка о. Амвросий, — я затаил ее на своем сердце и тем дал ей такое раз-

витие, что почти порешил в уме своем уйти и с послушания, и даже вовсе расстаться с обителью. День ото дня помысл этот все более и более укреплялся в моем сердце и, наконец, созрел в определенное решение: уйду! Здесь меня не только не ценят, но еще и преследуют: нет мне здесь места, нет и спасения! На этом решении я и остановился, а старцу, конечно, решения своего открыть и не подумал... Вы это, мой батюшка С.А., поимейте в виду: в случаях, подобных моему, теряется и вера к старцам — такие же, мол, люди, как и все мы, грешные... И вот, придя в келью от вечернего правила, — дело это было летом, — я в невыразимой тоске прилег на свою койку и сам не заметил, как задремал. И увидел я во сне, что пришел я в наш Введенский собор, а собор весь переполнен богомольцами, и все богомольцы, вижу я, толпятся и жмутся к правому углу трапезной собора, туда, где у нас обычно стоит круглый год плащаница до выноса ее к Страстям Господним.

— Куда, — спрашиваю, — устремляется этот народ?

— К мощам, — отвечают, — Святителя Тихона Задонского!

"Да разве, — думаю я, — Святитель у нас почивает? Ведь он в Задонске!.." Тем не менее и я направляюсь вслед за другими богомольцами к тому же углу, чтобы приложиться к мощам великого угодника Божия. Подхожу и вижу: стоит передо мною на возвышении рака; гробовая крышка закрыта, и народ подходит и прикладывается к ней с великим благоговени-

ем. Дошла очередь и до меня. Положил я перед ракой земной поклон и только стал всходить на возвышение, чтобы приложиться, смотрю: открывается предо мною гробовая крышка, и во всем святительском облачении из раки поднимается сам Святитель Тихон. В благоговейном ужасе падаю я ниц и, пока падаю, вижу, что это не Святитель Тихон, а наш старец Амвросий, и что он уже не стоит, а сидит и спускает ноги на землю, как бы желая встать мне навстречу...

— Ты что это? — прогремел надо мною угрозой старческий голос.

— Простите, батюшка, Бога ради! — пролепетал я в страшном испуге.

— Надоел ты мне со своими "простите"! — гневно воскликнул старец.

Передать невозможно, какой ужас объял в ту минуту мое сердце, и в ужасе этом я проснулся.

Вскочил я тут со своей койки, перекрестился... В ту же минуту ударили в колокол к заутрени, и я отправился в храм, едва придя в себя от виденного и испытанного.

Отстоял я утреню, пришел в келью и все думаю: что бы значил поразивший меня сон?.. Заблаговестили к ранней обедне, а сон у меня все не выходит из головы, — я даже и отдохнуть не прилег в междучасие между утреней и ранней обедней. Все, что таилось во мне и угнетало мое сердце столько времени, — все это от меня отступило, как будто и не бывало, и только виденный мною сон один занимал все мои мысли.

После ранней обедни я отправился в скит к старцу. Народу у него в это утро было, кажется, еще более обыкновенного. Кое-как добрался я до его келейника, о. Иосифа[1], и говорю ему:

— Мне очень нужно батюшку видеть.

— Ну, — отвечает он, — вряд ли, друг, ты ныне до него доберешься: сам видишь, сколько народу! Да и батюшка что-то слаб сегодня.

Но я решил просидеть хоть целый день, только бы добиться батюшки.

Комнатку, в которой, изнемогая от трудов и болезней, принимал народ на благословение старец, отделяла от меня непроницаемая стена богомольцев. Казалось, что очередь до меня никогда не дойдет. Помысл мне стал нашептывать: уйди! Все равно не дождешься!.. Вдруг слышу голос батюшки:

— Иван! (Меня в рясофоре Иваном звали.) Иван! Поди скорей ко мне сюда!

Толпа расступилась и дала мне дорогу. Старец лежал, весь изнемогший от слабости, на своем диванчике.

— Запри дверь, — сказал он мне еле слышным голосом. Я запер дверь и опустился на колени пред старцем.

— Ну, — сказал мне батюшка, — а теперь расскажи мне, что ты во сне видел!

Я обомлел: ведь о сне этом только и знали, что грудь моя да подоплека... И при этих словах изнемогший старец точно сразу ожил,

---

[1] Преемник о. Амвросия по старчеству. Почил о Господе 9 мая 1911 года.

приподнялся на своем старческом ложе и, бодрый и веселый, стал спускать свои ноги с дивана на пол совсем так, как он спускал их в моем сновидении... Я до того был поражен прозорливостью батюшки, особенно тем способом, каким он открыл мне этот дар благодати Божественной, что я вновь, но уже въяве, пережил то же чувство благоговейного ужаса и упал головою в ноги старца. И над головой услышал я его голос:

— Ты что это!

— Батюшка, — чуть слышно прошептал я, — простите, Бога ради!

И вновь услышал я голос старца:

— Надоел ты мне со своими "простите"!

Но не грозным, как в сновидении, укором прозвучал надо мною голос батюшки, а той дивной лаской, на которую он только один и был способен, благодатный старец.

Я поднял от земли свое мокрое от слез лицо, а рука отца Амвросия с отеческой нежностью уже опустилась на мою бедную голову, и кроткий голос его ласково мне выговаривал:

— Ну, а как же мне было иначе вразумить тебя, дурака?[1] — кончил такими словами свой выговор батюшка.

---

[1] См. Четь-Минеи Св. Димитрия Ростовского, 3 декабря, "Житие пр. Иоанна молчальника", 63-я стр. Благочестивая диаконисса Раиса пожелала видеть преподобного в Лавре Саввы Освященного, куда доступ женам был запрещен. Преподобный послал ей сказать: "Пребуди на месте, идеже еси ныне. Аз имам явитися тебе в видении сонном"... В некую же нощь спящей ей явися в сонном видении преподобный, глаголя: "Се Бог посла мя к тебе, глаголи убо мне чего хощеши..."

А сон мой так и остался ему нерассказанным: да что его было и рассказывать, когда он сам собою в лицах рассказался! И с тех пор, и до самой кончины великого нашего старца я помыслам вражиим об уходе из Оптиной не давал воли.

Кончил свой сказ слепенький мой собеседник, а слезы у меня кап да кап! И самоварчик наш откипел и отшумел, и чай остыть успел в наших чашках...

О глубина старческой святыни! О простота и глубина бездонная великих чудес твоих, смиренная, кроткая, тайнодействующая простота, не расширяющая воскрилий своих, не ищущая первоседаний и чтобы ей говорили: учителю, учителю! — но в смиренной тайне своей учительная и спасающая бесчисленные души, сумевшие обрести тебя вдали от горделиво напыщенных и широко шумящих распутий мира, обрести и укрыться под твоей любовью и жалостью от вражды и бессердечия одевающихся в мягкие одежды сынов века сего и служителей богов его, золотых, серебряных, медных, каменных и деревянных, которые не могут ни видеть, ни слышать, ни ходить...[1]

О радость исполнения веры Христовой, превозлюбленной! И вспомнились мне слова великих Оптинских старцев:

— Придет и Оптинскому старчеству конец, но горе тому, кто ему конец положит!

---

[1] Апок. 9, 20.

Кто же положит конец старчеству в Оптиной, кто дерзнет решиться на такое святотатство? Кому же другому, как только антихристу или явным слугам его!.. Неужели же мы доживем до дней этих? Предания наших великих старцев мало дают надежд на продолжительное стояние миру... Помилуй нас, Господи!..

— Батюшка! — обратился я к о. Иакову после раздумья о слышанном, так глубоко захватившем мою душу. — Ну, а после отца Амвросия к кому вы прибегаете со своими скорбями и помыслами?

— Куда теперь, мой батюшка, ходить убогому Иакову! — ответил мне мой собеседник. — Храм Божий да келья — только и есть у слепого две привычные дороги, по которым он ходит с палочкой и не спотыкается. А в больших скорбях сам Бог не оставляет Своею милостью. Было это, скажу я вам, осенью позапрошлого года. В моей монашеской жизни совершилось нечто, что крайне расстроило весь мой духовный мир. В крайнем смущении, даже в гневе провел я тот день, когда мне эта скорбь приключилась, и в таком состоянии духа достиг я времени совершения своего келейного молитвенного правила. Приблизительно в девять часов вечера того памятного дня, нимало не успокоившись и не умиротворившись, я без всякого чувства, только лишь по 36-летней привычке, надел на себя полумантию, взял в руки четки и стал на молитву в святом углу, пред своею образницей. К тому времени, когда со мною случилась эта скорбь, я уже почти совсем ослеп — мог видеть

только дневной свет, а предметов уже не видел... Так вот, стал я на молитву, чтобы совершить свое правило, хочу собраться с мыслями, хочу привести себя в молитвенное настроение, но чувствую, что никакая молитва мне нейдет и не пойдет на ум. Настроение моего духа было приблизительно такое же, как тогда, двадцать пять лет тому назад, о чем я вам только что рассказывал... Но тогда еще жив был о. Амвросий, думал я, старец мой от дня моего поступления в обитель, ему была дана власть надо мною, а теперь я и убог, и совершенно одинок духовно — что мне делать?[1] Осталось одно: изливать свои гневные чувства в жестких словах негодования, что я и делал. Укорял я себя в этом всячески, но остановить своего гнева не мог.

И вот совершилось тут со мною нечто в высокой степени странное и необычное: стоял я перед образами, перебирая левой рукой свои четки, и внезапно увидел какой-то необыкновенный ослепительный свет. В то же мгновение глазам моим представился ярко освещенный этим светом необыкновенно красивый, дивными цветами цветущий луг. И вижу я, что иду по этому лугу сам, и трепещет мое сердце от прилива не изведанного еще мною сладкого чувства мира души, радости совершеннейше-

---

[1] Старцы продолжали свое преемственное дело в Оптиной и по смерти о. Амвросия, но кто терял своего духовного руководителя, особенно если он был подобен такому великому старцу, как о. Амвросий, тот поймет чувство духовного одиночества моего собеседника.

го покоя и восхищения от красоты и света этого, и этого неизобразимо прекрасного луга, и когда я в восторге сердечном созерцал всю радость и счастье неземной красоты этой, глазам моим в конце луга представилась невероятно крутая, высочайшая, совсем отвесная гора. И пожелало мое сердце подняться на самую вершину горы этой, но я не дал воли этому желанию, сказав себе, что человеческими усилиями не преодолеть страшной крутизны этой. И как только это я помыслил, в то же мгновение очутился на вершине горы, и из вида моего пропал тот прекрасный луг, по которому я шел, а с горы мне открылось иное зрелище: насколько мог обнять взор мой открывшееся предо мною огромное пространство, оно все было покрыто чудной рощей, красоты столь же не изобразимой человеческим языком, сколько и виденный ранее луг. И по всей роще этой были рассеяны храмы разной архитектуры и величины, начиная от обширных и величественных соборов, кончая маленькими часовнями, даже памятниками, увенчанными крестами. Все это сияло от блеска того же яркого, ослепительного света, при появлении которого предстало восхищенным глазам моим это зрелище. Дивясь великолепию этому, я иду по горе и вижу, что предо мною вьется, прихотливо изгибаясь, узкая горная тропинка. И говорит мне внутреннее чувство сердца моего: тебе эта тропинка хорошо знакома — иди по ней смело, не заблудишься! Я иду и вдруг на одном из поворотов вижу: сидит на камне незнакомый мне благообразный

старец — таких на иконах пишут. Я подхожу к нему и спрашиваю:

— Батюшка, благословите мне сказать, что это за удивительная такая роща и что это за храмы?

— Это, — ответил мне старец, — обители Царя Небесного, ихже уготова Господь любящим Его!

И когда говорил со мною старец, я увидел, что из всех этих храмов ближе всех стоит ко мне в этой дивной роще великолепный, огромных размеров храм, весь залитый сиянием дивного света. Я спросил старца:

— Чей это, батюшка, храм?

— Этот храм, — ответил он мне, — Оптинского старца Амвросия.

В это мгновение я почувствовал, что из рук моих выпали четки и, падая, ударили меня по ноге.

Я очнулся.

И как стал я в девять часов вечера на молитву, в том же положении я и очутился, когда очнулся от бывшего мне видения: стою в полумантии пред своими иконами, только стенные часы мои мерно постукивают маятником. Заблаговестили к заутрени: был час пополуночи.

Видение мое продолжалось, таким образом, четыре часа. И отпала от меня всякая скорбь, и со слезами возблагодарил я Господа, утешившего меня за молитвы того приснопамятного, чей храм в обителях Царя Небесного стоял ко мне ближе всех остальных виденных мною храмов...

Таков мед с цветов Оптинских достался мне сегодня из улья слепенького моего молитвенника.

Недаром, слава Богу, прошел для меня день сегодняшний.

Как же не любить мне моей Оптиной!..

Из посмертных чудес митрополита Павла Тобольского

В дни моей молодости мне довелось некоторое время служить в Симбирске и там на месте наблюдать едва ли не единственную в мире "игру природы": к красавице Волге, катящей свои могучие воды с севера на юг, у самого Симбирска подбегает шаловливою рябью другая речка, Свияга, бегущая с юга на север. Близко-близко подступает она в Симбирске к Волге, и, кажется, еще одно слабое усилие с обеих сторон — и обе реки вот сольются в общем потоке. Но нет! Ударяясь о кряжи симбирского нагорного берега, Волга несколько уклоняется к востоку, а Свияга — к западу, а затем обе реки выпрямляют свое течение и текут почти параллельно, в небольшом расстоянии друг от друга, в противоположные стороны: Волга на юг, Свияга же прямо на север. И текут они так не версту, не две и не три, а пока не сольются своими волнами у Свияжска Казанской губернии, к северу от Симбирска верстах в двухстах, если не более...

Мирно текли воды "Божьей реки" моих оптинских записок, день за днем, месяц за меся-

цем, как вдруг вплеснулась в них могучая волна иной великой реки и воды моей понеслись в иную сторону...

...Прошу прощения, читатель дорогой, но на этот раз я изменю хронологическому порядку моих записок и внимание твое от 1909 года отвлеку к 40-м годам прошлого столетия: в перспективе вечности, к которой призывает нас с тобою Господь, тысяча лет яко день вчерашний, воды и Волги, и Свияги текут все в то же Хвалынское море, а "Божьи реки" — в безбрежное море великих Господних чудес.

27 мая текущего 1914 года, на день памяти Преподобного Нила Столбенского, я получил неожиданно письмо от неизвестного мне до этого времени преподавателя одного из духовных училищ юга России.

Ах, как бесценно дороги такие письма!..

Написано так: "...Посылаю вам рукопись с описанием чудес святителя Павла, митрополита Тобольского, надеясь, что вы ею воспользуетесь и в "Троицком Слове" сообщите о чудесах угодника Божия, совершившихся в 40-х годах прошлого столетия. Это сделать ныне весьма благовременно, так как, по благословению Святейшего Синода, предположено церковное прославление и торжественное открытие мощей сего святителя в следующем, 1915 году, в год трехсотлетнего юбилея Киевской Духовной академии, имеющей счастье считать святителя Павла своим воспитанником и учителем.

Сию рукопись я получил недавно от протоиерея Цехановского[1], однокашника по Полоцкому кадетскому корпусу приснопамятного старца Оптинской пустыни, схиархимандрита Варсонофия, с которым отец протоиерей находился в отношениях духовной дружбы и духовного родства до последних дней жизни почившего. Что же касается о. протоиерея, то он, в свою очередь, рукопись эту получил от Софии Павловны Янчуковской, дочери протоиерея Киевского Военно-Никольского собора, служившего в соборе том в 40 — 50-х годах прошлого столетия. В рукописи описание чудес святителя Павла ведется со слов архимандрита Петра, с 1833-го по 1844 год бывшего наместником Киево-Печерской Лавры".

"Читаешь рассказ этот, — пишет далее мой корреспондент, — и невольно чувствуешь сердцем, что здесь содержится живая действительность, не подлежащая сомнению, вызывающая одно чувство умиления и благоговения".

Умились над этой рукописью и ты, благоговейный читатель!

Вот точная копия этой рукописи:

"Записано со слов ев. в. а. П.[2]

В начале 40-х годов приехала сюда[3] помолиться помещица Черниговской губернии, де-

[1] О. Мефодий (Цехановский), настоятель церкви в Прозоровской башне в Киеве, бывш. благочинный Киевского военного духовенства.

[2] Его высокопреподобия архимандрита Петра.

[3] В Лавру.

вица Ек. Пер., немолодых уже лет, цветущая здоровьем и очень полная, чем она даже тяготилась.

Однажды приходит она ко мне и говорит:

— О. н. (отец наместник), я имею к вам великую, особенную просьбу. Я видела необыкновенный сон: передо мною стоит в архиерейском облачении старец и говорит, называя меня по имени: “Ты приехала сюда помолиться. Доброе твое дело!.. Теперь пойди к н. а. П. (наместнику архимандриту Петру) и скажи ему, чтобы он тебя провел ко мне. Я лежу в приделе архидиакона Стефана под спудом. Если он будет отказываться, потому что туда не ходит никто, то скажи ему, чтобы испросил благословения у митрополита”[1]. Я только что хотела его спросить: “Кто же вы?” — как он уже говорит: “Я митрополит Павел Тобольский; там меня увидишь”.

Долго я рассуждал о сем; правда, сделал возражение, что действительно мы туда не ходим; но, по неотступной ее просьбе, обещал испросить на сие благословение и разрешение митрополита, который, выслушав мой рассказ о ее убедительной просьбе, дозволил открыть склеп и повести ее туда. Тогда я ей назначил день после поздней обедни; без народа велел открыть склеп, и мы с ней, в сопровождении двух братий, сошли вниз. Я открыл гроб; поклонились, с молитвою и благоговением при-

---

[1] Киевским митрополитом в то время был благостнейший архипастырь, приснопамятный святитель Божий Филарет (Амфитеатров). *Прим. моего корреспондента.*

ложились к руке святителя. Сняли воздух, покрывавший его лицо. Она вскрикнула:

— Это он; его видела!

Долго смотрела она, и плакала, и молилась...

Спустя несколько дней снова подходит она ко мне и говорит:

— Знаете ли, когда мы были у святителя Павла, я, видя его мощи, думала: вот муж святой, изнуривший себя постом, трудами, подвигами, удостоен нетления; я же, проводя жизнь роскошную, толстею не в меру; беспечно уходят дни мои, и буду обильною пищею червей. "Как бы мне хотелось исхудать, чтобы сколько-нибудь быть похожей на тебя, святитель Божий!" — Эта мысль весь день занимала меня... Только что ночью я задремала, святитель снова стоит предо мною и говорит: "Ты, стоя у гроба моего, думала об излишней полноте своей. Желаешь похудеть. Смотри не скорби: Бог пошлет тебе болезнь — совсем похудеешь. Но эта болезнь будет еще не к смерти... Тебе хочется здесь жить — знаю желание души твоей. Поезжай домой, все устрой, никого не обидь, и, возвратясь в Киев, будешь посещать Лавру, пещеры, и в мою могилу приходи[1]. Так живя, приготовишься к переходу в вечную жизнь. Я буду о тебе молиться Господу, и, когда придет время, я тебе возвещу".

По слову святителя Павла, она уехала в имение; всем распорядилась и приехала уже

[1] Под спуд, в усыпальницу.

совсем в Киев, чтобы доживать последние свои дни. Заметна была в ней перемена — куда делась полнота; худела она с каждым днем более и более. Часто заходила она ко мне и в беседе нашей все говорила:

— Уже меня эта жизнь не привлекает: хоть бы умереть!

Все ее мысли и разговоры были направлены к переходу в вечность; ничто земное ее не занимало.

По ее желанию, дозволено ей было ходить изредка ко гробу святителя Павла; не раз она просила отслужить по нем панихиду.

Прошло около года. Наступила глубокая осень. Здоровье ее становилось все хуже. Один раз она была в Лавре, исповедовалась и приобщилась Святых Таин; была в пещерах, у святителя Павла; зашла в мою келию и говорит:

— Я видела во сне святителя; он мне сказал: "Теперь время близко — не бойся! Надо тебе поговеть, пока еще ты можешь быть в церкви. Будешь в Великой Церкви[1], пойди в пещеры, зайди ко мне: это уже твое последнее посещение будет. Побывай у наместника, скажи ему, что когда ты совсем заболеешь, чтобы он над тобой совершил таинство елеосвящения". Я стала его просить, чтобы вы меня похоронили. Святитель ответил: "Нет! Архимандрит Петр будет тебя напутствовать больную, когда ты уже не в силах будешь приехать в церковь; ты скажи ему от меня, чтобы он приехал пред кон-

[1] В Киеве-Печерской Лавре.

чиной твоею исповедовать и приобщить тебя Святых Таин и благословил тебя перед смертью; но хоронить тебя будет н. ар. Ав.; положит на Ас. м., вблизи места моего погребения"[1]. Я дерзнула спросить: почему не батюшка архимандрит Петр похоронит меня — я так почитаю его? Слышу ответ: "Он в это время будет больной: нельзя будет ему из келии выходить, хотя он и сам очень этого желает. Но так Богу угодно. Молиться мы оба о тебе будем, и в 40-й день он будет служить за тебя. Не смущайся сим и уготовляй себя к переселению в жизнь вечную".

Все совершилось по словам угодника Божия. Немного дней спустя я сам навестил больную. Вижу, очень уже она ослабела и просит меня приехать к ней, чтобы исповедовать и приобщить ее Святых Таин, что я и исполнил в назначенный ею день. Уходя от нее, думаю: верно, это последний раз ее вижу. Тяжело стало на душе моей, но виду ей не показываю... Она вдруг говорит:

— Батюшка, я не прощаюсь с вами; а вот в такой-то день, ради Бога, будьте у меня и, по слову святителя Павла, благословите меня к переходу в жизнь вечную.

В назначенный день я посетил ее, совсем безнадежную; но бодрость духа ее удивляла: так она небоязненно, с совершенным упованием на

[1] "Это место, — пишет мой корреспондент, — я читаю так: "но хоронить будет никольский архимандрит А. (?); положат на Аскольдовой могиле, вблизи места моего погребения". Я, как киевлянин, знаю, что вблизи Лавры находится монастырь Николая Пустынного и при нем кладбище "Аскольдова могила".

милосердие Божие, — конечно, и на ходатайство святителя Павла, — переходила в будущую жизнь, как будто собиралась в дальний путь. Все время сидел я, всматривался в нее, вслушивался в ее предсмертную беседу: ничто ее не смущало. Какое спокойствие было в ее душе!.. Когда я встал, чтобы проститься, слезы подступили у меня к горлу. Читаю "Ныне отпущаеши" — и не могу читать. Она тоже заплакала. Благословляю ее и в смущении духа говорю ей: "Прости и молись о мне, грешном!" Она же мне сказала:

— Это уже, батюшка, последний раз вижу вас здесь, на земле: более нам не видеть друг друга.

Вышел я очень расстроенный. Приехал, занялся своим делом. Поздно вечером присылают сказать, что Ек. тихо, мирно скончалась и пред самым исходом просила, чтобы сейчас же известили меня о ее кончине. Делаю распоряжение о ее погребении и думаю наутро поехать отслужить панихиду и предполагаю сам и хоронить ее на "Аскольдовой могиле". Пошел к заутрени. Придя домой, лег уснуть. Что сделалось? Боль в ногах нестерпимая; утром встать с постели не могу — весь разболелся. Послал в Никольский монастырь просить архимандрита Ав., как и предсказал святитель Павел. Так ее без меня и похоронили...

Мысль о моем недостоинстве смущала меня весь день. Ночью уснул. Вижу Ек.: как бы живая, светлая лицом, стоит предо мною и говорит:

— Не смущайтесь, батюшка, — так Богу угодно. Благодарю вас за все попечение ваше о моей душе; буду молиться о вас.

Только что я хотел спросить: “Где ты ныне обитаешь?” — как в ответ на мою мысль она сама сказала:

— Слава Богу! За молитвы святителя Павла Господь меня переселил в райские блаженства. Немного я потерпела на земле. а теперь душа моя прияла радость нескончаемую. Вас прошу на 40-й день отслужить обедню и панихиду о моей душе. К тому времени вы выздоровеете. За все благодарю. — Она стала невидима.

Понемногу я оправился. Первый мой выезд был на ее могилу, и в 40-й день я исполнил ее просьбу: служил Божественную Литургию и панихиду о упокоении души ее богоугодной”.

Такова православная вера наша. Такова любовь Божия. Таков угодник Божий, святитель Павел Тобольский.

Я знаю, что за нарушенный порядок моих записок не посетует на меня мой читатель.

30 мая

Письмо из Больших Солей. Из воспоминаний прошлых лет: св. “Микола Амченский”, мой покровитель. О. Варнава от Черниговской. Лето в Николо-Бабаевском монастыре и великое оправдание монашеской веры

Сегодня получил письмо от одного духовного друга из села Большие Соли Костромской губернии. Верстах в трех от этого села, при впа-

дении речки Солоницы в Волгу, стоит знаменитый Николо-Бабаевский мужской монастырь. Знаменит он чудотворной иконой Святителя Николая, частью его св. мощей[1] и как местопребывание на покое святителя Игнатия Брянчанинова, обретшего в нем и вечный покой свой до последней трубы архангельской.

В гостях у этой святой обители мы с женой имели счастие прожить без малого полгода — от конца апреля до первой половины октября 1906 года.

Полученное из тех краев письмо воскресило в моей памяти жизнь нашу под покровом обители Святителя Николая, а вместе и некоторые события, с ней связанные, не лишенные общехристианского интереса, хотя касаются они частных лиц, и в их числе и моей немощи.

Начну издалека.

В тех краях, где до 1905 года было мое поместье, во Мценском уезде Орловской губернии великой славой и верой пользуется чудотворная икона Святителя Николая. Икона эта, в рост человека, вырезана из цельного куска дерева и, по преданию, явилась на камне близ того места, где и поныне стоит соборный храм г. Мценска. В этом же соборе и находится это чудотворное изображение великого из великих чудотворцев Православной Церкви.

Святитель Николай — покровитель Мценского края, а с ним и мой: как бывший помест-

---

[1] Насколько мне известно, это единственное место во всей России, если не во всем мире, где имеется такая большая часть мощей Св. Николая, кроме г. Бари, конечно, где они почивают.

ный дворянин Мценского уезда, владевший там наследственной землей, я иной родины, иного родного гнезда не знаю. С Богом всюду хорошо: "Господня земля и исполнение ея, вселенная и вси живущии на ней", но нет и не может быть роднее на земле места, про которое говорится — "где родился, там и годился".

Родился-то я, положим, в Москве, но родной землей — амчанин[1], оттого и "батюшку Миколу Амченского" почитаю "собинным" — особенным — своим небесным покровителем, не менее близким, чем данный мне во святом крещении мой Ангел, Преподобный Сергий Радонежский.

А что на самом деле это так, а не одни мои предположения, тому есть и некоторые свидетельства из мира, живущего не по одной плоти, но и по духу.

Было это в 1901 году. Сын мой только что кончил курс Орловской гимназии. Экзамены его кончились в начале июня, а с начала сентября для него должна была начаться новая, студенческая жизнь, по "своей", что называется, "вольной волюшке": где уж студента опекать, хотя бы и любовью родительского попечения?! Отдохнул он с недельку после экзаменов на просторе и приволье деревенских радостей, я и говорю ему:

— А что, — говорю, — хорошо бы нам с тобой съездить к нашему Преподобному, к Тро-

[1] Уроженцы Мценского уезда зовутся по местному "амчане", а город Мценск — "Амченск".

це-Сергию, в Лавру да там испросить у нашего с тобой Ангела[1] благословения тебе на новый путь? Ты как об этом думаешь?

На великое мое и его счастье, сын мой не отрекся от веры отцов своих.

— Да, с радостью, папа! — ответил он мне, и мы поехали.

Заезжали мы по дороге и к о. Егору Чекряковскому[2], отцу моему духовному, и в святую Оптину пустынь, и, наконец, удостоились поклониться и своему Преподобному. Вот тут-то мы, амчане, и узнали от одного из живых в то время Божьих угодников, что неложна наша вера в Святителя и что он есть истинный наш покровитель и заступник.

Отстояли мы с сыном молебен Преподобному Сергию, обошли святыни и достопримечательности лаврские.

— Поедем, — говорю, — в Гефсиманию, к Черниговской и в Вифанию: до поезда еще времени много.

И вспомнилось мне, что у Черниговской, в скиту живет один из столпов современного монашества и старчества, о. Варнава, известный высотой своей подвижнической жизни и даром прозорливости. Решили принять его благословение. Говорю сыну:

— Великий это, как слышно, человек пред Богом. Советов у него спрашивать не будем, так как старец наш, отец Егор, уже указал тебе

---

[1] Сына, как и меня, зовут Сергием.

[2] О нем в книге моей "Великое в малом".

путь[1], а принять благословение и просить молитв у такого человека для нас с тобой чрезвычайно важно. Пойдем непременно к нему, если только он дома: пусть и он благословит тебе твой новый путь.

У Черниговской поклонились чудотворной иконе Черниговской Божией Матери.

— Старец о. Варнава, — спрашиваю, — дома?

— Дома-то, — отвечают, — он дома, только его сейчас нет в келье.

— А где же он?

— У генеральши Кротковой.

— Это где ж?

— За Вифанией. Домой часа через два-три будет.

— Видно, — говорю сыну, — не придется нам видеть старца.

А про себя думаю: и получить его фотографию. Почему явилась у меня такая мысль, не знаю, тем более что ни у кого из духовных знакомых мне лиц я никогда портретов в то время не просил. Помню, я даже осудил себя за такой помысел: точно, мол, у мирской знаменитости просить хочешь — какие у монаха могут быть фотографии!..

Так и отъехали мы от Черниговского скита, не повидав отца Варнавы.

В Вифании, куда мы приехали от Черниговской, кроме нас никого не было. У святых во-

---

[1] На университетские курсы Московского лицея в память цесаревича Николая (Катковский лицей).

рот стоял один послушник, а другой, там же встреченный, взялся нас водить по вифанским святыням. Поклонились мы гробу Преподобного Сергия и только что успели положить поклон последнему на земле жилищу митрополита Платона — его гробнице, как увидали бегущего к нам послушника, кличущего нас:

— Батюшка Варнава вас обоих к себе требует!

Мы подхватились что есть духу бежать к св. воротам Божьим и спрашиваем:

— Как он о нас узнал?

— Ничего, — отвечает, — не знаю; велел позвать, а сам вас дожидается у св. ворот.

У св. ворот стояла запряженная в одну лошадь, крытая, с поднятым верхом плетеная пролетка; на козлах сидел кучер, из-под верха пролетки, нагнувшись вперед, выглядывала на нас седенькая головка старичка-монаха с необыкновенно живыми, добрыми и ласковыми, проницательными глазками. Это и был всероссийски известный православному люду старец Варнава от Черниговской...

— Вам, — встретил он нас такими словами, — мое благословение нужно; а тебе, — обратился он непосредственно к сыну, — благословение нужно на новый путь; так езжайте за мной: я домой сейчас еду.

Посмотрел пристально на меня и неожиданно спросил:

— А ваше здоровье-то как?

Я был совершенно здоров и по самочувствию, и по виду.

— За ваши, — ответил я, — святые молитвы, слава Богу!

— Ну, езжайте же за мной ко мне!

И о. Варнава быстро покатил по направлению к Черниговскому скиту. Мы едва поспевали за ним на паре заморенных извозчичьих клячонок.

— А ведь это я вам отца-то Варнаву оборудовал, — сказал, обернувшись к нам вполоборота, извозчик. — Это я его оборотил к вам, когда он проехал мимо Вифании.

Холодной водой обдали меня эти слова. Бедный малый думал угодить, а не ведал, что “род сей”, к которому принадлежал и я, “знамений и чудес ищет” и что его извозчичья услуга сразу в моем сердце низвергла прозорливость старца с высот чудесного до низин обыденной человеческой встречи.

...Ну что ж, подумал я. Отец Варнава все-таки иеромонах: получим и простое, но все же иерейское благословение. И опять мелькнула мысль: а я попрошу у него портрет с надписью.

Подъехали мы к Черниговской вслед за батюшкой. Забежал он в лавочку, что у св. ворот, взял мелочи, дал своему кучеру и быстрой походкой пошел с нами по направлению к своей келье.

Поджидавшего его народа было довольно много, и все теснились к старцу, оттирая нас от него...

— Батюшка, а батюшка! — так и сыпались на него со всех сторон призывные восклицания. Нас было совсем от него оттеснили.

— Ну, вы подождите! Подождите, говорю я вам, — громко сказал старец теснившей его толпе, — а вот вы-то, со студентом, со студентом-то, идите за мной.

Толпа раздалась и пропустила нас к старцу.

В это время старец уже поднимался по ступенькам своего крылечка. И опять он неожиданно спросил меня:

— Ну, а здоровье-то ваше как?

Мне что-то стало вдруг не по себе от повторения этого вопроса.

— Слава Богу! — ответил я смущенно.

Каким-то не то крюком, не то палкой батюшка сунул в отверстие замка своей двери, открыл ее и в темненькой своей прихожей опять обернулся ко мне и в третий уже раз предложил мне в той же форме все тот же вопрос о моем здоровье; и опять я еще смущеннее ответил:

— Слава Богу!

Старец пристально взглянул на меня, помолчал, что-то подумал, а может быть, и помолился — продолжалось это одно мгновение — и вдруг точно повеселел и радостно воскликнул:

— Ну, если слава Богу, так и слава Богу!

И с этими словами ввел нас обоих в первую комнатку своей кельи.

На стареньком письменном столе, покрытом ветхой клеенкой, лежала какая-то небольшая икона. Батюшка взял ее в руки, поднял над нашими головами — мы стали на колени — и, благословляя ею наши склоненные головы, сказал:

— Вам было нужно мое благословение: да благословит вас Господь сей святой иконой

Чудотворца Николая. Запомните ж мое слово: Святитель Николай и в сем веке, и в будущем есть и будет ваш заступник и ходатай.

Потом, благословляя тою же иконой сына, сказал ему:

— Да благословит Господь, молитвами Святителя Николая, твой новый путь!

Подумал немного, поглядел на меня...

— А тебе, — сказал он, — я еще и свой "патрет" дам.

Так и сказал — "патрет".

У меня от сердца к горлу подступили слезы... Верующие знают это сладкое чувство.

Так вот он какой, этот старец Варнава!

А уж он из соседней комнаты вынес свою фотографическую карточку и, подавая мне ее, сказал:

— Вот тебе и патрет мой!

— Батюшка! — воскликнул я, задыхаясь от волнения. — Благоволите что-нибудь написать на ней своей ручкой!

— Эх, друг, некогда... ну да ладно!

И о. Варнава на обороте карточки написал: "иеромонах Варнава 1901 Июния 18".

Святыня эта и поныне у меня цела.

— А я тебе и еще свой патрет дам, — сказал старец. — Вот тебе книжка о моей обители Иверской, а в ней тоже патрет мой есть. Возьми себе да навести когда обитель-то!

И разгорелось тут мое сердце великой любовью к прозорливому старцу; припал я к его ножкам и говорю:

— Помолитесь, батюшка, чтобы сын мой до конца дней своих имел в сердце своем страх Божий!

— Будет, будет у него страх Божий в сердце, — ободрил меня старец, — он у тебя пятую заповедь помнит. И скажу тебе, друг, — продолжал батюшка, — как моя мать звала меня своим "кормильщиком", так я тебе про твоего сына скажу: он будет твоим кормильщиком... Как имя твое?

Я ответил:

— Сергий!

В соседней комнате показался батюшкин келейник.

— Запиши-ка, — обратился к нему батюшка, — двух Сергеев: за них помолиться надо!.. Ну да благословит вас Господь! А про Святителя Николая-то не забудьте: он и в сем веке, и в будущем ходатай ваш и заступник.

Это были последние слова к нам старца Варнавы. С тех пор я уже не видал больше батюшки, а осенью того же года заболел такою тяжкою болезнью, что в январе 1902 года едва не умер. Спасло чудо Божие, не без молитв, верую, великого стар-ца Варнавы от Черниговской, утвердившего во мне уверенность в том, что наш "амченский" угодник, Святитель Николай, Мир Ликийских Чудотворец, — мой ходатай и заступник и в сем веке, и в будущем.

Прошло пять лет. Наступил апрель 1906 года. В тот год весна была необыкновенно ранняя: уже в последних числах апреля север России, от Петербурга начиная, был окутан зеленой

дымкой берез, ракит и тополей, сквозящих теплом и светом на изумрудной зелени торжествующей весны. Стояли дивные солнечные теплые дни; даже вечера и ночи теплы были, как в конце мая. Природа как-то по-особенному красовалась и благоухала. Не то было с природой человеческой: взбаламученное недоброй памяти революцией народное море все не могло успокоиться, искусственно волнуемое всеми новшествами, которых не знала раньше смиренная и святая Русь; не потухшие еще головешки бунтов и непокорств чадили во многих местах, местами вспыхивая и разгораясь в зловещее пламя...

Страшное было время, не тем оно будь помянуто!..

В те дни и в моей меленькой жизни совершалась великая революция, и следствием ее было то, что мы с женой очутились как бы за бортом жизни, не зная, куда деваться и где главы подклонити.

Великая то была милость Божия мне грешному. Да будет благословенна память о ней во все дни моей жизни!

И тут Святитель Николай незримо протянул руку помощи и скорбь и плач в радость претворил и утешение.

А дело было так.

Помолились мы с женой у иконы Царицы Небесной Казанской и решили уехать из Петербурга куда глаза глядят, только бы не оставаться в этом городе, где столько пришлось испытать всякого горя. Взяли мы билеты по железной

дороге до Твери, а в конторе пароходства “Самолет” — от Твери по Волге до Нижнего и направили свой путь через Нижний — Арзамас в Саров и Дивеев, к Серафиму Преподобному, от которого я столько чудес и милости на своем веку видел.

Что за красота и успокоение было путешествие наше по Волге! Оно было так прекрасно, что даже отдельные эпизоды его, напоминавшие о той буре, которую только что пережила и еще продолжала переживать родина, — вроде негожих речей и пения революционных песен, — даже и эти отголоски мерзости житейской не могли нарушить гармонии и безмятежия дней этого чудесного путешествия. Так доехали мы до Ярославля.

Пока стоял и грузился наш пароход в Ярославле, у нас в распоряжении было около трех часов, и мы воспользовались ими, чтобы съездить поклониться ярославским святыням, и тут мы вспомнили, что ниже Ярославля по Волге находится знаменитый Николо-Бабаевский монастырь, особенно нам дорогой и известный тем, что там погребен один из любимейших наших духовных писателей, епископ Игнатий Брянчанинов. О том, что там есть часть мощей Святителя Николая и его чудотворная, прославленная на все Поволжье икона, — о том мы не знали, а если и знали, то в то время не вспомнили.

Заедем в этот монастырь! Ночь переночуем (из Ярославля мы уходили часов в семь вечера, а на “Бабайки” пароход приходит часа три спустя), проведем день в монастыре, а на сле-

дующем “Самолете” поедем дальше, в Нижний. Так говорили, так и решили.

И так нам все там понравилось, так все пришлось по духу, начиная со святыни бабаевской и простоты монашеской, что вместо одного дня прожили мы там на гостинице без малого шесть месяцев. Так, верую, угодно было Святителю Николаю, нашему ходатаю и заступнику перед Св. Троицей. Там состоялась наша встреча с о. Иоанном Кронштадтским, окончательно определившая дальнейший путь моей жизни и деятельности, примирившая мое прошлое с моим настоящим и... будущим. Дивное это было для меня и многознаменательное свидание, такое дивное, что о нем не леть ми и глаголати по моему недостоинству: только небесным предстательством моего небесного покровителя и можно было получить то велие утешение, какое в те дни нашей скорби я получил от великого кронштадтского пастыря. И как бы в утверждение этой веры о. Иоанн дважды благословил меня с женой двумя иконами — одной бабаевской, а другой своей келейной, и обе иконы те были Святителя Николая, Мир Ликийских Чудотворца.

И там же, под покровом Святителя Николая, состоялось и другое для меня и моей деятельности не менее того многознаменательное свидание — с епископом Вологодским, преосвященным Никоном[1], в то время только что назначенным

[1] Мирское имя — Николай.

на самостоятельную кафедру в Вологду. С того свидания и началось бессменное мое сотрудничество в изданиях владыки, моего редактора и цензора.

И чего только там, на "Бабайках", не сотворил нам дивный угодник Божий, утешая нас утешением всяческим и научая жить не по своей, а по воле Божией!..

Величаем тя, Святителю отче Николае, и чтим святую память твою, ты бо молиши о нас Христа Бога нашего.

Перезнакомились мы за время нашего пребывания в Николо-Бабаевском монастыре со всею братиею, начиная с только что назначенного туда настоятелем архимандрита Адриана и кончая последним, вновь поступившим послушником. Особенно мы по духу сошлись с одним уже немолодым рясофорным послушником, слепцом о. Иаковом. Замечательный раб Божий был (быть может, он и теперь еще жив) этот о. Иаков, труженик и молитвенник, исполненный чистейшей детской веры в Бога и в свое призвание. Церковные службы он, как клиросный певчий, посещал все неопустительно, а в свободные от службы часы умудрялся ходить в соседний с монастырем лес, иногда версты за три, за четыре от монастыря, надрать там корней от разных кустарников и вернуться домой с тяжелой ношей и всегда без провожатого. У о. Иакова ресницы росли внутрь глаз. Болезнь эта сопровождалась тяжкими страданиями и постепенно ослепляла Божьего трудника. Мы

всегда дивились трудам о. Иакова и тому, как он мог обходиться, совершенно слепой, без посторонней помощи, когда ходил за своими корнями, и как он мог плесть из этих корней удивительно искусно сработанные корзины.

Вот уж истинно, Господь умудряет слепцы!

Всегда и во всяких случаях своей монастырской жизни был благодушен наш о. Иаков, но и в его закаленном терпением и смирением сердце таилась одна великая скорбь: девять уже лет был он примерным монастырским послушником и, несмотря на свои пятьдесят пять лет и примерную жизнь, даже еще и приукажен не был.

— Что буду я делать, если меня какой-нибудь новый настоятель возьмет да и выгонит за ненадобностью? Куда я, слепец, тогда денусь?

Так обмолвился он мне раз за беседой и заплакал.

Как-то, к слову, я сказал о. архимандриту об этой скорби о. Иакова. Он принял ее близко к сердцу и в тот же день, зайдя с нами вместе в келью своего слепого послушника, предложил ему постричь его в тайную мантию.

— Мы тебя, о. Иаков, — сказал архимандрит, — пострижем как бы на одре болезни, а там отрапортуем о сем владыке: тогда тебя поневоле приуказят.

Архимандрит был внове и не решался представлять к открытому пострижению.

Подумал немного о. Иаков и что же ответил?

— Нет, ваше высокопреподобие, — сказал о. Иаков, — не тот это путь: не хочу я у Бога

обманом брать монашество. Я же ведь всем — благодарение Господу — здоров. Спаси вас, Господи, за любовь, но неправды я боюсь. Уповаю на милость Царицы Небесной: уж пусть она Сама совершит надо мною Свою волю.

Разговор этот был на первый Спас — только что заговелись на Успенский пост, а 4 августа, совершенно неожиданно для "Бабаек", приехал в монастырь епархиальный владыка, Тихон. Идет он по монастырю с архимандритом, а из собора, от вечерни, навстречу им бредет наш слепец, ощупывая перед собою палкой дорогу в свою келью. Ни владыка, ни архимандрит не заметили, как из-за поворота аллеи наткнулся прямо на них о. Иаков, наткнулся и опешил от возгласа архиерея:

— Это что у вас — слепец, что ли?

— Послушник Иаков, ваше преосвященство, — ответил архимандрит, — истинный раб Божий, примерной жизни.

— Давно он тут?

— Девятый год идет, да вот все не приукажен, владыко.

— Чего ж вы ждете? На Успеньев день извольте его постричь в мантию и мне донести о постриге на основании моего словесного приказания... Подойди-ка поближе, раб Божий Иаков, я хочу сам тебя благословить... Да благословит тебя Царица Небесная принять на день Ее честнаго Успения ангельский образ! Молись обо мне.

И вместо тайного пострига в велик Богородичен день, в присутствии бесчисленного мно-

жества молящихся, о. Иаков был пострижен в мантию с именем Илии.

Вот что вспомнилось мне сегодня при чтении письма из краев, что около святой обители Николо-Бабаевской.

1 июня

Божии рабы Вера, Сержик и Колюсик. "Пустите детей приходить ко Мне"...

Сегодня уехала из Оптиной новая наша знакомая, за короткое время ее пребывания в обители ставшая нам близкой, как сестра родная, ближе еще — как сестра по духу Христову.

Назову ее Верой, по вере ее великой[1].

В начале января нынешнего года я получил из города Т. письмо, в котором чья-то женская христианская душа написала мне несколько теплых слов в ободрение моей деятельности на ниве Христовой. Письмо было подписано полным именем, но имя это было мне совершенно неизвестно.

25 мая стояли мы с женой у обедни. Перед "Херувимской" мимо нашего места прошла какая-то дама, скромно одетая, и вела за руку мальчика лет пяти. Мы с женой почему-то обратили на нее внимание. По окончании литургии, перед началом Царского молебна[2], мы ее вновь увидели, когда она мимо нас прошла к

---

[1] Серафима Николаевна Вишневская; живет в Тамбове.

[2] 25 мая — день рождения государыни императрицы Александры Феодоровны.

свечному ящику. Было заметно, что она “в интересном положении”, как говорили в старину люди прежнего воспитания.

Вот раба-то Божия, подумалось мне: один ее ребенок с детских лет, а другой еще в утробной жизни — оба освящаются молитвами и святыми впечатлениями матери, — умница! Благослови ее Господь и Матерь Божия!

В эту минуту она подошла к иконе Божией Матери Скоропослушницы, перед которой мы обычно стоим во Введенском храме, и стала перед ней на коленях молиться. Я нечаянно увидел ее взгляд, устремленный на икону. Что это был за взгляд, что за вера излучалась из этого взгляда, какая любовь к Богу, к божественному, к святыне!.. О, когда б я так мог молиться!.. “Матерь Божия! — помолилось за нее мое сердце. — Сотвори ей по вере ее!”

При выходе из храма северными вратами, у иконы “Споручница грешных”, мы опять встретили незнакомку. В руках у нее была просфора...

— Вы не Сергей ли Александрович Нилус? — обратилась она ко мне с застенчивой улыбкой.

— Да... с кем имею честь?

Оказалось, что это была та, которая мне в январе писала из Т. Эта и была Вера с пятилетним сыном, Сережей, которых мы сегодня провожали из Оптиной.

На этой христолюбивой парочке стоит остановить свое внимание, воздать за любовь любовью, сохранить благодарной памятью их чис-

тый образ, отсвечивающий зорями иного, нездешнего света...

— Сегодня, — сказала нам Вера, — мы с Сержиком поготовимся, чтобы завтра причаститься и пособороваться, а после соборования позвольте навестить вас. Теперь так отрадно и радостно найти людей по духу, так хочется отдохнуть от тягостных мирских впечатлений! Не откажите нам в своем гостеприимстве!

И в какую ж нам радость было это новое знакомство!..

В тот же день, когда у иконы "Споручница грешных" мы познакомились с Верой, мы проходили с женой мимо заветных могил великих Оптинских старцев и, по обычаю, зашли им поклониться. Входим в часовенку над могилой старца Амвросия и застаем Веру и ее Сережу: Сережа выставил свои ручонки вперед, ладошками кверху, и говорит:

— Батюшка Амвросий, благослови!

В эту минуту мать ребенка нас заметила:

— Это уж мы с моим Сержиком так привыкли: ведь батюшка-то Амвросий жив и невидимо здесь с нами присутствует, — так надо ж и благословения у него испросить, как у иеромонаха!

Я едва удержал слезы...

На другой день я заходил к батюшке о. Анатолию в то время, когда он соборовал Веру с ее мальчиком. Кроме них соборовалось еще душ двенадцать Божьих рабов разного звания и состояния, собравшихся в Оптину с разных концов России. Надо было видеть, с какой серьез-

ной. сосредоточенной важностью пятилетний ребенок относился к совершаемому над ним таинству елеосвящения!

Вот как благодатные матери от молока своего начинают готовить душу дитяти к Царству Небесному! Не так ли благочестивые бояре Кирилл и Мария воспитывали душу того, кого Господь поставил светильником всея России, столпом Православия, — Преподобного Сергия?..

— Когда я бываю беременна, — говорила нам впоследствии Вера, — я часто причащаюсь и молюсь тому угоднику, чье имя мне хотелось бы дать будущему своему ребенку, если он родится его пола. На четвертый день Рождества 1905 года у меня скончался первенец мой, Николай, родившийся на Пасху 1900 года. До его рождения я молилась дивному Святителю Николаю, прося его принять под свое покровительство моего ребенка. Родился мальчик и был назван в честь Святителя. Вот этот, Сержик, родился на первый день Рождества Христова, в 1903 году. О нем я молилась Преподобному Сергию... С ним у меня произошло много странного по его рождении и, пожалуй, даже знаменательного. Крестины из-за его крестного пришлось отложить до Крещения Господня, а обряд воцерковления пришелся на Сретение. И с именем его у меня произошло тоже нечто необычное, чего с другими моими детьми не бывало. Молилась я о нем Преподобному Сергию, а при молитве, когда меня батюшка спросил, какое бы я жела-

ла дать ребенку имя, у меня мысли раздвоились, и я ответила: "Скажу при крещении".

А произошло это оттого, что в том году состоялось прославление св. мощей Преподобного Серафима, которому я всегда очень веровала. К могилке его я еще девушкой ходила пешком в Саров из своего города. А тут еще и первое движение ребенка я почувствовала в себе как раз во время всенощной под 19 июля. И было мне все это в недоумение, и не знала я, как быть: назвать ли его Сергием, как ранее хотела, или же Серафимом? Стала я молиться, чтобы Господь открыл мне Свою волю, и в ночь под Крещение, когда были назначены крестины, я увидела сон, что будто я с моим новорожденным поехала в Троице-Сергиеву Лавру. Из этого я поняла, что Господу угодно дать моему мальчику имя Преподобного Сергия. Это меня успокоило, тем более что и батюшка Преподобный Серафим очень любил великого этого угодника Божия и с его иконочкой и сам-то был во гроб свой положен...

Я внимал этим милым речам, журчащим тихим ручейком живой воды святой детской веры, и в сердце мое стучались глаголы великого обетования Господня святой Его Церкви:

— И врата адовы не одолеют ея!

Не одолеют! Истинно, не одолеют, если даже и в такое, как наше, время у Церкви Божией могут быть еще подобные чада.

И опять полилась вдохновенная речь Веры:

— Вам понравился мой Сержик; что бы сказали вы, если бы видели моего покойного Колю!

Тот еще и на земле был уже небожитель... Уложила я как-то раз Колюсика своего спать вместе с прочими детишками. Было около восьми часов вечера. Слышу, зовет он меня из спальни.

— Что тебе, деточка? — спрашиваю.

А он сидит в своей кроватке и восторженно мне шепчет:

— Мамочка моя, мамочка! Посмотри-ка, сколько тут Ангелов летает.

— Что ты, — говорю, — Колюсик! Где ты их видишь?

А у самой сердце так ходуном и ходит.

— Да всюду, — шепчет, — мамочка; они кругом летают... Они мне сейчас головку помáзали. Пощупай мою головку: видишь, она помазана!

Я ощупала головку: темечко мокрое, а вся головка сухая. Подумала, не бредит ли ребенок; нет — жару нет, глазенки спокойные, радостные, но не лихорадочные: здоровенький, веселехонький, улыбается... Попробовала головки других детей — у всех сухенькие; и спят себе детки, не просыпаются. А он мне говорит:

— Да как же ты, мамочка, не видишь Ангелов? Их тут так много... У меня, мамочка, и Спаситель сидел на постельке и говорил со мною...

О чем говорил Господь ребенку, я не знаю. Или я не слыхал ничего об этом от рабы Божией Веры, или слышал, да не удержал в памяти: немудрено было захлебнуться в этом потоке нахлынувшей на нас живой веры, чудес ее, нарушивших, казалось, грань между земным и небесным...

— Колюсик и смерть свою мне предсказал. — продолжала Вера, радуясь, что может излить свое сердце людям, внимающим ей открытой душой. — Умер он на четвертый день Рождества Христова, а о своей смерти сказал мне в сентябре. Подошел ко мне как-то раз мой мальчик да и говорит ни с того ни с сего:

— Мамочка! Я скоро от вас уйду.

— Куда, — спрашиваю, — деточка?

— К Богу.

— Как же это будет? Кто тебе сказал об этом?

— Я умру, мамочка! — сказал он, ласкаясь ко мне. — Только вы, пожалуйста, не плачьте: я буду там с Ангелами, и мне там очень хорошо будет.

Сердце мое упало, но я сейчас же себя успокоила: можно ли, мол, придавать такое значение словам ребенка? Но нет! Прошло немного времени, мой Колюсик опять среди игры ни с того ни с сего подходит, смотрю, ко мне и опять заводит речь о своей смерти, уговаривая меня не плакать, когда он умрет...

— Мне там будет так хорошо, так хорошо, дорогая моя мамочка! — все твердил, утешая меня, мой мальчик. И сколько я ни спрашивала его, откуда у него такие мысли и кто ему сказал об этом, он мне ответа не дал, както особенно искусно уклоняясь от этих вопросов...

Не об этом ли и говорил Спаситель маленькому Коле, когда у детской кроватки его летали небесные Ангелы?..

— А какой удивительный был этот ребенок, — продолжала Вера, — судите хотя бы по такому случаю. В нашем доме работал старик-плотник, ворота чинил, и повредил себе нечаянно топором палец. Старик прибежал на кухню, где я была в то время, показывает мне свой палец, а кровь из него так и течет ручьем. В кухне был и Коля. Увидал он окровавленный палец плотника, с горьким плачем кинулся бежать в столовую, к иконе Пресвятой Троицы. Упал на коленки пред иконою и, захлебываясь от слез, стал молиться:

— Пресвятая Троица, исцели пальчик плотнику!

На эту молитву мы с плотником вошли в столовую, а Коля, не оглядываясь на нас, весь ушедший в молитву, продолжал со слезами твердить свое:

— Пресвятая Троица, исцели пальчик плотнику!

Я пошла за лекарством и за перевязкой, а плотник остался в столовой. Возвращаюсь и вижу: Колюсик уже слазил в лампадку за маслом и маслом от иконы помазывает рану, а старик плотник доверчиво держит перед ним свою пораненную руку и плачет, от умиления приговаривая:

— И что ж это за ребенок, что это за ребенок!

Я, думая, что он плачет от боли, говорю:

— Чего ты, старик, плачешь? На войне был — не плакал, а тут плачешь!

— Ваш, — говорит, — ребенок хоть кремень, и тот заставит плакать!

И что ж вы думаете? Ведь остановилось сразу кровотечение, и рана зажила без лекарств, с одной перевязки. Таков был общий любимец, мой Колюсик, дорогой, несравненный мой мальчик... Перед Рождеством мой отчим, а его крестный, выпросил его у меня погостить в свою деревню — Коля был его любимец, и эта поездка стала для ребенка роковой: он там заболел скарлатиной и умер. О болезни Коли я получила известие через нарочного (тогда были повсеместные забастовки, и посланной телеграммы мне не доставили), и я едва за сутки до его смерти успела застать в живых мое сокровище. Когда я с мужем приехала в деревню к отчиму, то Колю застала еще довольно бодреньким; скарлатина, казалось, прошла, и никому из нас и в голову не приходило, что уже на счету последние часы ребенка. Заказали мы служить молебен о его выздоровлении. Когда его служили, Коля усердно молился сам и все просил давать ему целовать иконы. После молебна он чувствовал себя настолько хорошо, что священник не стал его причащать, несмотря на мою просьбу, говоря, что он здоров и причащать его нет надобности. Все мы повеселели. Кое-кто, закусив после молебна, лег отдыхать; заснул и мой муж. Я сидела у постели Коли, далекая от мысли, что уже наступают последние его минуты. Вдруг он мне говорит:

— Мамочка, когда я умру, вы меня обнесите вокруг церкви...

— Что ты, — говорю, — Бог с тобой, деточка! Мы еще с тобой, Бог даст, живы будем.

— И крестный скоро после меня пойдет за мной, — продолжал, не слушая моего возражения, Коля.

Потом помолчал немного и говорит:

— Мамочка, прости меня.

— За что, — говорю, — простить тебя, деточка?

— За все, за все прости меня, мамочка!

— Бог тебя простит, Колюсик, — отвечаю ему. — Ты меня прости: я строга бывала с тобою.

Так говорю, а у самой и в мыслях нет, что это мое последнее прощание с умирающим ребенком.

— Нет, — возражает Коля, — мне тебя не за что прощать. За все, за все благодарю тебя, миленькая моя мамочка!

Тут мне что-то жутко стало; я побудила мужа.

— Вставай, — говорю, — Колюсик, кажется, умирает!

— Что ты, — отвечает муж, — ему лучше, он спит.

Коля в это время лежал с закрытыми глазами. На слова мужа он открыл глаза и с радостной улыбкой сказал:

— Нет, я не сплю — я умираю. Молитесь за меня!

И стал креститься и молиться сам:

— Пресвятая Троица, спаси меня! Святитель Николай, Преподобный Сергий, Преподобный Серафим, молитесь за меня!.. Крестите меня! Помажьте меня маслицем! Молитесь за меня все!

И с этими словами кончилась на земле жизнь моего дорогого, ненаглядного мальчика: личико расцветилось улыбкой и он умер.

И в первый раз в моей жизни возмутилось мое сердце едва не до ропота. Так было велико мое горе, что я и у постельки его, и у его гробика не хотела и мысли допустить, чтобы Господь решился отнять у меня мое сокровище. Я просила, настойчиво просила, почти требовала, чтобы Он, Которому все возможно, оживил моего ребенка: я не могла примириться с тем, что Господь может не пожелать исполнить по моей молитве. Накануне погребения, видя, что тело моего ребенка продолжает, несмотря на мои горячие молитвы, оставаться бездыханным, я было дошла до отчаяния. И вдруг у изголовья гробика, где я стояла в тяжком раздумье, меня потянуло взять Евангелие и прочитать в нем первое, что откроется. И открылся мне 16-й стих 18-й главы Евангелия от Луки, и в нем я прочла: "...пустите детей приходить ко Мне, и не возбраняйте им, ибо таковых есть Царствие Божие".

Для меня эти слова были ответом на мою скорбь Самого Спасителя, и они мгновенно смирили мое сердце: я покорилась Божией воле.

При погребении тела Колюсика исполнилось его слово: у церкви намело большие сугробы снега, и чтобы гробик пронести на паперть, его надо было обнести кругом всей церкви. Это было мне и в знамение, и в радость. Но когда моего мальчика закопали в мерзлую землю и на его могилку лег холодный покров суровой

зимы, тогда вновь великой тоской затосковало мое сердце и вновь я стала вымаливать у Господа своего сына, не зная покоя душе своей ни днем, ни ночью, все выпрашивая отдать мне мое утешение. К сороковому дню я готовилась быть причастницей Святых Таин и тут, в безумии своем, дошла до того, что стала требовать от Бога чуда воскрешения. И вот на самый сороковой день я увидела своего Колю во сне, как живого. Пришел он ко мне светленький и радостный, озаренный каким-то сиянием, и три раза сказал мне:

— Мамочка, нельзя! Мамочка, нельзя! Мамочка, нельзя!

— Отчего нельзя? — воскликнула я с отчаянием.

— Не надо этого, не проси этого, мамочка!

— Да почему же?

— Ах, мамочка! — ответил мне Коля. — Ты бы и сама не подумала просить об этом, если бы только знала, как хорошо мне там, у Бога. Там лучше, там несравненно лучше, дорогая моя мамочка!

Я проснулась, и с этого сна все горе мое как рукой сняло.

Прошло три месяца — исполнилось и второе слово моего Коли: за ним в обители Царя Небесного следом ушел к Богу и его крестный.

. . . .

Много мне рассказывала дивного из своей жизни раба Божия Вера, но не все поведать можно даже и своим запискам: живы еще люди, которых может задеть мое слово... В молчании еще

никто не раскаивался: помолчим на этот раз лучше!..

Пошел я провожать Веру с ее Сержиком через наш сад по направлению к монастырской больнице. Это было в день их отъезда из Оптиной. Смотрю: идет к нам навстречу один из наиболее почетных наших старцев, отец А., живущий на покое в больнице. Подошли мы под его благословение; протянул и Сержик свои ручонки...

— Благословите, — говорю, — батюшка!

А тот сам взял да низехонько, касаясь старческой своей рукой земли, и поклонился в пояс Сержику...

— Нет, — возразил старец, — ты сам сперва благослови!

И, к общему удивлению, ребенок начал складывать свою ручку в именословное перстосложение и иерейским благословением благословил старца.

Что-то выйдет из этого мальчика?

5 июня

Еще о старце Варнаве от Черниговской

Была у меня в Москве одна хорошая знакомая, Татиана Егоровна Жиченева[1]. По профессии акушерка[2], она имела очень хорошую практику во многих именитых московских домах, где ее уважали и любили и где принята она бывала не только как специалистка своего де-

---

[1] Скончалась 19 дек. 1916 года.

[2] Всегда работала со Снегиревым.

ла, а как друг тех семейств, в которых она “принимала”. Сколько помнится, она по своему делу близка была и дому нашего Рафаэля, Виктора Михайловича Васнецова, дети которого едва ли не все увидели свет Божий при помощи Татианы Егоровны.

Чудный была человек эта девушка, с хорошей, чисто русской православной душой. Коли жива, дай ей Бог доброго здоровья, а померла — Царство Небесное!

Вот вспомнил вчера про отца Варнаву — приходится теперь вспомнить и о ней, ибо и в ее жизни великий старец от Черниговской сотворил немалое как прозорливец и духовный руководитель и, кто знает, не спас ли ее души для вечной жизни?

Было время, когда Татиана Егоровна, которую я зазнал уже исповедницей чистого, беспримесного Православия, веровала по-своему: от Церкви не отставала, но церковное принимала не все, а по выбору — что нравилось. Монашества и монастырей, например, она не признавала и знать не хотела: ее время было временем поклонения новоявленному божку — общественной деятельности, — а монах, разве он общественный деятель в глазах тех, кто этого божка лепил на замену христианского делания? О том, что “много может молитва праведника ко благосердию Владыки” и что ради только десяти беспопечительных праведников Бог обещал помиловать тысячи многозаботливых содомлян с их городами, об этом умникам того времени и в голову не могло прийти; а

жизнь текла, как и теперь течет, по руслу, которое указывали эти умники образованным людям. Татиана Егоровна была образованная, жившая самостоятельным трудом девушка и потому монашеского “тунеядства” не переносила.

Впрочем, она, кажется, ни в одном монастыре “из принципа” и не бывала, а монахов встречала вблизи только изредка, на московских улицах.

В последний раз я видел Татиану Егоровну после моей встречи с о. Варнавой.

В разговоре с нею речь у нас зашла на тему этого ее былого суеверия. Под впечатлением от моего недавнего общения с батюшкой Варнавой я спросил Татиану Егоровну, слыхала ли она об этом старце.

— Отца Варнаву я знаю, — был ответ, — и не только знаю, но почитаю в нем Божьего угодника и истинного прозорливца. Он разбил все мои мудрования о монастырях и о монашествующих и уверил собою, что и в наше лукавое время есть еще святые на нашей грешной земле.

И тут Татиана Егоровна поведала мне следующее:

— Вы, вероятно, помните тот шум в московском интеллигентном обществе, который наделала одна английская дама, некая Кэт Марсдэн, открывшая среди инородцев Сибири целые поселки, зараженные проказою? Подняла она тогда на ноги не только в одной Москве, но, кажется, и во всей России все, что еще не утратило сердца, способного отзываться на скорби

ближнего. Задела она тогда за живое и мое сердчишко; и задумала я бросить все и ехать туда, в Сибирь, к прокаженным: казалось мне, что выше служения этим несчастным нет и подвига на свете. Завела я по этому поводу и переписку с уездным начальством той местности, где Кэт Марсдэн сделала свое страшное открытие. И стало мое дело налаживаться — так, что оставалось только распродать свои пожитки да и ехать. И всю эту переписку свою, и даже самое свое намерение я таила на своем сердце и никому, даже ближайшим мне людям, своих замыслов не открывала.

Почти накануне окончательного сведения счетов моих с московской жизнью я была у всенощной в храме Христа Спасителя — это мой любимый и ближайший к моей квартире храм, — а от всенощной зашла к одним моим близким знакомым: потянуло меня открыть им тайну моего сердца и дать им прощальное целование. О перемене моего решения не могло быть и речи.

Знакомых моих я застала в каком-то особо приподнятом настроении. На мой вопрос, что случилось, мне ответили, что с минуты на минуту к ним ждут о. Варнаву.

— Кто такой этот отец Варнава? — спросила я с неудовольствием.

— Да вы разве не знаете отца Варнавы от Черниговской, что у Троице-Сергиевой Лавры? — ответили мне вопросом, в котором мне почудилось что-то вроде упрека. И стал мне этот гость после этого еще неприятнее: очень мне уж

обидно показалось, что вечер мой у близких людей его приездом будет испорчен. Я замкнулась в себя, как улитка в свою раковину, и решила посидеть немного из благовоспитанности и удалиться до встречи с неприятным монахом. Но не успела я привести свое намерение в исполнение, как в передней послышался звонок, и вслед за звонком в столовую, где мы сидели за чайным столом, вошел старичок иеромонах с наперстным крестом, сопровождаемый толпой прислуги моих знакомых. Я отошла к сторонке, чтобы не мешать излияниям чувств домохозяев, втайне желая как-нибудь ускользнуть от нежеланной встречи.

Зоркий взгляд отца Варнавы сразу меня заметил.

— А это у вас кто? — спросил он, указывая на меня.

Меня представили.

— Э! — воскликнул он радостно. — Да какая ж ты у меня хорошая!

В сердце у меня шевельнулось враждебное чувство: и с чего, мол, он у меня заискивается? Видит меня в первый раз, а уж похваливает! Вот оно, монашеское ханжество и лицемерие... А о. Варнава не унимался — охватил руками мою голову да и говорит:

— Хорошая-то хорошая, да нехорошее думает. Пойдем-ка, дочка, со мною в другую комнату, поговорим по секрету!

Подчиняясь какой-то неведомой мне власти в голосе старца, пошла за ним в соседнюю гостиную.

Отец Варнава затворил за нами дверь и сел на диван, посадив меня с собою рядом.

Опять что-то враждебное и гадкое закопошилось в моей душе. Старец взял мою руку в свою... Мне стало еще тяжелее...

— Скажи-ка мне, дочка, — заговорил старец, — что это ты задумала в своей головушке? Иль тебе здесь дела нет? Иль ты здесь совсем бесполезна и никому не нужна? Скажи же мне, родная, зачем ты **туда** собралась ехать?

Я так и обомлела. Старец сразу мне сделался что отец родной.

— Батюшка! — воскликнула я. — Там страданье, там подвиг! Некому утешить, некому прийти на помощь; там гибнут люди, отверженные людьми, а здесь...

Батюшка перебил меня:

— А здесь нет разве страданий, дочка? Разве на том деле, к которому тебя приставил Господь, не нужна твоя помощь? Разве нет страданий, которые ты можешь облегчить? Не нужно утешение, которое ты могла бы дать и делом, и словом? На кого ты бросишь тех, кто привык доверяться твоему опыту? И для чего? Чтобы бежать неведомо куда, неведомо зачем, к людям, которых ты и языка-то даже не знаешь, на дело, которому ты не обучалась, в обстановку жизни такую, которой и не снесешь? Тебе дан крест твоей жизни, указан путь, и на нем ты полезна, потому что он дан тебе Богом и на него тебе отпущены и нужные силы, и нужные знания. А то, что ты задумала, то — крест самоизвольный, и на него сил не будет тебе дано от Бога, пото-

му что это не подвиг, а духовная гордость: не хотим незаметного делания в малом винограднике Христовом, предуказанном нашим силам, давай нам большого да видного!..

Передать нельзя, с какой властью говорил мне батюшка; слова его тяжким молотом разбивали все мои намерения, как черепки старой глиняной посуды, и — странно! — от ударов этого молота все легче и яснее становилось у меня на душе...

— Слушай же, дочка! — сказал мне под конец беседы старец. — Скажу тебе я, грешный иеромонах Варнава: нет тебе пути туда, нет тебе на него Божьего благословения! Оставайся тут, а туда, если будет нужно, Господь пошлет иных делателей.

Батюшка говорил мне эти слова, а я, склоняясь головой к его старческому плечу, рыдала, как малый ребенок. Легко и радостно билось мое бедное сердце; точно гранитную скалу снял с моих плеч великий прозорливец... Я плачу, а он-то, благодатный, сидит со мною, гладит своей ручкой мою голову и с невыразимой любовью в голосе приговаривает:

— Так, так, дочка! Так, моя радостная, так, родимая!

Я не поехала к прокаженным. И как же благодарю теперь за это Бога, тем более что и Кэт Марсдэн-то оказалась впоследствии едва ли не теми бубнами, что славны за горами.

Отходят на небо от нас один по одному великие праведники. Кто их заменит?

13 Зак 503

7 июня

Посещение епископом Оптиной и нас. О. Н. меня смиряет. Искушение. Юродство о. Н.

3 июня Оптину пустынь посетил ангел Калужской Церкви, преосвященный Вениамин. Провел он под кровом обители около суток, служил литургию, обошел монастырь и скит, побывал в некоторых кельях, заехал и к нам, в наш дорогой уголок. У нас он побыл минут с двадцать, был очень сердечен с нами и со всеми нашими домочадцами и уехал, оставив по себе самое светлое воспоминание.

Жаль, что погода была плохая. и владыке не пришлось как следует насладиться всей красотой оптинской.

4-го у о. архимандрита был обед с архиереем. Мы с женой были в числе приглашенных. Владыка очень много говорил со мною за обедом. После трапезы. вернувшись домой. я застал у нас нашего друга о. Н. и говорю ему:

— Устал я. мой батюшка; все время за обедом пришлось быть центром, около которого сосредоточивалась беседа.

— Ну уж и центр! — засмеялся о. Н. — Хорош центр, нечего сказать! Поставили вас в угол — вот и весь центр ваш!

И то правда! Где уж тут, стоя в углу, мнить себя центром?!. Но если мое оптинское уединение, в котором так хорошо и думается. и живется, и работается, — угол, как бы в наказание за многие грехи мои, то да будет благословенна вовеки та воля. которая меня этим углом наказала!

“Наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде мя”.

Готовимся к 8-му быть причастниками Святых Христовых Таин. Враг не дремлет и сегодня перед исповедью хотел было угостить меня крупной неприятностью, подав повод к недоразумению с отцом-настоятелем, которого я глубоко почитаю и люблю. Но недаром прошли для меня два года жизни бок о бок с монашеским смирением оптинских подвижников — смирился и я, как ни было это моему мирскому самолюбию трудно. Было это искушение за поздней обедней, после которой мы должны были с женой идти на исповедь к нашему духовнику и старцу, о. Варсонофию. Вернулись после исповеди домой, а дома новое искушение: вхожу на подъезд, смотрю — а на свеженаписанном небе моего этюда масляными красками кто-то углем крупными буквами во все небо написал по-французски — “La nuee”[1].

Я сразу догадался, что виновником этого “озорства” не мог быть никто другой, кроме нашего друга о. Н.: это так было похоже на склонность его к некоторому как бы юродству, под которым для меня часто скрывались назидательные уроки той или другой христианской добродетели. Это он, несомненно он, прозревший появление тучки на моем духовном небе; он, мой дорогой батюшка, любящий иногда, к общему изумлению, вставить в речь свою неожиданное французское слово!.. Заглянул я на

[1] Туча.

нашу террасу, а он, любимец наш, сидит себе в уголку и благодушно посмеивается, выжидая, что выйдет из этой шутки.

— Ах, батюшка, батюшка! — смеюсь я вместе с ним. — Ну и проказник!

А "проказник" встал, подошел к этюду, смахнул рукавом своего подрясника надпись и с улыбкой объявил:

— Видите — ничего не осталось!

Ничего и в сердце моем не осталось от утренней смуты.

Несомненно, у друга нашего есть второе зрение, которым он видит то, что скрыто для глаза обыкновенного человека. Недаром же и благочестного жития его в монастыре без малого сорок лет.

14 июня

Припадочная Груша. Ее болезнь и видение. Предотвращенный пожар. Чудо спасения Груши от отравы

К дому нашему привилась и в нем прижилась едва ли не с первых дней водворения нашего на жительство в Оптиной припадочная крестьянская девушка из деревни Стенино. Зовут ее Грушей. Раба она Христова и великая страдалица от детских лет. Теперь ей годам к сорока, а мучается она от своего недуга, кажется, с пяти лет. Болезнь ее — падучая, а по-ученому — эпилепсия. Бедная! Что только с ней творится во время приступов этой болезни!.. Я узнал от нее, что ей это приключилось во время какой-то семейной ссоры между старшими.

— Черным словом, — сказывала мне Груша, — дюже ругались; тут-то меня и схватило: как вдарит об земь, так и стала я как без памяти, а изо рта пена, а сама колочусь об пол чем ни попало. Так вот из-за черного слова-то и бьюсь я до гробовой крышки.

Припадки у Груши бывают иногда по несколько раз в день и без всякой видимой причины: стоит или сидит, что-нибудь делает, и вдруг — хлоп оземь, головой о что ни попало, и бьется в страшных судорогах, испуская изо рта пену...

— Бог милостив, — говорю, — Груша, не до гробовой крышки это тебе будет: когда-нибудь и пройдет.

— Нет, — возразила она, — это до гроба. Да и слава Богу, — добавила она весело. — Ведь это ж душе моей на пользу, ведь это ж воля Божия!

Во время одного из припадков Груша раз без памяти пролежала "под святыми" трое суток. Ее отец, семидесятилетний старик Павел говорит мне:

— Думали, что померла, да больно живности в лице много было, — так хоронить побоялись.

Во время этого припадка Груша удостоилась видеть святую великомученицу Варвару, которая ее водила по разным небесным обителям, показывала места блаженства и мучения, учила, как надо молиться Богу, как стоять в церкви, как жить, как разуметь волю Божию. Груша наша "не письменная", да к тому же еще и страшно заикается, когда волнуется, и потому многого из ее повествования и не поймешь. Но одно для

меня из ее рассказов ясно — это то, почему так умиляется мое сердце от слов Евангелия:

"В тот час возрадовался духом Иисус и сказал: славлю Тебя, Отче, Господа неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл младенцам. Ей, Отче! ибо таково было Твое благоволение"[1].

Как совершилось поселение у нас Груши, я теперь не очень помню. Припоминается, что мое внимание сперва остановил на себе ее отец, старик Павел, ежедневно по всякой погоде и дороге прибредавший из Стенино[2] молиться в оптинские храмы. Сначала с ним завелось знакомство, а затем, как-то само собой, и с Грушей. Помню еще, что когда она у нас поселилась, то нас предупреждали:

— Смотрите, как бы она вас не спалила: долго ли ей во время припадка уронить лампу и сделать пожар.

Мы поблагодарили добрых людей за предостережение, но Грушу оставили жить у себя — помогать на кухне чистить картошку.

Не прошло и месяца, прибегает встревоженная Груша с надворья на кухню и, страшно заикаясь от волнения, объясняет:

— Ой, девочки! Никак у нас где-то горит: чтой-то гарью пахнет!

Было это часов в одиннадцать ночи; у нас уже собирались укладываться спать.

— Где горит? Что ты, Груша?

Выбежали на крыльцо, понюхали; обошли дом, заглянули в сарай для дров, на ледник, в

[1] Лк. 10, 21.

[2] Версты полторы от Оптиной, по ту сторону реки Жиздры.

кладовую (все это в деревянном строении под одной крышей, в пяти шагах от дому). Нигде ничего, и гарью не пахнет. Посмеялись над Грушей: припадочная, мол, — что с нее взять?!. На шум и беготню вышел и я.

— Что тут у вас случилось?

Рассказали со смехом. Я дозору их не поверил и пошел с фонарем осматривать сарай. И что же? У самой стенки сарая, сколоченного из толстых досок, сухих, как порох, отыскал деревянную кадушку с золой, а под золой — уже разгоравшиеся угли. Клепка прожглась, начинала уже тлеть и стенка сарая. Еще полчаса, и мы бы горели. Чья-то умная голова у одной из здоровых прислуг умудрилась выгребать горячую золу в деревянную кадушку и чуть не сделала пожара, а больная, припадочная Груша оберегла от пожара и самих хозяев, и здоровую прислугу.

Так и "оправдалась премудрость чадами ея".

Вот с этой самой Грушей нынче ночью и совершилось чудо чудное, диво дивное.

Вчера, в субботу, Груша с нашей кухаркой Луней были причастницами. Сегодня ночью — стало быть, под воскресенье — с Грушей приключился один из обычных ее припадков. После припадков она бывает некоторое время как бы вне себя и плохо сознает, что кругом нее творится. Захотелось Груше после припадка пить. В людской все спали. И сказал ей точно чей-то голос:

— Пойди в святой угол: там стоит в бутылке святая вода; возьми и выпей!

Так она и сделала. Но только она успела влить себе в рот с глоток из бутылки, как тут же и выплюнула: показалось ей, что вода ей обожгла губы. Так не пивши и заснула. Проснувшись утром, смотрит: передник весь прожжен и висит лохмотьями, а был новый, крепкий, — и угол рта у губы тоже обожжен. Оказалось, что вместо воды Груша себе в рот влила серной кислоты: та же прислуга, что было нас спалила, она же и бутылку с кислотой умудрилась поставить к образам в божницу... Узнали мы о том, что сотворил Господь Груше, как Он спас ее от страшной отравы, и все пошли дивиться на Грушу, на обожженную губу ее и на ее передник, от которого одни только клочья остались.

"Аще смертное что испиете, не вредит вам".

И как все это просто здесь совершается! Впрочем, и там, в миру, не так же ли просто совершаются в жизни каждого христианина ежедневные проявления чудес милости Божией? Только их там мало примечают: некогда!

16 июня

Петроградский протоиерей. О. Н. — о "знатной даме"

Несколько дней в Оптиной погостил один известный петербургский протоиерей[1], близкий нам по духу и по давности дружеских отношений. Он, конечно, с высшим образованием, академик; но сердце его, к счастью, не засушено академической схоластикой и способно воспринимать и чувствовать красоту и глубину не

[1] О. Павел Левашев, настоятель церкви Главного штаба.

мудрствующей лукаво детской веры. В прошлом году, проездом с кумыса (он каждое лето ездил в самарские степи на кумыс), о. протоиерей заехал на денек навестить нас в Оптиной, отнюдь не имея никакого желания знакомиться с жизнью ее духа. Я свел его к нашим старцам, и теперь он — оптинец. За этот год не третий ли уж он раз приезжает в Оптину?

Вчера он уехал.

Заходил о. Н.[1] — и ни с того ни с сего завел речь о какой-то знатной даме, которую нам нужно ждать к себе, — что бы это была за дама? Наш друг спроста не говорит.

19 июня

"Знатная дама" — путаная головка. Кафедра церковного красноречия и притча по ее поводу о. Н. о слове сельского иерея, "пронзившем" сердце царево, и о слове епископа Макария. Послушник Стефан и "авторское самолюбие"

К нам просится О. Ф. Р.[2], давнишний наш друг и большая наша любимица. Сегодня от нее получили письмо, — она давно нам не писала, — и в письме этом она умоляет принять ее в общение с нашей жизнью. Пишет, что готова жить хоть в Козельске, лишь бы поближе быть к тому источнику, из которого мы черпаем живую воду, жить тем, чем жива душа наша.

Не наша ли Липочка (ее имя Олимпиада) та знатная дама, которую нам предвозвестил о

---

[1] О. Нектарий.

[2] Олимпиада Феодоровна Рагозина.

Н.?[1] Не знатна она родовитостью и богатством, но душа ее поистине знатная — добрая, любящая, кроткая... Головка вот только у нас путаная: живя постоянно в Петрограде в общении с людьми нового толка, не исключая духовных лиц обновленческого направления, наша Липочка соскочила с оси подлинного Православия и теперь мечется из стороны в сторону, нигде не обретая себе покоя.

Найдет ли она его у нас? Ведь мы из непримиримых: стремимся жить по старой, подлинно старой вере и никаких обновленческих новшеств не приемлем. Однако написали ей сегодня же ответ, что ждем ее к себе с великой любовью и радостью.

Дошло до моего слуха, что один довольно мне близкий по прежним моим связям с Орловской губернией человек имеет намерение по смерти своей оставить значительный капитал на учреждение при одной из духовных академий кафедры церковного ораторского искусства. Скорбно мне стало такое извращение понимания хорошим человеком источника церковного проповедничества. Беседовали мы на эту тему с отцом Нектарием... Говорил-то, правда, больше я, а он помалкивал да блестел тонкой усмешкой в глубине зрачков и в углах своих ярких, светящихся глаз.

— Ну, а вы, — спрашиваю, — батюшка, что об этом думаете?

— Мне, — отвечает он с улыбкой, — к вам приникать надобно, а не вам заимствоваться

[1] Нектарий

от меня. Простите меня великодушно: вы ведь сто книг прочли, а я-то? Утром скорбен, а к вечеру уныл...

А у самого глаза так и заливаются детским смехом...

— Ну-те, хорошо! (это у о. Н. такое присловье). Ну-те, хорошо! Кафедру, вы говорите, хотят красноречия завести при академии. Что ж? Может быть, и это к добру. А не слыхали ли вы о том, как некий деревенский иерей, не обучившись ни в какой академии, пронзил словом своим сердце самого царя, да еще царя-то какого — спасителя всей Европы Александра Благословенного!

— Не слыхал, батюшка.

— Так не поскучайте послушать. Было дело это в одну из поездок царских по России, чуть ли не тогда, когда он из Петрограда в Таганрог ехал. В те времена, изволите знать, железных дорог не было, и цари по царству своему ездили на конях. И вот случилось государю проезжать через одно бедное село. Село стояло на царском пути, и проезжать его царю приходилось днем, но остановки в нем царскому поезду по маршруту не было показано. Местный священник это знал, но по царелюбию своему все-таки пожелал царский поезд встретить и проводить достойно. Созвал он своих прихожан к часу проезда к храму, у самой дороги царской; собрались все в праздничном наряде, вышел батюшка в светлых ризах, с крестом в руках, а о бок его дьячок со святой водой и с кропилом — и стали ждать, когда запылит дорога и покажется государев поезд. И вот, когда показался в виду царский экипаж, поднял

священник крест высоко над головой и стал им осенять грядущего в путь самодержца. Заметил это государь и велел своему поезду остановиться, вышел из экипажа и направился к священнику. Дал ему иерей Божий приложиться ко кресту, окропил его святой водою, перекрестился сам и сказал такое слово:

"Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Царь земный! Вниди в дом Царя Небесного, яко твое есть царство, а Его — сила и слава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь"[1].

И что ж вы, мой батюшка С.А., думаете? Ведь так пронзило слово это сердце царское, что тут же царь велел адъютанту выдать священнику на церковные нужды пятьдесят рублей. Мало того: заставил повторить слово и еще пятьдесят рублей пожертвовал. Во сто целковых оценил государь краткое слово сельского батюшки...

Прервал свой сказ о. Нектарий и засмеялся своим детским смехом...

— Впрочем, — добавил он с серьезным видом, — вы, батюшка-барин, изволили сто книг прочесть — вам и книги в руки.

Потом помолчал немного и сказал:

— Когда посвящал меня в иеромонахи бывший наш благостнейший владыка Макарий, то он, святительским своим прозрением проникнув в мое духовное неустройство, сказал мне по рукоположении моем тоже краткое и тоже силь-

---

[1] По другим преданиям, священник сказал: "Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Се Царь земный грядет в чертог Царя Небесного. Тому слава, Тебе — честь и держава. Благословен грядый во имя Господне!" — Говорят, будто священник, повторив слово по желанию Государя, дерзнул сказать: "Повторите и Вы, Ваше Величество!" И получил сто рублей. Ред.

ное слово, и настолько было сильно слово это, что я его до сих пор помню, — сколько уж лет прошло, — и до конца дней моих не забуду. И много ль всего-то и сказал он мне? Подозвал к себе в алтарь да и говорит: “Н...й! Когда ты будешь скорбен и уныл и когда найдет на тебя искушение тяжкое, то ты только одно тверди: Господи, пощади, спаси и помилуй раба Твоего, иеромонаха Н...я!” Только всего ведь и сказал мне владыка, но слово его спасло меня не раз и доселе спасает, ибо оно было сказано с властью.

“Да, — подумалось мне, — власти этой, кроме как от Бога, ниоткуда не получишь, хотя бы с академической кафедры, которую имеет в виду устроить мой орловский знакомый”.

От какой беды спасло нашего друга слово владыки Макария, того он мне не поведал, да я и спросить не решился. Мало ли скорбей и бед наводит враг рода человеческого на монаха, особенно если он старается “добре подвизатися” на тесном и прискорбном пути монашеского подвига!..

Сегодня тот же отец Нектарий в беседе о тесноте монашеского пути вспомнил об одном своем товарище по скиту, некоем отце Стефане, проводившем благочестное житие в обители двадцать пять лет и все-таки не устоявшем до конца в своем подвиге. И с какою тонкостью поведен был вражий приступ на Стефана с той стороны, откуда можно было ожидать не врага, а ангела света!

— Этот Стефан, — сказывал мне о. Нектарий, — был богатого купеческого рода Курской

губернии, и за ним в его родном городе числился и капиталец порядочный, и дом двухэтажный; а брат его родной, так тот и городским даже головой был на его родине — словом, из именитых людей был наш Стефан в миру, да и в обители у нас тоже пользовался доброй славой. Пришел он к нам еще совсем молодым человеком, прожил у нас двадцать пять лет послушником, получил рясофор (тогда у нас даже рясофор был великое дело); и так он хорошо и внимательно жил, что был приближен и к старцу Амвросию, и к отцу Ювеналию Половцеву[1]; отец Ювеналий так любил Стефана, что когда получил назначение наместником в Киевскую Лавру, то звал его ехать с ним, чтобы посвятить в иеромонахи.

— Будь только со мною, — говорил ему о. Ювеналий, — и прими священство, а я тебе, если жалуешься на слабость здоровья, и послушания даже никакого не назначу.

Такого, значит, высокого о Стефане мнения был о. Ювеналий. И что же впоследствии вышло? Стефан, как человек книжный и любитель святоотеческих писаний, особенно занимался изучением св. Иоанна Златоуста и из его творений делал выписки. Привел он эти выписки в порядок, а затем, не сказав никому ни слова, взял да и издал их на свой счет под своим именем, с указанием точного своего адреса. К имени своему он и прозвище придумал — "монах-мирянин" — и прозвище это тоже пропечатал

---

[1] В то время оптинскому иеромонаху, впоследствии архиепископу Виленскому.

рядом со своим именем. Издание это, к слову сказать, в свое время среди мирян имело успех немалый... Дошла эта книжонка и до рук оптинского настоятеля, архимандрита Исаакия. Позвал он к себе Стефана да и говорит, показывая на книжку:

— Это чье?

— Мое.

— А ты где живешь?

— В скиту.

— Знаю, что в скиту. А у кого благословлялся это печатать?

— Сам напечатал.

— Ну, когда "сам", так чтоб твоей книжкой у нас и не пахло! Понял? Ступай!

Только и было у них разговору. И жестоко оскорбился Стефан на архимандрита, но обиду затаил в своем сердце и даже старцу о ней не сказал ни слова. Так пришло время пострига — его и обошли за самочиние мантией: взял Стефан да и вышел в мир, ни во что вменив весь свой двадцатипятилетний подвиг. Прожил он на родине, в своем двухэтажном доме, что-то лет с пять, да так в миру и помер.

Рассказал мне о. Нектарий скорбную эту повесть, заглянул мне в глаза, усмехнулся и сказал:

— Вот что может иногда творить авторское самолюбие!

А у меня и недоразумение-то мое с о. архимандритом возникало на почве моего авторского самолюбия. К счастью, не возникло.

И откуда о. Н. это знает? А знает, и нет-нет да и преподаст мне соответственное назидание.

Уходя от нас и благословив меня, о. Н. задержал мою руку в своей руке и засмеялся своим детским смехом:

— А вы все это непременно запишите!

Вот и записываю.

25 июня

На этих днях наши аввы — о. архимандрит [Ксенофонт] и о. Игумен [Варсонофий] уезжают в Троице-Сергиеву Лавру на монашеский съезд.

Виделся сегодня с о. Нектарием.

— Каковы, — спрашиваю, — мысли ваши о предстоящем монашеском съезде?

— Мои мысли? — переспросил он меня с улыбкой. — Какие мысли у человека, который утром скорбен, а к вечеру уныл? Вы, батюшка барин, сто книг прочли: вам, стало быть, и книги в руки.

Мне было знакомо это присловие о.Нектария, и потому я не отчаялся добиться от него ответа, хотя бы и притчей, любой формой его мудрой речи. Я не ошибся.

— Помните вы свое детство? — спросил он меня, когда я стал настаивать на ответе.

— Как не помнить — помню.

— Вот и я, — говорит, — тоже помню. Набегаемся мы, бывало, ребятенки, наиграемся; вот и присядем или приляжем где-нибудь там, в укромном местечке, на вольном воздухе, да и давай смотреть на Божие небушко. А по небу-то, глядишь, плывут-бегут легкие облачка, бегут — друг дружку догоняют. Куда, задумаешься,

бывало, путь они свой держат по голубой необъятной дали?.. Эх, хорошо было бы на облачках этих прокатиться!.. "Высоко дюже — нельзя! — со вздохом решает компания. — Не взберешься... А хорошо бы!" И вот среди нас выискивается один, наиболее смышленый: "Эхва, — говорит, — уж и раскисли! Как так нельзя? Здесь нельзя — над нами высоко, а там — показывает на горизонте — там рукой их достать можно. Бегим скореича туда, влезем да и покатим!"

И видим все мы, что "смышленый" наш говорит дело, да к тому же он и коновод наш: ну что ж? — Бежим! И уж готова от слов к делу перейти стайка неоперившихся птенцов-затейников, да вспомнишь про овраг, через который бежать надобно, а в овраге, небось, разбойники, про дом свой вспомнишь — а в доме у кого отец, у кого мать да бабушка: еще вспорют чего доброго!.. Вспомнишь да и махнешь рукой на свою затею: чем по небу-то летать, давайте-ка лучше по земле еще побегаем!

Сказал батюшка свою притчу и улыбнулся своей загадочной улыбкой: понимай, мол, как знаешь!

Я не удовлетворился таким ответом.

— Вы мне, — говорю, — батюшка, скажите прямее: неужели толку не выйдет из съезда?

— Осердится на них Преподобный Сергий, — ответил о. Нектарий.

— На кого — на них?

— Да на наших, что туда едут. Чего "собираться скопом"? Ведь это запрещено монашеским уставом. Монашеский устав дан Ангелом: не

людям же его менять-стать да дополнять своими измышлениями... Плакать надо да каяться у себя в келлии наедине с Богом, а не на позор собираться.

— Как на позор? Что вы говорите, батюшка?

— На позор — на публику, значит, на вид всем, кому не лень смеяться над монахом, забывшим, что есть монах... Какие там могут быть вопросы? Все дано, все определено первыми учредителями монашеского жития. Выше богоносных отцов пустынных кто может быть?.. Каяться нужно да в келлии сидеть и носу не высовывать — вот что одно и нужно!

— Что бы, — говорю, — вам сказать все это аввам?

— А вы, — вместо ответа сказал мне батюшка, — не поскучаете ли еще послушать сказочку?

И батюшка продолжал:

— Жил-был на свете один вельможа. Богат он был и знатен, и было у него много всяких друзей, ловивших каждое его слово и всячески ему угождавших. А вельможа тот был характера крутенького и любил, чтобы ему все подчинялись... Вот, как-то раз на охоте с друзьями отошел к сторонке тот вельможа да в виду всех взял и лег на землю, приник к ней одним ухом, послушал, повернулся на другой бок, другим ухом послушал да и кричит своим приспешникам:

— Идите-ка все сюда!

Те подбежали.

— Лягте — слушайте!

Легли, слушают.

— Слышите? Земля трещит: грибы лезут.

И все закричали в один голос:

— Слышим! Слышим!

Только один из друзей встал с земли молча.

— Что же ты молчишь? — спрашивает вельможа. — Или не слышишь?

— Нет, — отвечает, — не слышу.

И сказал вельможа:

— Э. братец, ты, видно, тово — туговат на ухо!

И все засмеялись над ним и с хохотом подхватили слова вельможи:

— Да он не только туговат: он просто-напросто глухой!

Сказал свою сказочку батюшка и замолк.

— И все тут? — спрашиваю.

— Все. Чего же вам больше?

И то правда: чего же мне больше?[1].

26 июня

Гнев Божий. Дурные вести из деревни. Пророка надо. Монах Авель и участь его, как пророка

Третий день стоит такая погода, что, кажется, еще немного — и задохнешься: дождит, парит, а тяжелые тучи спускаются так низко, что задевают иногда за верхушки яблонь нашего сада. За всю свою жизнь я не запомню такого

[1] Какое дивное прозрение и поучение заключается в этом сказании: как не вспомнить исход вышеизложенной "Оптинской смуты" [см. соответствующий раздел Материалов данного издания]? Не "осердился" ли Преп. Сергий? Прим. И.М.Концевича.

ненастного и грозного лета. С Козельском сообщение на лодках по новому разливу Жиздры. Луга, уже в цвету, затоплены, а вода все прибывает и прибывает.

Гнев Божий!

Да как и не быть ему?.. Приходит сегодня отец нашей припадочной Груши просить чайку.

— Ну как, — спрашиваю, — живут у вас, Павел, на деревне? Опоминается народ?

А я знал и по рассказам, и по личным наблюдениям, что жизнь в деревнях стала, что называется, "не приведи, Господи!"

— Какое там, — махнул безнадежно рукою Павел, — опоминается! Опомнится он? Час от часу все хужеет народ, зверееет, точно и смерти на него нет: ни Бога, ни души — ничего не стал признавать. За то и дохнуть стали, как скоты: где застала смерть без покаяния, там и помирают. Сколько их у нас по полям да по дорогам поперемерло, и не перечесть!

— Что ж? Иль хворь какая зашла?

— Нет, так просто — с удару, что ль, или, там, от сердца: ударит в голову иль под сердце подкатит, и дух вон. Плохой, совсем плохой народ стал!

Это я уж давно не от одного Павла слышу.

Анархия в человеке — анархия и в природе. Воздвигни, Господи, пророка миру, да призовет его к покаянию! Не явится пророк, не обратит отступнического сердца к Богу — не миновать предреченной "скорби, какой не было от века и не будет"...

. . . .

Виделся с о. Н. Поговорил на эту тему.

— Пророка бы надо! — говорю.

— Пророка? — вопросительно повторил за мною это слово отец Н. — Вот что я расскажу вам на эт(Во дни великой Екатерины в Соловецком монастыре жил-был монах высокой жизни. Звали его Авель. Был он прозорлив, а нравом отличался простейшим, и потому что открывалось его духовному оку, то он и объявлял во всеуслышание, не заботясь о последствиях. Пришел час, и стал он пророчествовать: пройдет, мол, такое-то время, и помрет царица, — и смертью даже указал какою. Как ни далеки Соловки были от Питера, а дошло все-таки вскорости Авелево слово до Тайной канцелярии. Запрос к настоятелю, а настоятель, недолго думая, Авеля — в сани и в Питер; а в Питере разговор короткий: взяли да и засадили пророка в крепость... Когда исполнилось в точности Авелево пророчество и узнал о нем новый государь, Павел Петрович, то вскоре по восшествии своем на престол повелел представить Авеля пред свои царские очи. Вывели Авеля из крепости и повели к царю.

— Твоя, — говорит царь, — вышла правда. Я тебя милую. Теперь скажи: что ждет меня и мое царствование?

— Царства твоего, — ответил Авель, — будет все равно что ничего: ни ты не будешь рад, ни тебе рады не будут, и помрешь ты не своей смертью.

Не по мысли пришлись царю Авелевы слова, и пришлось монаху прямо из дворца опять сесть в крепость... Но след от этого пророчества

сохранился в сердце наследника престола, Александра Павловича. Когда сбылись и эти слова Авеля, то вновь пришлось ему совершить прежним порядком путешествие из крепости во дворец царский.

— Я прощаю тебя, — сказал ему государь, — только скажи, каково будет мое царствование.

— Сожгут твою Москву французы, — ответил Авель и опять из дворца угодил в крепость...

Москву сожгли, сходили в Париж, побаловались славой... Опять вспомнили об Авеле и велели дать ему свободу. Потом опять о нем вспомнили, о чем-то хотели вопросить, но Авель, умудренный опытом, и следа по себе не оставил: так и не разыскали пророка... А вы, С.А., хотели бы, чтобы в наше-то время, да чтобы пророк явился! Сто лет тому назад, вишь, куда пророков-то за слово пророческое сажали, а теперь, — усмехнулся он, — и слова сказать не дадут, как за клин засадят.

Так закончил свою повесть о. Н. о соловецком монахе Авеле.

О монахе Авеле у меня записано из других источников следующее.

Монах Авель жил во второй половине XVIII века и в первой XIX. О нем в исторических материалах сохранилось свидетельство как о прозорливце, предсказавшем крупные государственные события своего времени. Между прочим, он за десять лет до нашествия французов предсказал занятие ими Москвы. За это предсказание и за многие другие монах Авель поплатился тю-

ремным заключением. За всю свою долгую жизнь — он жил более 80 лет — Авель просидел за предсказания в тюрьме 21 год. Во дни Александра I он в Соловецкой тюрьме просидел более 10 лет. Его знали Екатерина II, Павел I, Александр I и Николай I. Они то заключали его в тюрьму за предсказания, то вновь освобождали, желая узнать будущее. Авель имел многих почитателей между современной ему знатью. Между прочим, он находился в переписке с Параскевой Андреевной Потемкиной. На одно ее письмо с просьбой открыть ей будущее Авель ответил так: "Сказано, ежели монах Авель станет пророчествовать вслух людям или кому писать на хартиях, то брать тех людей под секрет и самого Авеля и держать их в тюрьмах или в острогах под крепкою стражею"... "Я согласился, — пишет далее Авель, — ныне лучше ничего не знать, да быть на воле, а нежели знать, да быть в тюрьмах и под неволею". Но недолго Авель хранил воздержание и что-то напророчил в царствование императора Николая Павловича, который, как видно из указа Св. Синода от 27 августа 1826 года, приказал изловить Авеля и заточить "для смирения" в Суздальский Спасо-Евфимиевский монастырь. В этом монастыре, полагать надо, и кончил свою жизнь прозорливец.

В другом письме к Потемкиной Авель сообщал ей, что сочинил для нее несколько книг, которые и обещал выслать в скором времени. "Оных книг, — пишет Авель, — со мною нет. Хранятся они в сокровенном месте. Оные мои книги удивительные и преудивительные, и дос-

тойны те мои книги удивления и ужаса. А читать их только тем, кто уповает на Господа Бога".

Рассказывают, что многие барыни, почитая Авеля святым, ездили к нему справляться о женихах своим дочерям. Он отвечал, что он не провидец и что предсказывает только то, что ему повелевается свыше.

Дошло до нашего времени "Житие и страдания отца и монаха Авеля"; напечатано оно было где-то в повременном издании, но, по цензурным условиям, в таком сокращенном виде, что все касающееся высокопоставленных лиц было вычеркнуто.

По "Житию" этому монах Авель родился в 1755 году в Алексинском уезде Тульской губернии. По профессии он был коновал, но "о сем (о коновальстве) мало внимаше". Все же внимание его было устремлено на божественное и на судьбы Божии. Человек Авель "был простой, без всякого научения, и видом угрюмый". Стал он странствовать по России, а потом поселился в Валаамском монастыре, но прожил там только год и затем "взем от игумена благословение и отыде в пустыню", где начал "труды к трудом и подвиги к подвигом прилагати". "Попусти Господь Бог на него искусы великие и превеликие. Множество темных духов нападаше нань". Все это преодолел Авель, и за то "сказа ему безвестная и тайная Господь" о том, что будет всему миру. Взяли тогда Авеля два неких духа и сказали ему: "Буди ты новый Адам и древний отец и напиши яже видел еси,

и скажи яже слышал еси. Но не всем скажи и не всем напиши. а только избранным моим и только святым моим". С того времени и начал Авель пророчествовать. Вернулся в Валаамский монастырь, но, прожив там недолго, стал переходить из монастыря в монастырь, пока не поселился в Николо-Бабаевском монастыре Костромской епархии, на Волге. Там он написал свою первую книгу, "мудрую и премудрую".

Книгу эту Авель показал настоятелю, а тот его вместе с книгой проводил в консисторию. Из консистории его направили к архиерею, а архиерей сказал Авелю: "Сия твоя книга написана смертною казнию" — и отослал книгу с автором в губернское правление. Губернатор, ознакомившись с книгой, приказал Авеля заключить в острог. Из костромского острога Авеля под караулом отправили в Петербург. Доложили о нем "главнокомандующему Сената", генералу Самойлову. Тот прочел в книге, что Авель через год предсказывает скоропостижную смерть царствовавшей тогда Екатерине II, ударил его за это по лицу и сказал: "Как ты, злая глава, смел писать такие слова на земного бога?" Авель отвечал: "Меня научил секреты составлять Бог!" Генерал подумал, что перед ним простой юродивый, и посадил его в тюрьму, но все-таки доложил о нем государыне.

В тюрьме Авель просидел около года, пока не скончалась Екатерина. Просидел бы и больше, но книга его попалась на глаза князю Куракину, который был поражен верностью предсказания и дал прочесть книгу императору Павлу. Авеля

освободили и доставили во дворец к государю, который просил благословения прозорливца:

— Владыко, отче, благослови меня и весь дом мой, дабы твое благословение было нам во благое.

Авель благословил. "Государь спросил у него по секрету, что ему случится", а затем поселил его в Невской Лавре. Но Авель скоро оттуда ушел в Валаамский монастырь и там написал вторую книгу, подобную первой. Показал ее казначею, а тот ее отправил к Петербургскому митрополиту. Митрополит книгу прочел и отправил в "секретную палату, где сохраняются важные секреты и государственные документы". Доложили о книге государю, который увидал в книге пророчество о своей скорой трагической кончине. Авеля заключили в Петропавловскую крепость.

В Петропавловской крепости Авель просидел около года, пока не умер, согласно предсказанию, император Павел. После его смерти Авеля выпустили, но не на свободу, а под присмотр в Соловецкий монастырь, по приказанию императора Александра I.

Потом Авель получил полную свободу, но пользовался ею недолго. Написал третью книгу, в которой предсказал, что Москва будет взята в 1812 году французами и сожжена. Высшие власти осведомились об этом предсказании и посадили Авеля в Соловецкую тюрьму при таком повелении: "Быть ему там, доколе сбудутся его предсказания самою вещию".

В Соловецкой тюрьме, в ужасных условиях, Авелю пришлось просидеть 10 лет и 10 месяцев.

Москва, наконец, была взята Наполеоном, и в сентябре 1812 года Александр I вспомнил об Авеле и приказал князю А.Н.Голицыну написать в Соловки приказ освободить Авеля. В приказе было написано: "Ежели жив-здоров, то ехал бы к нам в Петербург; мы желаем его видеть и нечто с ним поговорить". Письмо пришло в Соловки 1 октября, но соловецкий архимандрит, боясь, что Авель расскажет царю о его (архимандрита) пакостных действиях, отписал, что Авель болен, хотя тот был здоров. Только в 1813 году Авель мог явиться из Соловков к Голицыну, который "рад бысть ему до зела" и начал его "вопрошати о судьбах Божиих". И сказывал ему Авель "вся от начала веков и до конца".

Потом Авель стал опять ходить по монастырям, пока не был, в царствование уже Николая Павловича, пойман по распоряжению властей и заточен в Спасо-Евфимиевский монастырь в Суздале, где, по всей вероятности, и скончался.

27 июня

Приехала к нам наша любимица и друг наш О[лимпиада] Ф[еодоровна] Р[агози]на, о которой я уже упоминал раньше, предполагая видеть в ней "знатную даму", предсказанную о.Нектарием... Ну, и измочалил же ее, бедную, мир...

Давно не бывавший у нас о.Нектарий сегодня пожаловал — точно предвидел приезд своей "знатной дамы" и с места завел разговор

о звездах, уверяя, что на карте звездного неба он нашел свою “счастливую звезду”.

Наша Липочка слушала его речи не без удивления, затем отвела меня в сторону и тихонько спросила:

— К чему это он все говорит?

— Не знаю.

— Вы ничего ему про меня не рассказывали?

— Нет.

— Странно.

— Что ж странного?

— Да то странно: я — именно я — всю жизнь искала свою “счастливую звезду” и не нашла ее до сих пор.

— А он, — говорю, — видите, нашел!

— Рассказывайте?!

— Присмотритесь поближе к Оптиной, к нашей жизни, к нашим интересам: быть может, и вы свою звезду найдете...

— А вы, — спросила Липочка, — вашу нашли?

— Видите, — говорю, — не ищем — стало быть, нашли!

Липочка задумалась, но, кажется, речам моим не очень поверила.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Нилус
Сергей Александрович

НА БЕРЕГУ БОЖЬЕЙ РЕКИ

ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ
ТОМ 1

Редактор О. Казаков
Художественный редактор О. Мороз
Технический редактор М. Шафрова
Компьютерная верстка В. Воронин
Оригинал-макет "Диоптра"

ЛР № 030806 от 13.02.98.
ЛР № 030721 от 03.02.97.
Подписано в печать 01.09.99.
Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Таймс».
Печать высокая. Усл. печ. л. 21,84. Печ. л. 13. Уч.-изд. л. 14,64.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 503.

СЗЦПЛ «Диоптра». 191186, Санкт-Петербург, Невский пр., д. 28.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ордена Трудового Красного Знамени ГП «Техническая книга»
Комитета Российской Федерации по печати
198005, Санкт-Петербург, Измайловский пр., 29.

